

А.Я. Гуревич

З

О
Л
О
Т
О
Й

З

Д
П
Я
С

З

Н
Д
Н
Н
Й

ПОХОДЫ ВИКИНГОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЛОВО»

Annotation

В книге рассказывается о викингах, чьи походы беспокоили Европу почти триста лет: с конца VII по XI века, став источником легенд о жестоких и кровожадных «северных людях». Автор, обращаясь к сообщениям западноевропейских хроник, сюжетам и описаниям скандинавских саг, археологическим находкам, рассматривает причины и последствия походов викингов не только для западноевропейских народов, но и для самой Скандинавии, рассказывает о торговле и раннесредневековых скандинавских городах, описывает быт и характеризует культуру скандинавов IX–XI веков.

-
- [А. Я. Гуревич](#)
 -
 - [Предисловие ко второму изданию](#)
 - [Викинги — легенда и реальность](#)
 - [Родина викингов](#)
 - [Корабли. Города. Торговля](#)
 - [Существовал ли Йомсборг?](#)
 - [Походы викингов](#)
 -
 - [Воины. Поселенцы](#)
 - [Конунги. Королевства](#)
 - [Норманнские поселения на Западе](#)
 - [Культура скандинавов IX–XI вв.](#)
 - [Заключение](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)

- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)

- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)

- [92](#)
 - [93](#)
 - [94](#)
 - [95](#)
 - [96](#)
 - [97](#)
 - [98](#)
 - [99](#)
 - [100](#)
 - [101](#)
 - [102](#)
 - [103](#)
 - [104](#)
 - [105](#)
 - [106](#)
 - [107](#)
 - [108](#)
 - [109](#)
 - [110](#)
 - [111](#)
 - [112](#)
-

А. Я. Гуревич

Походы викингов

Источник: Гуревич А. Я. Избранные труды. Т. 1. Древние германцы. Викинги. — Спб.: Издательство Фонда поддержки науки и образования «Университетская книга», 1996.

Текст книги взят с сайта [Ульвдалир](#) и частично исправлен [Дарьей Глебовой](#) по [изданию 2005 года](#).

Предисловие ко второму изданию

«Походы викингов» были опубликованы в 1966 году (и вскоре вслед за тем вышли в переводе на польский и эстонские языки). Минуло почти сорок лет. Когда я писал эту книгу, я еще был лишен возможности посетить Скандинавию и опирался лишь на литературу. В начале 90-х годов мне впервые довелось выступить с лекциями в десяти университетах Дании, Норвегии и Швеции, а также добраться до Исландии. Только тогда я побывал на месте военного лагеря в Треллеборге и в Стикластадире, где пал в бою норвежский конунг Олаф Харальдссон (Святой), увидел знаменитый рунический камень в Еллинге, восстановленный корабль из Усеберга и замечательные древнейшие деревянные церкви Норвегии, вскарабкался на Скалу закона близ Рейкьявика. Если бы мне посчастливилось совершить эти «походы» до появления книги на свет, она носила бы более личный характер.

Четыре десятилетия — изрядный срок. Тем не менее я не нашел необходимости что-либо изменять в содержании книги. Ряд дополнений и уточнений, учитывающих новейшую литературу и недавние археологические находки, внесены в текст заботливым и высококвалифицированным редактором Тамарой Анатольевной Пушкиной, за что я ей глубоко признателен.

Март 2004

Викинги — легенда и реальность

В один из июньских дней 793 г. монахи монастыря на острове Линдисфарн, близ побережья Нортумбрии, увидели в море паруса. Появление корабля в этом открытом всем ветрам и бурям негостеприимном уголке Северо-Восточной Англии было редким событием. Вот уже более полутора столетий служители монастыря Линдисфарн, основанного ирландскими и шотландскими миссионерами, жили уединенно, в строгом аскетизме, проводя время в молитвах и хозяйственных занятиях. Их мирная жизнь была мало связана с событиями внешнего мира и не нарушалась ими. Поэтому при виде четырехугольных парусов приближавшихся к острову кораблей монахи не испытали большого волнения. Каковы же были их изумление и ужас, когда на берег сошли воины в кольчугах с боевыми топорами в руках. Просьбы о пощаде и мольбы, обращенные к Богу, не возымели действия: монастырь был разрушен и сожжен, драгоценные дароносицы и другие священные сосуды, одеяния священников и все имущество разграблены пришельцами, многие монахи убиты, другие захвачены в плен и увезены прочь от родных берегов. Линдисфарн, служивший в VII–VIII вв., подобно некоторым другим монастырям Северной Англии, важным очагом духовной жизни Западной Европы, перестал существовать.

Камень, воздвигнутый впоследствии в Линдисфарне, красноречиво повествует о пережитой монахами трагедии. На одной его стороне высечены склонившиеся перед крестом фигуры молящихся людей, на другой — идущие друг за другом воины с занесенными для смертельного удара боевыми топорами. В «Англосаксонской хронике», сообщающей о нападении язычников на «Божью церковь в Линдисфарне, которую они диким образом разрушили, прибегнув к грабежу и убийству», это событие изображено как одно из многих стихийных бедствий, посеявших страх среди жителей Нортумбрии: ему предшествовали такие ужасные предзнаменования, как ураганы, необычайные молнии, полеты огнедышащих драконов; вслед за ними страну посетил голод. В следующем году участь Линдисфарна разделили монастыри в Ярроу и Вермуте. Затем подобным же набегам подверглись другие районы Англии, берега Шотландии, Ирландии, Уэльса.

Разгром церковных и культурных центров произвел глубокое впечатление на современников. Узнав о гибели монастыря в Линдисфарне, один из виднейших представителей «Каролингского возрождения», глава

придворной Академии императора франков Карла Великого Алкуин усмотрел в ней Божью кару за грехи жителей Нортумбрии, среди которых, по его словам, одни погрязли в излишествах, а другие умирают от голода и холода, в то время как правители ведут несправедливую жизнь и следят за своей прической и бородой больше, чем за соблюдением справедливости в стране. В нападении язычников Алкуин видел предзнаменование новых бедствий, напоминающих времена завоевания бриттов саксами. Он приводил прорицание библейского пророка Иереми: «От севера откроется бедствие на всех обитателей сей земли».

Действительно, пираты, нападавшие на британские берега, были выходцами с севера — из Скандинавии. Их нападения застали врасплох население Западной Европы. Завидев корабли под полосатыми или красными парусами с головами драконов и зверей на высоко вздымавшихся форштевнях, жители приморских районов Англии и Ирландии, Франции и Германии бросали дома и поля и спешили укрыться в лесах вместе со своим домашним скарбом и скотом. Замешкавшиеся погибали под ударами боевых топоров пришельцев или становились их пленниками. Вместе с награбленным имуществом их грузили на корабли и увозили на север. Все, что пираты не могли захватить с собой, уничтожалось: скот убивали, дома сжигали. Попытки оказать им сопротивление поначалу были безуспешны. Хорошо вооруженные бесстрашные северные воины, охваченные жадной добычи и возглавляемые прославленными вождями, легко рассеивали неорганизованные толпы крестьян, отвыкших от военного дела и приученных обращаться скорее с плугом и граблями, чем с мечом и копьем. Постоянно враждовавшие между собой феодалы Западной Европы не могли объединиться для того, чтобы дать отпор дерзким грабителям. Ошеломленные жители стран, подвергавшихся нападениям норманнов — «северных людей», как их прозвали за Западе, долгое время оставались беззащитными перед этой угрозой и, подобно Алкуину, видели в ней Божью кару за грехи. Духовенство молилось: «Боже, избави нас от неистовства норманнов!» Но самые горячие мольбы ко Всевышнему, на которого в средние века неизменно возлагались надежды о спасении от всяческих напастей, не помогали. Именно к этому времени относится предсказание, приписываемое Карлу Великому, что северные пираты причинят великие бедствия последующим поколениям.

Нападения норманнов с перерывами длились почти три столетия: с конца VIII до второй половины XI в. Во Франции «северные люди» были известны под именем норманнов, в Англии их звали датчанами, независимо от того, из Дании или Норвегии они приплывали на своих быстроходных кораблях. В Ирландии их называли финнгалл («светлые чужеземцы» — норвежцы) и дубгалл («темные чужеземцы» — датчане), в Германии — аскеманнами, в Византии — варангами, на Руси — варягами^[1]. В самой же Скандинавии воинов, совершавших походы в другие страны, именовали викингами. Жители стран, подвергавшихся нападениям викингов, видели их обычно в кольчугах, с мечом или боевым топором в руках, грабящими и убивающими, увозящими в плен женщин и мужчин, жестокими и алчными, чуждыми христианству и милосердию. Такими описывали викингов западноевропейские хронисты. С такими чертами викинги и вошли в историю. Но исчерпывающа ли эта характеристика? Что представляли собой народы скандинавских стран, выходцы из которых столь долго сеяли по миру ужас и смерть? Каковы причины походов викингов? Какую роль сыграли эти походы в истории Европы и прежде всего в истории самих скандинавов?

О викингах историки судили лишь по словам их противников и жертв — средневековых монахов и других духовных лиц, которые не могли не сетовать на причиняемые ими разрушения, — ведь викинги были «нехристями»! Судить викингов последующим поколениям было легко — они молчали. Скандинавы эпохи викингов не оставили документов или хроник^[2]. Рассказы о древних исландцах и норвежцах — саги — были записаны много позднее, в XIII в. Исландские песни о богах и героях литературоведы долго считали северными отголосками древнегерманского эпоса, а не памятниками скандинавской культуры. Вплоть до конца XIX в. ученые не могли заставить говорить курганы и камни, водруженные над могилами в Скандинавии и других странах, содержимое зарытых викингами кладов. Да и что изменили бы они в приговоре, вынесенном историей? Обилие монет, украшений, драгоценностей в северных кладах, видимо, могло лишь подтвердить вердикт: викинги — это грабители и насильники.

Одной из причин нападений норманнов историки считали слабость западноевропейских стран, вызванную их феодальной раздробленностью в IX и X вв., — воспользовавшись беззащитностью своих соседей, воинственные варвары нападали на них. Упрочение в XI в. королевской власти в Англии и других странах Запада положило конец этим разбойничьим набегам. Дала положительные результаты и неустанная миссионерская деятельность католического духовенства, проповедовавшего среди норманнов учение Христа: скандинавы крестились, принимали христианство, их походы прекратились.

Такое понимание проблемы викингов в истории средневековой Европы оставалось господствующим в науке вплоть до недавнего времени. Правда, среди части историков, в особенности скандинавских, бытовал и совершенно иной, романтический взгляд на деяния норманнов. Эти историки, впадая подчас в безудержное приукрашивание жизни отдаленных предков теперешних исландцев и датчан, норвежцев и шведов, видели в них сказочных витязей и героев, воплощавших всевозможные доблести. Но подобные воззрения внушали серьезным ученым большое недоверие^[3].

Однако нужно отметить, что кое-кого из ученых, занимающихся историей викингов, смущало одно обстоятельство. Дело в том, что средневековые хронисты, описывая с великим сокрушением и негодованием нападения норманнских язычников и их губительные последствия, гораздо меньше возмущались войнами и усобицами, которые непрерывно вели в тот же самый период христианские государи, князья и другие феодалы. Больше того, эти хронисты без всякого возмущения и осуждения сообщали об «угодных Богу» крестовых походах католических князей и церкви против язычников — славян, прибалтов, мусульман и других народов! А ведь в этом

свете «подвиги» норманнов отнюдь не выглядят чем-то исключительным: война, грабеж, истребление населения были повседневной действительностью Европы в раннее средневековье.

Чтобы составить научную, по возможности объективную картину походов викингов, необходимо изучить все исторические источники, не только те, которые относятся к странам, подвергавшимся норманнским нападениям, но и в особенности те, которые накоплены к настоящему времени в самой Скандинавии. Историками, археологами, нумизматами, искусствоведами, лингвистами, литературоведами и другими учеными за последние десятилетия собрано множество данных, на основе которых представляется возможным составить совершенно новую, более правильную характеристику скандинавов эпохи викингов.

Сознание необходимости углубить представления об эпохе викингов и природе походов этих пиратов, военных наемников, купцов и колонистов возникло давно. «Наша прежняя историческая наука ограничивалась весьма расплывчатым и неопределенным представлением о смелых и воинственных

викингах, мореходах и завоевателях, вооруженных с головы до ног и бороздивших моря от Ледовитого океана до Каспия на своих кораблях, украшенных резными звериными головами на носу. Этот эффектный образ «морского конунга», *sækonungr*, совершенно заслонял ту социальную среду, из которой вышел сам морской конунг, и те экономические условия, которые сложились у него на родине. За ним стоят те, кто пахали землю, косили сено, ловили рыбу и пасли скот, т. е. несли тот повседневный труд, на котором строилась вся вообще культура эпохи викингов и без которого были бы невозможны и сам обрисованный выше викинг, и его корабль, и все прочее; те, кто составляли его местное окружение на родине, куда он нередко возвращался после своих долгих и бурных поездок и приключений, его родичи, домашние, рабы и т. д., — окружение весьма сложное по своему социальному составу, и, наконец, те, кто шли с ним в поход, его дружина, его корабельщики, *skipveriar*, которые так же, как и он сам, не были какими-то абстрактными воинами и мореходами вообще, а вышли из определенной среды и не принимали участие в походах викингов во всяком случае не из одной любви к приключениям. Наша современная историческая наука, разумеется, не может удовлетвориться в отношении эпохи викингов прежней туманной романтикой»^[4].

Эти слова были написаны более 60 лет назад одним из специалистов по истории Скандинавии. Но и по сей день в нашей литературе отсутствуют работы о викингах, которые могли бы покончить с романтическими и поверхностными представлениями о них. Эту цель ставит перед собой автор предлагаемой читателю книги.

Необходимо ближе познакомиться со скандинавским обществом эпохи викингов, с его развитием, материальной и духовной культурой скандинавов, выяснить ту роль, которую они играли в истории Европы в IX–XI вв. Норманнская проблема, как она обычно ставится в советской историографии, касается отношений населения Руси со скандинавами в раннее средневековье. Однако ее нельзя правильно решить, не учитывая того, что представляли из себя норманны, какова была культурная и общественно-экономическая жизнь на их родине. О пути «из варяг в греки» и о скандинавах на Руси у нас написано немало. Между тем вопрос о «викингах на Западе» совершенно не освещен в нашей литературе^[5]. Поэтому в книге ему уделено больше внимания. Вследствие ограниченности ее объема проблема викингов не может быть рассмотрена с должной полнотой и многосторонностью. Задача книги — дать обзор и анализ нового, прежде всего археологического, материала по истории викингов, накопленного наукой за последние десятилетия, а также указать на некоторые вопросы, ждущие своего разрешения.

Родина викингов

Саги о древних скандинавах рассказывают, что, когда норвежцы покидали родину и отправлялись в морское плавание на поиски новых земель, они брали на борт своих кораблей вместе со скарбом и резные деревянные столбы с изображениями древних богов. Эти столбы украшали хозяйское сидение в горнице: языческие боги охраняли дом и его обитателей от бед и злых сил — великанов, чудовищ и прочей нечисти. Приближаясь к берегам Исландии, переселенец бросал эти столбы в волны и высаживался в том месте, куда их выбрасывало прибоем. Здесь он строил новый дом и устанавливал старые столбы подле своей почетной скамьи. Переселяясь на новые места не только с домочадцами, рабами и скотом, но также и со своими богами, привычками и обычаями, норвежцы искали возможность продолжать жить по законам своих предков.

Норвежские эмигранты, оказавшись в Исландии, на Оркнейских или Фарерских островах, в Ирландии или Шотландии, предпочитали селиться в гористой местности, близ морского побережья, в бухтах и фьордах. Между тем датчане, покидая равнинный Ютландский полуостров, переселялись в равнинные районы Нормандии и Восточной Англии. Выходцы из Швеции искали озерные и речные края, напоминавшие их родной Меларен и другие озера Центральной Швеции.

И это неудивительно. В средние века человек зависел от природы несравненно больше, чем сейчас. Она диктовала ему, как жить, где селиться, чем заниматься. Люди должны были скорее приспособлять ее к своим потребностям. Вот почему, не зная своеобразных черт природы Скандинавии, нельзя понять жизнь ее средневековых обитателей.

Скандинавский полуостров, вытянувшийся без малого на 2000 км, — самый крупный в Европе. Его рельеф сложился при отступлении и таянии ледника. Большая часть полуострова — гористая. С юго-запада на северо-восток простираются массивы Скандинавских гор. Гранитные скалы обнажены, но некоторые из них покрыты вечными снегами и ледниками. В образованных древним ледником чашах блещут синевой многочисленные озера. Горы круто обрываются в Норвежское море, врезающееся в берега многочисленными узкими и глубокими фьордами. Фьорды — заполненные морем огромные трещины в каменном теле полуострова — тянутся на десятки и сотни километров. Горы Скандинавии густой сетью прорезаны короткими, но многоводными и быстрыми реками с частыми порогами и водопадами. У берегов Норвегии, тянущейся длинной узкой полосой в

западной и северной частях полуострова, в общей сложности насчитывается до полутора тысяч островов. На восток Скандинавские горы постепенно понижаются. Возвышенности Северной Швеции наклонены к югу и ступенями спускаются к Ботническому заливу.

Лишь южная оконечность Скандинавского полуострова — Сконе — равнинная, с плодородными почвами. Ее пересекают невысокие скалистые гряды. Рядом островов, крупнейший из которых — Зеландия, Сконе соединяется с полуостровом Ютландией, тоже преимущественно равнинным. Берега Ютландии изрезаны морем и окружены огромным количеством островов и скалистых островков — шхер. Юго-западное побережье Ютландии окаймлено песчаными косами, отделенными от полуострова ваттами — пространствами, которые заливаются приливом и обнажаются при отливе. На берегу они переходят в покрытые сочными травами марши, которые тоже иногда затопляются морем. Это наиболее плодородные земли.

В отличие от Ютландии, ныне сравнительно небогатой лесами, почти половину всей площади Скандинавского полуострова занимают леса. Но в древности ими была покрыта большая часть территории обоих полуостровов. Леса разнообразны: на севере — хвойные, южнее — смешанные. Они располагаются зонами, в зависимости от высоты гор. На крайнем севере Скандинавского полуострова преобладает тундра. Леса богаты зверем, много птиц, прибрежные воды изобилуют рыбой.

Скандинавские горы резко делят полуостров на две климатические зоны. На севере климат полярный, суровый в течение круглого года, на западе — умеренный, океанический; здесь чувствуется теплое Атлантическое течение — Гольфстрим. Благодаря ему климат Норвегии и Швеции более мягкий, чем в других странах, расположенных в тех же широтах. Обильны осадки, зима мягкая, лето прохладное. Восточная часть полуострова защищена от западных ветров горами. Климат здесь континентальный: зима холоднее, лето более теплое, причем в древности эти различия были сильнее, чем ныне. Но климат Средней Швеции смягчается под влиянием больших озер — Венерн, Меларен, Веттерн и др. Зимой на большей части территории Швеции передвижение возможно преимущественно на санных.

Сильно изрезанная береговая линия Скандинавского полуострова чрезвычайно велика. Швеция, Норвегия и Дания — морские страны. Такова и Исландия — остров, население которого сосредоточивается на береговых низменностях, тогда как его внутренняя, возвышенная часть — пустыня и бесплодна.

Природные условия — горы, валуны, густые леса, обилие холодных талых вод вследствие весеннего таяния снегов, бедность почв и значительная высота над уровнем моря — мало благоприятствовали занятию земледелием. И в наши дни в Норвегии обрабатываемые земли составляют около 3% всей площади, а в Швеции — 9%, причем большинство пахотных земель приходится на ее южные области. В Исландии же обрабатываемые земли занимают менее 1% общей площади. Шире хлебопашество развивалось в Сконе и в Дании. В Норвегии и в большей части Швеции земледелие было возможно лишь на ограниченных пространствах, да и там населению подчас приходилось очищать почву от камней, выжигать или вырубать леса. Легенда приписывает одному из первых шведских конунгов прозвище «Лесоруб»: он якобы велел своим подданным и слугам рубить леса и строить на расчистках селения. В XI–XIII вв. подобная внутренняя колонизация Швеции и Норвегии приобрела значительный размах. Выжигание лесов практиковалось вплоть до недавнего времени и привело к гибели обширных лесных массивов.

Из-за обилия осадков и короткого вегетационного периода во многих частях Скандинавского полуострова среди хлебных злаков преобладают быстро созревающие сорта овса и ячменя. Рожь и пшеница распространены лишь в южных районах. Но увеличение населения далеко не всегда могло сопровождаться соответствующим ростом зернового хозяйства. Хлеба в Скандинавии в средние века не хватало, и зерно ввозили из других стран (в раннее средневековье — из Англии, затем — из Германии). Методы обработки земли на протяжении всего средневековья оставались большей частью примитивными. Нередко практиковалось мотыжное земледелие. Трехпольный севооборот применялся мало. Урожайность культур была крайне низкой.

Шире было развито скотоводство. Большие возможности для него давали горные пастбища — сетеры. Ими пользовались сообща жители многих хуторов и целых округов. Крестьянам часто приходилось заботиться не столько о запашке поля, сколько о заготовке фуража для скота на зиму. Кормов недоставало, и весной отощавших коров подчас приходилось выносить на приусадебные пастбища на руках. Падеж скота был обычным явлением. Поэтому октябрь в шведском календаре считался месяцем массового убоя скота.

Среди продуктов питания норвежцев и шведов на первом месте стояли мясо, молоко, масло, а также рыба: ловля трески и сельди всегда являлась одним из основных занятий населения приморских областей. Издревле в Скандинавии был известен и китобойный промысел. На Севере, за Полярным кругом, добывали тюленей. Тамошние жители — саами (лопари)

разводили оленей, охотились на пушного зверя, птицу, собирали птичьи яйца и пух. Мясо и рыбу запасали впрок, вялили, солили и коптили. Такую пищу запивали большим количеством пива, и часто зерно употребляли прежде всего для изготовления горячительных напитков, а не для выпечки хлеба. В сагах нередко упоминаются недороды и голодные годы, когда даже наиболее богатым людям не из чего было варить пиво.

Голод и его угроза как следствие неурожая, падежа скота, ухода рыбы от побережья и других стихийных бедствий — повседневная реальность в жизни скандинавов того времени. Жители Севера сплошь и рядом были вынуждены покидать насиженные места, переселяться в другие районы страны или вовсе уезжать за ее пределы. Эмиграция из Скандинавии началась задолго до эпохи викингов.

Неизбежно возникавшая потребность в регулировании численности жителей Скандинавии удовлетворялась разрешенным языческими верованиями детоубийством. Новорожденного приносили отцу, и он решал, оставить ребенка в семье или нет. Если он не считал это возможным вследствие своей бедности, физических недостатков или слабости ребенка, младенца относили в лес или пустынную местность и оставляли на произвол судьбы. Особенно часто так поступали с девочками. Если же новорожденного окропили водой, и отец дал ему имя и взял на руки, — он считался членом семьи, рода, после чего выбрасывание его расценивалось бы как убийство. Мужчина имел право признавать или отвергать детей, рожденных вне брака, — от рабыни или наложницы; если он не признавал ребенка, его судьбой должна была распорядиться сама мать. В те времена в ходу было понятие *gravgangsmenn* — «люди, обреченные на могилу»: если вольноотпущенник не мог прокормить свое потомство, детей оставляли в открытой могиле; бывший господин вольноотпущенника должен был взять наиболее крепкого из этих несчастных, остальные погибали голодной смертью. Показательно, что, когда в 1000 г. исландцы согласились принять крещение, было оговорено сохранение старинного обычая выбрасывать новорожденных. Эти варварские обычаи легко осудить, однако их нельзя объяснить черствостью родительского сердца. Нужда ожесточает. Суровые климатические условия Исландии постоянно держали ее население под угрозой голода. Во время сильного голода, постигшего остров зимою 976 г., убивали стариков. Видимо, неспроста датчане в Западной Европе того

времени прослыли обжорами: после скудного питания на родине они с жадностью набрасывались на пищу, которой были богаче жители более плодородных стран.

Европа в «эпоху викингов»

Естественная среда, в которой жили скандинавы, определяла не только формы их хозяйственной деятельности, но и характер поселений. В гористых, сильно пересеченных местностях Норвегии и Швеции преобладали хуторские поселения, состоявшие из отдельной усадьбы или нескольких усадеб. Зачастую хутора были разбросаны на большом расстоянии один от другого. Лишь постепенно, с ростом населения, из хуторов возникали небольшие деревни. Но и тогда сыновьям владельца хутора нередко приходилось переселяться в другую местность, если имелась возможность основать новую усадьбу. Обширные районы в гористой части Скандинавии оставались незаселенными и использовались только для охоты. И в наши дни Норвегия отличается наименьшей плотностью населения в Европе, уступая в этом отношении одной Исландии. В равнинных областях средней Швеции и в Дании деревенская община возникла уже в раннее средневековье. Здесь население гуще. В этих областях, да еще кое-где в приморских районах Норвегии быстрее наступал

материальный прогресс, развивалась культура, закладывались предпосылки для возникновения государства.

Жители обособленных хуторов, в особенности расположенных в гористой местности, подчас не могли поддерживать постоянных связей даже с соседями. Снежные горы и ледники, фьорды и горные речки разделяли страну на многочисленные небольшие районы, население которых жило своей жизнью и было слабо связано с внешним миром. Если горы разъединяли, то море часто соединяло жителей Скандинавии. Так, до недавнего времени обитателям отдельных местностей Исландии труднее было поддерживать сообщение между собой, чем с Данией, которой до сравнительно недавнего времени был подчинен остров.

Разобщенность поселений не менее характерна и для других скандинавских стран. Большая часть норвежцев, например, жила в приморских частях страны, на берегах моря и фьордов. Кое-где через горные перевалы пролегали дороги, но по морю добраться из Северной Норвегии в южную или западную части ее оказывалось проще и быстрее, чем по суше. Название страны — Норвегия (Norðrvegr) означало «северный путь» — этот путь шел вдоль побережья. Средневековый скандинав чувствовал себя на земле более стесненным, чем на море. Почти все крупные сражения, которые произошли в Скандинавии между IX и XIII вв., были морскими. Повелителем Норвегии оказывался тот, кто обладал флотом.

Горный ландшафт Скандинавского полуострова, разделявший его на обособленные районы, в немалой мере предопределил и границу между Норвегией и Швецией. Ее большая часть проходит по горному хребту — в местности, которая не заселена и в наши дни. И это несмотря на то, что Швеция, Норвегия и Дания на протяжении всей своей истории были тесно связаны между собой как морскими путями (Швеция отделена от Дании лишь узкими проливами, расстояние от Норвегии до Дании по морю по прямой немногим превышает 100 км), так и непосредственным территориальным соседством: Дания в средние века имела владения в южной части Скандинавского полуострова — Сконе.

Разъединенные всем образом жизни и хозяйства, которое на протяжении многих веков сохраняло натуральный характер, жители скандинавских стран вместе с тем имели между собой и много общего. Прежде всего общими были их этническая принадлежность к северным германцам и язык. Повсюду в Скандинавии в раннее средневековье говорили на родственных диалектах одного древнескандинавского языка. Он принадлежит к языкам германской ветви индоевропейской языковой семьи. Иногда его называли «датским языком». Этот язык был понятен и в

тех странах, куда переселялись выходцы из Скандинавии. Исландские поэты — скальды исполняли свои песни перед датским конунгом и беседовали со шведами при посещении их страны; норвежский конунг, бежавший на Русь — в «страну укреплений» (Garðaríki), как ее называли скандинавы, находил общий язык (в прямом смысле слова) с ее правителями. В Англии также понимали северную речь. Культура, религиозные представления, мифология, формы погребений, многие правовые обычаи были общими для всех скандинавов. В основе их языковой и духовной общности, общности права и обычаев, о наличии которой свидетельствуют как первые записи их судебных книг, так и саги, лежало общее происхождение северных германцев, одинаковые условия жизни, один и тот же общественный строй — родовой строй на стадии разложения и перехода к классовому обществу — и порожденная этими естественными и общественными условиями и соответствовавшая им психология.

Если население большей части Европы того времени состояло преимущественно из крестьян-земледельцев, то скандинавские бонды — так называли свободных людей, домохозяев, глав семей — были не только, а подчас и не столько хлебопашцами, сколько скотоводами, охотниками, рыболовами, моряками, китобоями. Широко развитая на Севере уже в раннее средневековье торговля давала возможность его жителям несколько пополнять свои скудные пищевые ресурсы: они вывозили шкуры, меха, Рыбу, лес, домотканые сукна, железную руду, тальковый камень и выменивали их на зерно, вино, ремесленные изделия, оружие, украшения и другие товары.

Несмотря на издревле существовавшие связи жителей Скандинавии с другими народами, внешнее влияние на их жизнь до начала эпохи викингов было все же относительно слабым. Скандинавы оставались в стороне от развития античной цивилизации. Хотя выходцы из северных стран и принимали участие в нападениях на Римскую империю, скандинавские племена не были вовлечены в «Великое переселение народов», которое привело к завоеванию Римского государства варварами и образованию на его территории германских королевств. Относительная изоляция скандинавов тормозила их экономический, общественный и культурный прогресс. В то время как у франков, готов, англосаксов и других племен, переселившихся в бывшие провинции империи, формирование классового общества ускорило под воздействием найденных в завоеванных ими странах римских порядков, жители Швеции, Норвегии и Дании, оставаясь на родине, дольше сохраняли общинно-родовой строй. Его разложение шло медленнее, чем в других частях Европы.

У племен, занимавших отдельные области Скандинавского полуострова и Ютландии, долго держались родовые и общинные формы собственности на землю. Вплоть до VIII–IX вв. здесь существовала патриархальная большая семья — коллектив ближайших родственников нескольких поколений: в одном хозяйстве объединялись не только родители и их дети, но и семьи, созданные взрослыми сыновьями. Обычно большая семья занимала одно жилище. Археологами обнаружены остатки многих длинных домов этого периода. Длина их достигала 20–30 и более метров. В отдельных помещениях такого дома жили отец с матерью, сыновья со своими женами и детьми, другие родственники. В районах полуострова, имеющих суровый климат, отгороженная часть дома отводилась под стойло для скота^[6]. Земля, примыкавшая к усадьбе, принадлежала всей семье, составлявшей своеобразную домовую общину. С помощью родственников легче было расчистить участок от камней или леса и запастись на зиму корм для скота. Суровая природа вынуждала людей прочно держаться отношений взаимопомощи, естественных для родового строя.

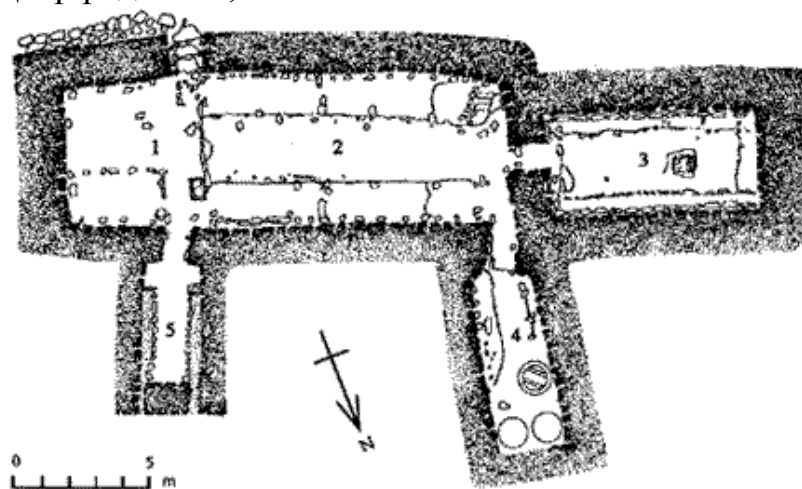
Лишь в более позднее время между сыновьями и отцом или между братьями стали производиться разделы наследственного владения. Но и после раздела земли и обособления индивидуальных хозяйств свободного распоряжения участками сразу не возникало: человек, вынужденный продать свою землю, был обязан предложить ее купить сначала своим сородичам. Только в том случае, когда они не могли или не желали воспользоваться этим предложением, владелец получал право продать землю на сторону. Однако сородичи могли и впоследствии выкупить проданную землю^[7].

Первоначально же земля вообще считалась неотчуждаемым владением большой семьи. Для бонда усадьба его отца, в которой он родился, жил, работал вместе с сородичами и которую он оставлял, умирая, своим детям и другим близким людям, была микромиром, средоточием всех его интересов. Его усадьба называлась одалем, а сам он — одальманом. Но слово «одаль» — наследственная земля — означало в древнескандинавском языке также «родина». В представлении скандинавов времен язычества, мир людей был не чем иным, как большой усадьбой: вокруг нее лежал мир великанов и страшных чудовищ. Поэтому мир людей называли Мидгардом (буквально: «то, что расположено в пределах изгороди»), а мир исполинов и чудищ — Утгардом («находящееся за оградой»). Человек и усадьба были неразрывно связаны между собой. Эта связь считалась священной.

Близ хутора и даже в пределах его ограды находилось погребение предков. Считалось, что умерший продолжал свою жизнь в роду. Детям охотно давали имя предка, который как бы оживал в них, а его качества

оказывали влияние на нового носителя имени. Предки охраняли семью и хозяйство, от них зависело плодородие. В память отцов и дедов воздвигались камни с вырезанными на них руническими надписями. Сознанием тесной связи поколений родичей и важной роли, которую умершие играли в судьбах потомков, проникнуты исландские родовые саги, с исключительной тщательностью прослеживающие родственные связи исландцев не только с ближайшими, но и с отдаленными предками: для древних скандинавов история в значительной мере была родословной. Уважение к старшим — безусловный закон родового общества — сочеталось с не менее общераспространенным пренебрежением к слабым. Нередко старик, чувствуя приближение времени, когда он станет беспомощным, искал смерти в бою. Древние скандинавы верили, что такая смерть открывала перед ними врата Валхаллы — загробной обители павших со славою воинов.

Названия многих усадеб, восходящие к периоду, предшествующему походам викингов, свидетельствуют о независимости, богатстве и высоком общественном положении их обладателей, о гордом их самосознании: «Прекрасный двор», «Дом сильного», «Жилище благородного», «Золотой двор», «Двор радости», «Богатая обитель».

План исландского хутора периода викингов (по материалам раскопок): 1 — сени; 2 — центральное жилое помещение («зал»); 3 — рабочая комната; 4 — чулан; 5 — уборная

У жителей усадеб были свои божества и духи-покровители, в честь которых приносились жертвы и устраивались празднества. Нередким было поклонение животным — коням и быкам. Во время праздничных пиршеств употреблялись мясо и кровь коней. Детородный орган жеребца служил амулетом, приносящим плодородие. Усердное поклонение духам дома

гарантировало благополучие семьи, удачные роды жены и невесток, здоровье детей, приплод скота, произрастание посевов, счастье во всех делах.

В средней части дома находилось обширное помещение. Здесь, вокруг очага, происходили общие трапезы всех членов семьи. Вдоль стен располагались скамьи для домочадцев, а у обращенной к северу стене возвышалось хозяйское место, украшенное столбами с резными изображениями богов — покровителей дома. Почетное сидение бонда — главы дома — почиталось священным. Когда после смерти отца сын садился на его место, это означало, что он вступил в права наследника.

Вместе с членами семьи в усадьбе жили рабы и другие зависимые люди и слуги, которые помогали по хозяйству, пасли скот и выполняли другие тяжелые и грязные работы, участвовали в рыбной ловле. У каждого более или менее крепкого хозяина имелись зависимые домочадцы. Владельцы побогаче нередко выделяли рабам и вольноотпущенникам небольшие участки и снабжали их инвентарем. Все население дома находилось под непререкаемой и неограниченной властью его главы. Для такого самоуправляющегося и обособленно жившего коллектива не существовало иного закона, помимо обычая предков и воли отца. Он был властен наказывать домочадцев и определять их судьбу, от него зависело, останется ли в живых новорожденный ребенок. Между членами большой семьи не было равенства. Наряду с детьми, рожденными в браке и пользовавшимися правом наследования, у хозяина могли быть дети от рабынь и наложниц, которые таких прав не имели. Незаконнорожденные дети и бедные родственники, находившиеся на положении приживальщиков, играли немалую роль в хозяйственной жизни крупной усадьбы наряду с рабами и слугами. Зачастую зажиточные бонды отдавали своих детей на воспитание к более бедным родственникам или другим людям, в том числе вольноотпущенникам. Это была своеобразная форма покровительства, оказываемого сильным более слабому. Таким путем расширялся круг родства и взаимопомощи, возглавляемый могущественным хозяином.

Женщина находилась под властью и покровительством мужчины: девушка — под опекой отца или сородича, заменявшего ей отца; после выхода замуж она переходила под опеку мужа. Но будучи подчиненной мужчине и неравной с ним, в частности в правах наследования, женщина вместе с тем не была принижена и бесправна. Ей принадлежала большая роль: она считалась хозяйкой дома. Саги рисуют облик многих властных женщин, державших семью в своих руках и пользовавшихся уважением жителей всей округи. Обладала женщина и правом на развод, которым могла воспользоваться в случае обнищания супруга, причинения ей обиды или

недостойного поведения (например, если он носил одежду, напоминающую одежду женщины). Супружеская верность жен строго охранялась ревнивыми и мстительными мужьями, которые весьма пеклись о своей и семейной чести: неверную муж жестоко наказывал и отсылал к ее сородичам, которые могли даже продать ее в рабство. Западноевропейские хронисты утверждали, что у каждого скандинава якобы имелось по две-три жены, а у знатных их было без числа.

В усадьбе всем находилась работа. Но молодые люди из зажиточных семей имели возможность покидать отцовские усадьбы на летнее время, отправляться за море в пиратские и торговые поездки. До наступления зимних штормов они возвращались домой, принося семье, помимо дохода, уважение и славу в округе, новости о заморской жизни и впечатления, необычные для рутинного быта на родине. Зимой, когда работы было меньше, а связь с внешним миром, и без того слабая, почти вовсе прерывалась, жители усадьбы много времени проводили у домашнего очага, слушая рассказы о виденном и пережитом в чужих странах, сказания о жизни в старину, легенды о богах и героях, нередко восходившие к эпохе «Великого переселения». Как и другие народы, жившие родовым строем, скандинавы отличались широким гостеприимством. Даже врага нужно было накормить, если уж он пришел в дом.

Летом жизнь заметно оживлялась. Жители соседних хуторов чаще встречались на общих пастбищах, на сходках. Такие сходки — тинги — устраивались для решения конфликтов и споров, возникавших между соседями, для расследования и наказания преступлений; на тингах совершались в присутствии свидетелей и поручителей имущественные сделки. В каждом районе (хераде, сотне), пределы которого устанавливались самой природой — в отдельной долине, части побережья существовал свой тинг. На эти сходки мужчины являлись вооруженными. Принимая решение, они, как и древние германцы, в знак одобрения потрясали оружием.

Человек, имевший претензии к другому или обвинявший его в преступлении, должен был явиться к дому обидчика и вызвать его на тинг. Затем от усадьбы к усадьбе передавали стрелу — знак созыва тинга. В назначенный день, обычно в новолуние или полнолуние, все бонды, жившие в одном районе, собирались на отведенном для тинга месте, например на холме или лесной поляне, и выслушивали стороны и свидетелей. Места сходов считались священными и состояли под охраной богов: кровопролитие или другое преступление, совершенное здесь, признавалось святотатством и каралось особенно строго. Нередко в этих местах находилось капище, совершались жертвоприношения и гадания.

Хранителями обычая были наиболее почтенные и старые люди; обычай так и переходил из поколения в поколение, «исконность», старина придавали ему силу и авторитет. В нужных случаях хранитель обычая излагал его на тинге, в Исландии знаток обычаев так и назывался «законоговоритель». Для того чтобы оправдаться от обвинения, нужно было принести очистительную присягу вместе с определенным числом соприсяжников; количество их зависело от характера и тяжести обвинения. Иногда прибегали к испытаниям раскаленным железом или кипящей водой, и выдержавший испытание считался очистившимся от обвинения. Виновных присуждали к уплате возмещения в соответствии с обычаем или по оценке сведущих людей. Наиболее злостных преступников карали изгнанием, таких негодяев — «нидингов» — считали волками, их всякий мог убить.

Единственной формой письменности у скандинавов до конца XI в. оставались древнегерманские знаки — руны, которые вырезали на камне, кости, дереве, оружии. Они имели преимущественно магическое значение, и законов ими не записывали. Поэтому к памяти предъявляли очень большие требования. В памяти приходилось хранить все, что требовалось сообщить следующему поколению. Сделки и соглашения заключались при свидетелях, которые обязаны были помнить их условия; по прошествии определенного срока эти условия подтверждались на тинге или сообщались тем, кто должен был выполнять функции свидетеля впоследствии. Чтобы память не изменила, свидетелей обычно было несколько.

Человек, привыкший рассчитывать только на свои силы и помощь сородичей, зачастую не обращался за правосудием к тингу: заботясь о поддержании чести своей семьи и рода, он расправлялся с обидчиком сам. Кровная месть была обычным явлением. Стремясь причинить обидчику и его роду наибольший урон, нередко убивали того из родственников преступника, кто пользовался наибольшим уважением. Месть вызывала ответную месть, ибо кровь, по представлениям, господствовавшим в родовом обществе, смывалась только кровью. Если сородич не был отмщен, на всю семью и род ложилось пятно позора. Месть индивидуальная превращалась в месть родовую, вовлекавшую в свой кровавый черед широкий круг людей и длившуюся подчас из поколения в поколение. Лишь посредничество соседей могло заставить враждующих сложить оружие и удовлетвориться уплатой возмещения. Исландские саги, излагающие родовые предания и жизнеописания, полны рассказов о бесконечных кровавых расправах между семьями и родовыми группами как в самой Исландии, так и в других скандинавских странах. Нередко случалось, что месть приводила к убийству сразу большого числа людей. В обычае было

сожжение дома врага с его обитателями. Величайшим несчастьем, которое могло постигнуть человека, у древних скандинавов считалось прекращение рода или его упадок. Любовь к детям питалась, помимо естественного родительского чувства, сознанием того, что они — продолжатели рода.

Общество еще не перестроилось по классовому принципу, все бонды — свободные люди, обладавшие хозяйственной независимостью, считались равноправными и полноправными, обычай, имевший силу закона, был для всех один. Но на практике торжествовало право сильного: кто имел больше сородичей и зависимых людей, был богаче и влиятельнее, тот мог навязать свою волю соседям и участникам тинга. Самоуправство наиболее могущественных и богатых людей, имевших средства заставить считаться с собой всех окружающих, уже тогда не знало границ.

Имущественное неравенство скандинавов еще до эпохи викингов было довольно значительным. Наряду с состоятельными владельцами, которые владели большими стадами, использовали в хозяйствах труд рабов и слуг, имели корабли для торговых поездок, существовало немало бедняков, с трудом сводивших концы с концами в небольших усадьбах. Обнищавшим приходилось идти в услужение к богатым соседям. Нередко свободный человек, лишившийся собственности и не имевший возможности получить помощь от родственников, попадал в долговую кабалу и оказывался в положении раба. Вокруг больших и богатых дворов преуспевающих бондов на их земле возникали мелкие хозяйства арендаторов и держателей, которые платили за пользование участками часть урожая. Держателями становились также рабы и вольноотпущенники. Таким образом, крупное хозяйство в Скандинавии тех времен обрастало более мелкими. Рабы и вольноотпущенники, слуги и арендаторы, многочисленные родственники и приживальщики группировались под властью «могучих бондов», как их с почтением, а подчас и с опаской, называли окружающие. Владения «сильных людей» (стурманов) становились центрами общественной жизни в отдельных местностях, своеобразными ядрами социального притяжения для всех более слабых, бедных и беззащитных: здесь они искали покровительства и помощи, за которую были вынуждены расплачиваться своей независимостью.

Жители соседних местностей, принадлежавшие к одному племени, подчас объединялись для совместной защиты от нападений и для соблюдения порядка. Время от времени они собирались на областной тинг. Здесь обсуждались наиболее важные дела, имевшие общий интерес. Некоторые языческие святилища были общими для целой области. Народные сходки являлись важным средством общения населения, раздробленного на мелкие мирки: на них узнавали новости, договаривались

о сделках и брачных союзах. Законоговoreние не было оторвано от народного сказания, и то и другое в глазах народа имело одинаковую достоверность и значение. Встречи на тингах способствовали распространению саг, до XII–XIII вв. сохранявшихся в устной форме, песен о богах и героях, стихотворений и песен скальдов.

Хотя тинги в тот период сохраняли характер народных сходок, ведущую роль на них играли наиболее знатные и влиятельные бонды. С ними были связаны родством, свойством, а нередко и материальной зависимостью многие участники тинга. Когда собрание посещал правитель области — конунг или ярл, — с ним от имени и при поддержке присутствовавших говорили знатные люди и «могучие бонды».

Таким образом, несмотря на значительную обособленность хуторов и мелких деревень, их жителей объединяло стремление наладить местное управление, охрану порядка и правосудие; существовала общность религиозных верований, культов и связанных с ними празднеств. Необходимость защититься от внешней опасности, нападений с моря или на суше, вынуждало жителей заботиться о создании укреплений, где они могли бы укрываться от врага, и об организации ополчения. Примитивные, преимущественно земляные и деревянные, с использованием камня, укрепления, остатки которых разбросаны в разных частях Скандинавии, свидетельствуют о том, что население предпринимало совместные работы по их постройке. Но в организации подобных работ, и особенно при создании ополчения, большую роль играли вожди, стоявшие во главе населения.

Знать существовала еще у древних германцев. Во главе родов и округов стояли старейшины, племена возглавлялись «королями» и военными вождями, причем последние во время войны пользовались широкой властью. Античные авторы подметили наследственный характер германской знати: знатность, понимаемая как родовитость, была принадлежностью целого рода или семьи, и только из числа лиц, входивших в состав этого рода и семьи, «выбирались» предводители племен и племенных союзов. Таких «королей» (у скандинавов они назывались конунгами), ярлов и херсиров упоминают не только песни скальдов, наиболее ранние из которых известны от IX в. Свидетельствуют о них и рунические надписи, начиная с эпохи «Великих переселений». Правление знати было повсеместным явлением, оно глубоко укоренилось в общественной жизни скандинавских племен задолго до эпохи викингов. В VI–VIII вв. могущество знати еще более укрепляется.

Внушительными свидетельствами этого могут служить «княжеские» курганы и богатые погребения правителей Уппланда (в Средней Швеции), подчинивших своей власти племена свеев, и среди них — крупнейший «курган Оттара», датируемый V–VI вв. [8] В Юго-Восточной Норвегии расположен самый большой курган Северной Европы — Ракнехауген. Поперечник его — 100 м, высота — 15 м. Прежде чем насыпать курган, строители возвели сооружение из бревен. С этой целью они истребили большой сосновый лес. Исследование годичных колец использованных при этом деревьев показало, что все они были спилены в течение одного года. При возведении кургана были предприняты и земляные работы широкого масштаба (в общей сложности было насыпано около 80 тыс. кубометров земли). Предполагают, что в этих работах принимали участие приблизительно 500 человек, т. е. мужское население обширного района. По-видимому, курган был возведен по приказанию могущественного вождя. Погребения в кургане не оказалось: он служил не местом захоронения, а монументом, увековечивавшим память «князя». Археологи относят Ракнехауген к VI в. [9] Предание гласит, что в шведском Уппланде и в Юго-Восточной Норвегии в тот период правила династия Инглингов, к которым впоследствии возводили свой род конунги Швеции и Норвегии.

Когда гораздо позднее, в конце X в., представитель французского короля спросил датских викингов, отряд которых грабил Северную Францию, об имени их господина, они отвечали: «Нет над нами господина, ибо все мы равны!» Этот гордый ответ часто приводят в доказательство сохранения демократических порядков не только в Скандинавии, но и в войске викингов. Действительно, господ во французском понимании, т. е. феодальных сеньоров, требовавших службы и верности от своих вассалов за пожалованную им землю, у скандинавов в X в. еще не существовало. Но не было среди них и равенства: знать возвышалась над остальным населением, которое видело в ней своих предводителей и повиновалось ей.

Знатные люди играли ведущую роль в военном деле. Вождь стоял во главе ополчения, составлявшегося из всех боеспособных мужчин. Слово «херсир» (hersir), обозначающее вождя, происходит от древнескандинавского herr — войско, народ. Быть вождем племени, народа, значило возглавлять воинское ополчение. Во время войны вождь пользовался неограниченной властью. Он постоянно требовал от подчиненных ему жителей хранить в порядке необходимое оружие. Существовало понятие «народное оружие», т.

е. оружие, которое должен был иметь каждый свободный человек. В его состав входили боевой топор или меч, копье, лук со стрелами, щит. Поскольку война сплошь и рядом шла на море, в прибрежных водах, требовались корабли, и население было обязано на свои средства, в складчину, строить и снаряжать боевые ладьи, поставлять провиант и служить на них. В эпоху викингов жители приморских районов Швеции, Дании и Норвегии были организованы в «корабельные округа»; от каждого выставлялся полностью снаряженный военный корабль с командой.

Вождь был окружен дружиной, в которую входили молодые люди, искавшие добычи и славы. Такой вождь мог защитить соплеменников от врагов и захватить новую территорию для поселения. Отношения в дружине строились отнюдь не на началах равенства, как может показаться из слов датских викингов («Все мы равны!»): дружинники приносили вождю присягу верности, нарушение которой покрыло бы их несмываемым позором, получали от него меч и иное оружие, коня и долю в добыче и считали его своим господином. Слово «hegga» — господин — встречается уже в самых ранних песнях скальдов для обозначения предводителя дружины. То, что Тацит писал о древних германцах: «Вожди сражаются за победу, дружинники — за вождя», — полностью подходит и к скандинавским дружинам. Вернуться из сражения, в котором пал вождь, было признаком трусости — одного из самых постыдных пороков, с точки зрения варваров. Дружина должна была защищать вождя, служить ему и пасть в бою вместе с ним, если военное счастье ему изменило. Дружинники служили предводителю и в его усадьбе, где они жили. Некоторые дружинники назывались «свейнами» — то были оруженосцы и слуги, обязанные стоять за столом, когда пировали вождь и старшие дружинники, и подавать им питье и еду. Власть вождя над дружинником, пока тот оставался с ним (он мог быть отослан из дружины или уйти сам, с разрешения вождя), была чрезвычайно велика.

Племя, во главе которого стоял вождь, опиравшийся на дружину, отчасти содержало его и воинов на свой счет. Еще древние германцы приносили вождям подарки в виде скота и земных плодов. С течением времени эти дары неизбежно утрачивали добровольный характер и превращались в дань или кормление, которое все домохозяева обязаны были предоставлять вождю. Усадьбы конунгов и херсиров служили местом, куда население свозило продукты для вождя и его свиты. Такие поборы назывались вейцлой, т. е. кормлением, угощением, пиром^[10]. Вождь, имевший несколько усадеб, расположенных в разных частях возглавляемой им области, разъезжал по этим дворам и кормился вместе со своими людьми за счет приношений. Прокормить многочисленную дружину могущественного

конунга или херсира было нелегко, население нередко видело в этой обязанности серьезное для себя обременение. Для того чтобы не истощить ресурсы жителей и не вызвать у них недовольства, вождям приходилось чаще переезжать из одной местности в другую, нигде не задерживаясь подолгу, либо отправляться за добычей к соседям или за море. Когда же они пытались сократить рацион дружинников, те не скрывали недовольства. Казалось естественным, что вождь щедр на угощения, как и на кольца и гривны, которые он дарил своим приближенным. Скальды сплошь и рядом называли вождя «раздающим золото», «щедрым на кольца».

Основой могущества знати являлась и ее ведущая роль в религиозных делах. Знатные лица охраняли храмы, ведали обрядами и жертвоприношениями. Поскольку же гадания и религиозный ритуал непосредственно связывались с поступками людей (в зависимости от предсказания выступали в поход или оставались дома, ждали урожая, улова рыбы, приплода скота и т. п.), то контроль знати над культом перерастал в ее контроль и над другими сторонами жизни населения. Принося жертвы, вождь способствовал благополучию населения. В одной из саг рассказывается, что после того как норвежский ярл Хакон стал «приносить жертвы настойчивее, чем это делалось прежде», «вскоре улучшился урожай, и снова появились хлеб и сельдь, процвела земля». Отправляя культ, знатные люди оказывались в глазах населения в более тесных, интимных отношениях с божественными силами и сами приобретали значение избранников или потомков богов^[11]. Конунги древних скандинавов вели свое происхождение от языческих богов. Формировавшаяся у них в эпоху викингов королевская власть приобретала сакральный характер задолго до появления на Севере христианства.

В личности конунга, по представлениям того времени, воплощались благополучие и счастье его народа. Не только жертвы, которые он приносил, и обряды, им совершаемые, но и сам он был источником удач и успехов соплеменников. В годы правления конунга, «счастливого на урожай», в стране хорошо родились земные плоды, телились коровы и овцы, к берегам приходили большие косяки рыб, не было стихийных бедствий, не нападали враги, и «был мир добрый». При «несчастливых» конунгах все шло плохо. Когда на праздничных пирах пили за «добрый год» (т. е. за хороший урожай и всяческий приплод) и за конунга, то по существу заботились об одном и том же. По преданию, после смерти одного из конунгов Восточной Норвегии, считавшегося «самым счастливым на урожай из всех конунгов»,

знать разделила его тело на части, которые жители четырех разных районов похоронили в своих землях, «и думалось им, что можно надеяться на урожай».

Подобные представления о конунгах и знати как носителях производственной магии способствовали их возвышению и усилению их общественного влияния. Как и у других народов на соответствующей стадии развития, у скандинавов, в частности у шведов, сложились легенды о том, что в тяжелые для народа годы конунгов приносили в жертву, если никакие другие жертвоприношения не помогали вернуть стране благополучие.

Но ведущее положение знати в обществе определялось не только ее ролью в защите территории и в контроле над культом. Вожди, стоявшие во главе дружин, воевали между собой, с соседними племенами, совершали походы в другие страны, занимались морским разбоем. Захваченная добыча: драгоценные металлы, украшения, ткани, одежда, оружие и утварь из более богатых стран, пленные, которых они продавали или обращали в своих рабов, — служила важнейшим источником их обогащения. Родовая знать древних скандинавов не представляла, разумеется, класса крупных землевладельцев, который в ту пору интенсивно развивался в Европе. Земля не была главным ее богатством. Скот, рабы, корабли, оружие и другие богатства, которыми они могли одаривать дружинников и приближенных, — таковы основные материальные источники общественного могущества конунгов, ярлов, херсиров. К ним стекались юноши и молодые люди, жаждавшие славы и приключений; неимущие и малоимущие искали в их усадьбах приюта и прокормления, соседнее население видело в них своих покровителей и защитников и в то же время нередко опасалось насилий и вымогательств с их стороны.

Торговые люди, путь которых проходил мимо владений знатного человека, также спешили расположить его в свою пользу, ибо в его власти было ограбить их или, наоборот, благоприятствовать торговле. Сообщения саг, изучение местоположения усадеб могущественных вождей того времени показывают, что свои дворы они нередко возводили как раз в таких местах, где проплывали купеческие корабли: на островах, выдающихся в море мысах, в проливах или горловинах фьордов. Контроль над торговлей был немаловажным источником обогащения скандинавской знати. Владельцы крупных усадеб в Северной и Северо-Западной Норвегии из поколения в поколение держали в своих руках необычайно прибыльную морскую торговлю на Севере с населением Финнмарка. Этот путь так и назывался «финским путем», по нему везли товары, вымененные у финнов и саами, и

собранную с них дань: меха, шкуры, птичий пух, чрезвычайно ценившийся не только в Скандинавии, но и далеко за ее пределами. Эта торговля была неразрывно связана с разбоем, и львиная доля доходов доставалась представителям знати, контролировавшим «финский путь».

Один из них, Оттар из Халогаланда, области Северной Норвегии, побывавший в конце IX в. в Англии, рассказал королю Альфреду о своей родине и жизни там. Альфред записал этот рассказ, представляющий первую по времени из имеющихся в распоряжении историка характеристику могущественного человека из Скандинавии, своего рода моментальную его фотографию (хотя и дошедшую в копии X в.). Оттар жил за Полярным кругом, севернее него, как он говорил, никто из норвежцев не селился, лишь кое-где там попадались саами, которых норвежцы называли финнами. Оттар владел большими стадами скота, особенно много было у него оленей. Пахотной земли у него имелось немного. Значительную роль в его хозяйстве, видимо, играли морской промысел и охота. «Но главнейшим его сокровищем была дань, которую ему платят финны». Она состояла из куньих мехов, меховой одежды, оленьих и медвежьих шкур, птичьего пера, китового уса, корабельного каната, на изготовление которого шли моржовые и тюленьи шкуры. Торговые поездки Оттар совершал на восток вплоть до Белого моря, в страну Бьярмию, в противоположном направлении — плавал в Англию и Южную Данию.

Основой богатства и могущества средневековых феодалов была недвижимая собственность, земля. Богатства скандинавской родовой знати состояли в первую очередь из движимого имущества. То, что родовая знать жила больше военной добычей, чем за счет эксплуатации местного населения, и то, что она не была тесно привязана к земле, самый характер ее богатства и способ его приобретения делали скандинавскую знать необычайно мобильной, «легкой на подъем», готовой отправиться в далекие походы для захвата добычи и даже переселиться в другие страны.

Вокруг знати группировались не только элементы общества, которые непосредственно зависели от нее или были связаны с ней своими материальными интересами (дружинники, приживальщики, домочадцы, данники, рабы, вольноотпущенники), но и более широкие круги населения, сохранявшие личную и экономическую самостоятельность, однако нуждавшиеся в ее защите и руководстве. В одной из песен «Старшей Эдды»,

известной под названием «Песнь о Риге», рассказывается о сотворении людей богом Ригом-Хеймдаллем. Сперва он посетил убогое жилище Прабабки и Прадеда. Здесь был рожден от Рига Раб-Трэль, и от него пошел род рабов. Затем Риг приходит в дом Бабки и Деда, и зачатый Ригом Карл явился предком рода земледельцев — бондов. Наконец, в хоромы Матери и Отца от Рига родился Ярл — военный предводитель, знатный человек, потомком которого был юный Кон (конунг).

Знать, свободные земледельцы и рабы — таков состав общества в представлении древних скандинавов. Автор этой песни видит различия между тремя социальными слоями прежде всего в богатстве: Трэль живет в хижине, ест грубую пищу и занят тяжелой и грязной работой; Карл владеет скромным домом и возделывает участок земли, тогда как Ярл посвящает свои досуги воинским подвигам, охоте, пирам и иным, подобающим его знатности и благородству развлечениям. Но составитель песни, в противоположность благообразию бонда и его жены и красоте и изысканности манер знатных людей, на стороне которых все его симпатии, подчеркивает убожество и нечистоплотность рабов. Их он презирает: дети Трэля награждены именами, представляющими собой оскорбительные клички. «Песнь о Риге» сохранилась в поздней записи, но социальная структура, рисуемая в ней, весьма архаична. Поэтому есть основания предполагать, что «Песнь» восходит к эпохе викингов. Ярл и его сын Конунг — типичные воители, викинги, окруженные дружиной и совершающие заморские экспедиции.

Мобильностью отличались не только представители знати, но и часть простого населения. Ведь жизнь древнего скандинава сплошь и рядом была теснейшим образом связана с морем. Молодежь покидала отцовские Усадьбы и отправлялась в другие области или за пределы страны — в военные и торговые поездки. Наиболее зажиточные хозяева имели собственные корабли, у бондов поскромнее были лодки. Нередко несколько бондов строили корабль в складчину и отправлялись в плавание: охотнику, китобую, рыболову, да и скотоводу нужно было сбывать свою добычу.

В обстановке глубокой ломки традиционных отношений собственности и всего уклада общества имелось сколько угодно социально неустроенных элементов, склонных к любой аванюре. Повествуя об этом времени, великий исландский историк начала XIII в. Снорри Стурлусон писал, что тогда в Скандинавии существовало много «морских конунгов», не имевших собственных земельных владений и крыши над головой: все их подданные входили в дружину и охотно отправлялись за море за добычей.

В эпоху викингов, подготовленную всем предшествовавшим развитием скандинавского общества, в военные походы и пиратские набеги, в дальние

плавания по неизведанным морским просторам, в торговые поездки в другие страны, наконец, в переселения на новые земли втягивались значительные массы жителей Дании, Норвегии и Швеции — выходцы из различных социальных слоев. Эпоха викингов — эпоха широкой экспансии скандинавов, принимавшей самые различные формы. Причины ее также многообразны. Очевидно, множество разнообразных факторов толкало людей на то, чтобы покинуть землю предков и переселиться за море, или на ведение насыщенной приключениями и сулившей славу и добычу, но вместе с тем и полной опасностями и риска жизни викингов.

Во-первых, к этому времени жители Скандинавии испытывали недостаток в землях, пригодных для земледелия и скотоводства. Некоторые современные ученые ставят под сомнение существование земельного голода, но исследования топонимики и скандинавских поселений давно уже дали ряд подтверждений этого факта. Еще в V–VI вв. население внутри полуострова начало проникать в ранее пустовавшие районы. При этом многие прежние поселки и усадьбы были заброшены. В VII–IX вв. распад хозяйств больших семей принял широкие размеры, что указывает на рост населения и создание внутри домовых общин скрытого перенаселения. С этим же обстоятельством, видимо, связано и значительное увеличение числа погребений в различных районах Скандинавии в начале эпохи викингов. Наконец, массовая эмиграция из стран Севера в другие страны уже в эпоху викингов и заселение датчанами и норвежцами целых областей Англии, Ирландии, Северной Франции, островов Северной Атлантики не могут быть объяснены, если не признать наличия избыточного населения в тогдашней Скандинавии^[12]. Конечно, избыток населения вызывался не распространенным у скандинавов многоженством, как полагали некоторые историки. При относительно низком уровне сельского хозяйства, носившего экстенсивный характер, нехватка земли могла стать угрожающей. Немецкий хронист второй половины XI в. Адам Бременский писал о норвежцах, что на морской разбой их толкает бедность родины, она-то и гонит их по всему свету. В эпоху викингов земельный голод привел к тому, что внутренняя колонизация, которая приняла широкие размеры (данные археологии свидетельствуют о том, что именно в этот период в Скандинавии получает широкое распространение железо; появление большого количества железных топоров и других орудий было необходимым условием для расчистки новых земель), нашла свое продолжение во внешней экспансии скандинавов. Многие бонды забирали с собой семьи и утварь и отплывали за море. Неизвестно, сколько их при этом погибло в бурных северных водах. Но стремление покинуть суровую родину, где они подчас голодали, и переселиться в страны, в которых «с каждого стебля капает масло», как

вещали первые колонисты Исландии, желая привлечь туда из Норвегии новых переселенцев, привело в движение значительные слои бондов. Голод и нужда, поиски новых плодородных полей и тучных пастбищ гнали за море многих и многих скандинавов.

Во-вторых, и это обстоятельство особенно подчеркивается современными исследователями^[13], развитие торговли, начавшееся опять-таки много раньше эпохи викингов, привело часть населения Севера в более тесное и постоянное соприкосновение с жителями других стран и познакомило их с богатствами народов, опередивших скандинавов на пути материального и культурного развития. Это общение благоприятствовало подъему торговли и мореплавания у скандинавов, появлению у них первых значительных торговых центров (Бирка, Хедебю и др.) и стимулировало прогресс в технике судостроения. Мореплавание не было новостью для них, но в связи с новыми потребностями произошло усовершенствование формы и оснастки кораблей, которые они строили. В свою очередь, появление быстроходных и устойчивых в бурном океане кораблей, с парусами и глубоким килем, открыло перед северными мореходами широкие перспективы и позволило покончить с замкнутостью, в которой они жили до эпохи викингов.

В-третьих, родовая знать и верхушка бондов, игравшие важную роль в общественной жизни скандинавских племен еще и в предшествующий период, в новых условиях неизбежно должны были достигнуть наибольшего могущества и влияния. Создавшиеся к началу эпохи викингов возможности для проникновения в соседние страны открыли перед скандинавской знатью широкие перспективы для обогащения и политического усиления. Захват добычи, драгоценностей и рабов, оживление торговли и мореплавания были делом в первую очередь знати. Походы викингов в самых различных их проявлениях и на всех их стадиях возглавлялись знатными и родовитыми людьми. Погребения и клады свидетельствуют о том, какие огромные богатства накопили многие знатные норманны в тот период в результате прямого грабежа, сбора дани и в процессе торговли. Разложение родового строя у скандинавов, как и у других народов, сопровождалось ростом воинственной знати, для которой экспансия в другие страны и агрессивность были средствами обогащения и укрепления своих позиций среди собственного народа.

Политическая слабость соседних стран, раздираемых в VIII и IX вв. внутренними раздорами и усобицами, делала их легкой добычей норманнов. Успехи викингов были вызваны не только их высокими боевыми качествами и не их многочисленностью, которая крайне преувеличена во всех

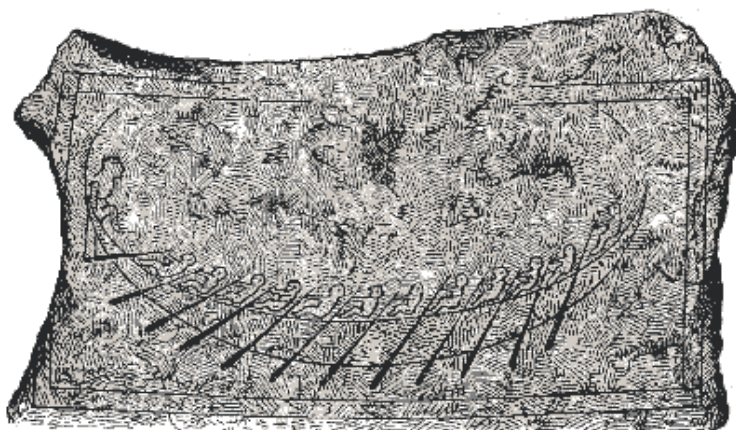
западноевропейских источниках. В большой мере они объясняются неорганизованностью и несогласованностью действий их противников.

Наконец, усиление власти конунга, ознаменовавшее начало политического объединения в скандинавских странах, вело к обострению борьбы в среде знати. Той ее части, которая не желала принять новые порядки и подчиниться конунгу, приходилось покинуть родину и отправиться на чужбину. И напротив, неустойчивость королевской власти в скандинавских странах в начальный период экспансии давала викингам возможность безнаказанно хозяйничать и на родине, и за ее пределами. Далее мы увидим, насколько тесно были связаны нападения викингов на другие страны с событиями, происходившими у них на родине.

Таким образом, предпосылки походов викингов складывались постепенно в течение долгого времени. Некоторые из них необходимо рассмотреть более подробно.

Корабли. Города. Торговля

«Корабль — жилище скандинава». Это выражение франкского поэта очень верно передает самую суть отношения древних норвежцев и датчан к своим кораблям. Необычайное богатство морской терминологии и выражений, которые они употребляли, называя свои суда, бесчисленные изображения кораблей, погребения в ладьях — все свидетельствует о том, какое большое место в сознании скандинава они занимали, об огромной роли мореплавания в его жизни.

*Изображение
ладьи с гребцами.
Рисунок на камне,
Швеция*

В VIII–XI вв. викинги не знали себе равных на море. Мореплавание было известно жителям Скандинавского полуострова с очень древних времен. Среди наскальных изображений, относящихся к неолиту и к бронзовому веку, много раз встречаются рисунки ладей. В бронзовый век корабль становится самым распространенным, излюбленным сюжетом скандинавских мастеров наскального рисунка. Корабль играл, по-видимому, видную роль среди религиозных представлений тогдашнего населения Скандинавии^[14]. Изображения кораблей сохранились и от раннего железного века. Судя по картинам того периода, у скандинавов существовали большие весельные ладьи, поднимавшие значительное число воинов; носовая и кормовая части украшались высоко вздымающимися резными головами животных. С течением времени формы изображаемых древними художниками судов совершенствуются, что могло отражать прогресс как в технике живописи, так и в кораблестроении. Затем появляются погребения, над которыми устанавливались ряды камней, имитировавшие контуры корабля. Задолго до эпохи викингов (как и в течение ее), наряду с такими погребениями, знатных людей стали хоронить

в ладьях, которые помещались в курганах. Наиболее ранние могилы с людьми датируются примерно 500 г. н. э., т. е. относятся к эпохе «Великих переселений народов». По мнению некоторых археологов, подобная практика восходила к еще более раннему времени.

*Изображения
на камне, Готланд.
Битва, погребение
павшего воина,
въезд его
в Валхаллу*

Из найденных ладей самая древняя — корабль из Нидама (Шлезвиг) — относится к рубежу III и IV вв. У этого гребного судна не было мачты, киль был развит слабо^[15]. Однако слава моряков Северной Европы намного древнее. Еще Тацит писал о племенах свионов, древних жителей Швеции: «Они сильны не только пехотой и вообще войском, но и флотом. Форма их кораблей отличается тем, что с обеих сторон у них находится нос, что дает им возможность когда угодно приставать к берегу; они не употребляют парусов, а весла не прикрепляют к бортам одно за другим; они свободны, как это бывает на некоторых реках, и подвижны, так что грести ими можно

и в ту и в другую сторону, смотря по надобности»^[16]. Это описание соответствует как наскальным рисункам, так и найденным остаткам кораблей. Первыми из германцев, кто стал применять мачту с парусом, были, очевидно, фризы, у которых в более позднее время ее переняли скандинавы. В VI–VIII вв. ладья у скандинавов сменяется кораблем с острым и длинным килем и мачтой, несущей большой четырехугольный полосатый, красный или синий шерстяной парус^[17].

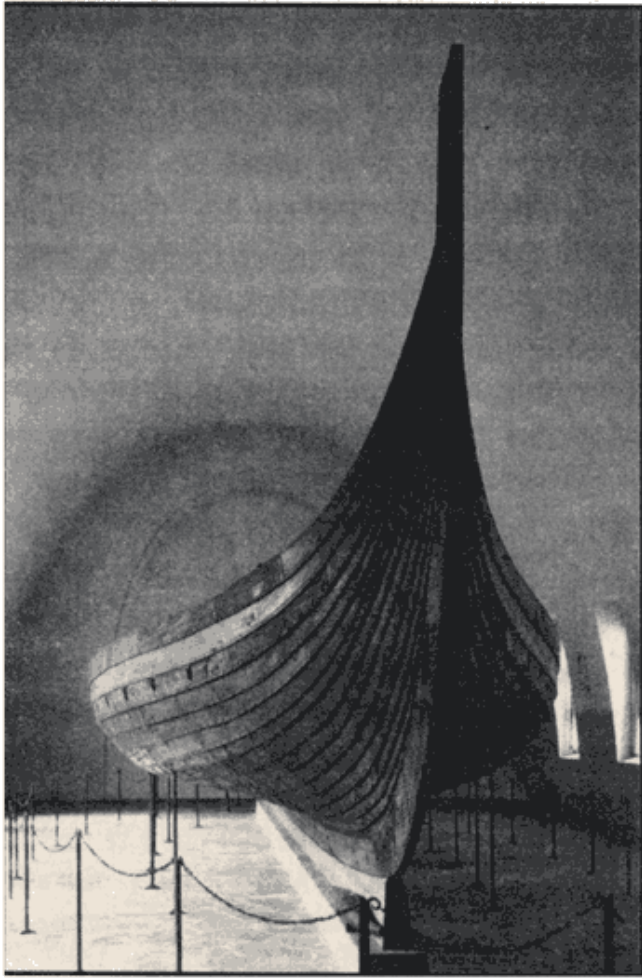
Когда начались походы в другие страны, морское превосходство скандинавов обнаружилось полностью. Они безраздельно господствовали на Балтийском и Северном морях, бороздили Средиземное море, смело курсировали в бурных водах Северной Атлантики и даже достигали берегов Северной Америки. Суда викингов поднимались по течениям рек в глубь континента Европы, плавали по Днепру и Волге вплоть до Черного и Каспийского морей. Каковы были их корабли?

Раскопки курганов в Вестфолле, в Юго-Восточной Норвегии, дали поразительные результаты. Два корабля викингов в Туне и Гокстаде были обнаружены еще в конце XIX в. Но самое интересное открытие было сделано в 1904 г., когда из так называемого княжеского кургана в Усеберге (Озеберге) извлекли корабль, сделавшийся объектом пристального внимания и изучения археологов и историков, специалистов морского дела и искусствоведов^[18]. Только тогда стало ясно, на какой большой высоте стояло кораблестроение у скандинавов в конце IX и начале X в.

Корабль из погребения в Усеберге, Норвегия

Но прежде чем говорить об этих кораблях, нужно ответить на вопрос: почему они оказались запрятанными в курганы? По языческим верованиям скандинавов, умерший человек в загробном мире продолжал вести тот же образ жизни, что и на земле: есть, трудиться, сражаться, развлекаться. Князья и дружинники считали, что они и после смерти останутся господами, а рабы и домочадцы будут прислуживать им. Поэтому знатных людей обычно хоронили со всякого рода утварью, богатством, оружием и иногда даже в кораблях^[19]. Любопытно, что все три корабля, найденные в Норвегии, стояли в курганах повернутые носами к югу, к морю, как бы готовые отправиться в путешествие. Судя по находкам, погребенные в них покойники были снаряжены всем необходимым для загробного существования, достойного их высокого происхождения, однако большая часть вещей, в особенности ценных, исчезла: курганы еще в средние века были разграблены (в борту судна в Гокстаде воры пробили большую дыру, через которую вынесли все богатства). Но сами корабли остались и, несмотря на повреждения, вызванные давлением тяжести земли кургана, неплохо сохранились в глинистой почве, не пропускавшей к ним воздуха. Ныне они реставрированы и выставлены в специальном музее близ Осло.

*Гокстадский корабль.
Реконструкция*

Длина кораблей приблизительно одинаковая — от 20 до 23 м, при ширине в средней части от 4 до 5 м. От скандинавских судов, относящихся к более ранней эпохе, корабли викингов отличались тремя основными чертами. Во-первых, более совершенным управлением: наряду с длинными, пяти, шестиметровыми веслами (на корабле, найденном в Туне, было 11 пар весел, у гокстадского — 16 пар, а у усебергского — 15 пар) и большим рулем у них имелась мачта для паруса (на Севере ее называли «старухой»), тогда как их предшественники управлялись только при помощи весел. Парус на Севере появился незадолго перед эпохой викингов. Таким образом, маневренность корабля резко возросла. Норманнский корабль мог плавать не только по ветру, но и против него. Во-вторых, кили этих кораблей (из стволов деревьев) были сильно развиты, создавая судну большую устойчивость. Кроме того, эти корабли имели небольшую осадку, могли приставать к берегу даже в мелководье и подниматься по течению рек. Наконец, борта их оказались сшитыми из узких гибких планок, связанных со шпангоутами, вследствие чего они были очень эластичны; такому кораблю не были страшны удары океанских волн. Высокое мастерство

строителей этих кораблей и их великолепные мореходные качества могли быть только результатом длительного развития кораблестроения в века, предшествовавшие началу походов викингов. На кораблях, относящихся к VII и VIII вв., скандинавы плавали в относительно спокойных водах Балтики. Смело выйти на просторы Северного моря и Атлантики они впервые смогли лишь тогда, когда были достигнуты серьезные новые успехи в кораблестроении, засвидетельствованные находками в курганах Южной Норвегии и других погребениях.

На обнаруженных археологами кораблях эпохи викингов отсутствовали скамьи для гребцов. Очевидно, когда корабль шел на веслах, команда сидела на своих сундучках. Что касается мореходных качеств этих судов, то их проверили на практике^[20]. В 1893 г. была построена точная копия корабля из Гокстада, и на нем норвежская команда менее чем за месяц, в штормовую погоду, переплыла Атлантический океан. По окончании плавания капитан корабля дал ему высокую оценку. При этом он отметил большую легкость управления; даже в бурю с рулем мог справиться один человек^[21].

Высоко вздымая над волнами штевень, играя красками желтых и синих щитов, повешенных вдоль бортов, быстро и гордо неся такой корабль под четырехугольным парусом навстречу бурям и неизведанным землям, повинуюсь руке опытного штурмана. Казалось, по морю неся сказочный зверь. Резное деревянное изображение головы дракона или змея на штевне давало, по тогдашним верованиям, магическую силу кораблю, защищало его от злых духов и устрашало врагов. Когда викинги приставали к берегу и вытаскивали корабль на сушу, голова зверя снималась, дабы не разгневать местных богов. «Дракон», «Большой змей» — так называли викинги свои корабли.

*Резное изображение головы дракона,
украшавшее штевень корабля, найденного
в устье Шельды*

Корабль играл в жизни скандинава огромную роль. Нередко, наряду с гребцами и воинами, на кораблях находились и их домочадцы со своим имуществом. Жители Севера дорожили своими судами, берегли их. Когда корабль не находился в плавании, его укрывали от непогоды в специальном сарае.

Скандинавы в эпоху викингов строили корабли разных типов. Одни из них предназначались для плавания вдоль побережья и в устьях рек и имели более скромный киль. Таков корабль, найденный в 1935 г. в Ладбю, на датском острове Фюн^[22]. Другие суда, отличавшиеся большей маневренностью и устойчивостью, смело уходили в Атлантику. Со временем корабли викингов приобрели значительные размеры. В отличие от судов, зарытых в курганах, они имели большую грузоподъемность, на них было до 20 и более пар гребцов, и они могли принять на борт изрядное количество воинов. На рубеже X и XI вв. норвежские конунги иногда строили корабли с 30 и более парами весел (такой корабль должен был достигать в длину почти 50 м). Но это был предел конструктивных возможностей: длина корабля зависела от размеров кия, а он сооружался из ствола одного дерева.

*Изображение
человеческой головы,
дерево. Повозка из
погребения
в Усеберге, Норвегия*

В норвежских кораблях, спрятанных в курганах, имелись погребальные камеры, в которых лежали останки их хозяев. В двух кораблях были похоронены мужчины, в усебергском корабле — женщина. По мнению норвежских историков, то была «королева» Аса — бабушка объединителя Норвегии Харальда Прекрасноволосого. Она умерла молодой. Судя по останкам, ей было немногим более 30 лет. Рядом нашли труп старой женщины, очевидно, ее рабыни, последовавшей за нею в могилу, чтобы продолжать служить ей в загробном мире^[23]. Вместе со своей хозяйкой в царство богов на усебергском корабле отправилось более дюжины коней и собаки. Кровати и кухонная утварь, сундуки и кадки, украшения и продовольствие, постели и ручной ткацкий станок — короче, все, чем пользовалась эта знатная женщина в своей земной жизни, было уложено при погребении в ее корабль. Особенно интересны сани и повозка. Они украшены богатым резным орнаментом, выполненным несколькими искусными мастерами в разных стилях.

Известен и хозяин корабля из Гокстада. Курган, в котором находился этот корабль, расположен неподалеку от усадьбы Гьекстад; ею в конце IX в. владел конунг Олаф Гейрстадальф — родственник Асы, Снорри Стурлусон рассказывает, что Олаф был исключительно сильным и рослым человеком и умер от болезни

ноги. Анатомическое исследование костей человека, погребенного в Гокстадском корабле, обнаружило, что его рост достигал 178 см (по тем временам — это высокий мужчина) и что он страдал хроническим суставным ревматизмом!

Северные мореплаватели в походе ориентировались главным образом по солнцу и звездам. При плавании вдоль побережья на ночь обычно приставали к берегу, но в открытом море приходилось полагаться преимущественно на свое искусство и мужество, да еще на счастье, в которое викинги непоколебимо верили. До последнего времени считалось, что викинг-штурман не имел ни компаса, ни других инструментов. Однако во время раскопок 1948 г. древнего поселения в Гренландии был найден обломок прибора, который считают примитивным пеленгатором: деревянный диск, как полагают, с 32 делениями, расположенными на равных расстояниях по краю, вращался на ручке, продетой через отверстие в центре, и по диску ходила игла, указывавшая курс^[24]. Скандинавские мореплаватели эпохи викингов обладали и некоторыми астрономическими познаниями. В исландских сагах упоминаются «солнечные камни» и «камни-водители» — возможно, это какие-то предки компаса. Во всяком случае, викинги не блуждали в бурных водах Северной Атлантики совершенно вслепую.

*Изображение головы дракона
на саях из погребения
в Усеберге, Норвегия*

Неизвестно, сколько кораблей викингов, ушедших в океан, исчезло в его пучине. Лишь в отдельных случаях мы узнаем о судьбе этих мореплавателей. Так, на камне, воздвигнутом в XI в. в Западной Норвегии в память о погибших моряках, сохранилась руническая надпись, повествующая об экипаже корабля, затертого во льдах близ Гренландии; люди покинули судно и по движущемуся льду пошли к берегу острова, страдая от мороза и голода. «Жестокая судьба погибнуть так рано, — гласит надпись, — ибо удача их оставила»^[25]. Руническая надпись из Дании говорит о человеке, который «утонул в море вместе со всеми своими спутниками».

В «Саге об Эйрике Рыжем» рассказывается о гибели Бьярни, сына Гримольфа, который плывал к берегам Америки. Его корабль стал тонуть, и Бьярни приказал своим людям перейти в лодку. Но она могла вместить только половину экипажа, и Бьярни предложил тянуть жребий. Все согласились, а один юноша, не вытянувший счастливого жребия, воскликнул:

«— Ты намерен меня здесь оставить, Бьярни?

— Выходит, так, — отвечал Бьярни.

— Не то обещал ты мне, — сказал парень, — когда я последовал за тобой из отцовского дома в Исландии.

— Ничего не могу поделать, — сказал Бьярни. — Но скажи, что ты можешь предложить?

— Я предлагаю поменяться местами, чтобы ты перешел сюда, а я пошел бы туда.

— Пусть будет так, — ответил Бьярни. — Ты, я вижу, очень жаден до жизни и думаешь, что трудная вещь — умереть.

Тогда они поменялись местами. Тот человек перешел в лодку, а Бьярни взошел на корабль...»^[26].

Сага гласит далее, что Бьярни и его друзья на тонувшем корабле погибли, лодка же добралась до Ирландии. Имени человека, которого спас Бьярни, сага не упоминает: он не заслуживает того. А о бесстрашном Бьярни, мужественно принявшем свою судьбу, рассказывали исландцы из поколения в поколение.

Торговля, также как и мореплавание, получила развитие у скандинавов в очень отдаленные времена. Меха с Севера высоко ценились и в Римской империи, а ютландский янтарь вывозили в различные части Европы, в том числе и в страны Средиземноморья, еще в бронзовый век. Повсеместно в

Скандинавии находят римские монеты эпохи республики и империи, но особенно часто их встречают на острове Готланд. Среди обнаруженных кладов римских монет наиболее крупный содержит 1500 денариев.

Хотя монеты попадали на скандинавский Север не только вследствие грабежа, но и в обмен на вывозимые в империю товары, в самих скандинавских странах в римский период эти деньги хождения не имели — торговля здесь еще оставалась меновой. Тем не менее скандинавы охотно выменивали свои товары на серебро с юга и зарывали его в землю. Представления о золоте как основе и мериле всяческого богатства проникали в Скандинавию в конце римского периода и во времена «Великих переселений народов». Они нашли отражение и в народном эпосе. Показательно, что эртог (эре) — название единицы веса и монеты в средневековой Скандинавии — происходит от позднеримского серебряного денария (*denarius argenteus*). О давних торговых связях Северной Европы с другими странами говорят и многочисленные находки на полуострове бронзовых, золотых, серебряных, стеклянных и глиняных сосудов, украшений, оружия и других предметов из римских провинций. Скандинавы поддерживали торговые связи и с королевствами, образовавшимися на территории Римской империи после ее падения. Особенно велик был на Севере спрос на оружие из стран, где ремесло было более развито. Запреты франкских государей продавать оружие славянам и норманнам, сделавшимся в IX в. опасными соседями Франкской империи, свидетельствуют о наличии в предшествующий период импорта оружия в Скандинавию. В песнях скальдов многократно упоминаются франкские мечи; немало их найдено и археологами^[27].

*Рукояти мечей.
Швеция*

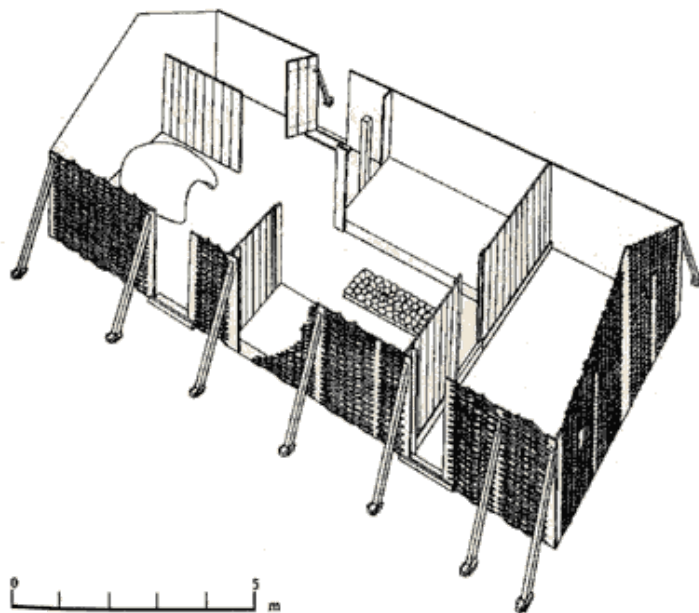
В раннее средневековье торговые связи между странами, омываемыми Северным и Балтийским морями, были довольно оживленными. Ведущую роль в качестве торговых посредников играли фризы, их торговый пункт — Дорестад, расположенный в устье Рейна, был широко известен в Скандинавии. Среди торговых пунктов, существовавших в тот период в Швеции и Норвегии, добрый десяток носил одно и то же название — Бирка. Так назывались: торговый центр в Швеции на озере Меларен, неподалеку от выхода в Балтийское море (Birka), и пункт на Аландских островах, в горловине Ботнического залива (Birkö), и поселение, на месте которого впоследствии был основан норвежский город Берген (Björgvin), и остров у берегов Северной Норвегии (Biarkøy) и другие пункты. Известно, что древнее скандинавское торговое право называлось *Biarkøyjarrettr*. По мнению шведского ученого Э. Вадстейна, эти пункты получили свои имена вследствие того, что на их территории действовало торговое право, общее для всех них. Он полагал, что между всеми этими Бирками издавна существовали торговые связи по морю и что их посещали фризские купцы и моряки, а также торговый люд с Севера^[28]. Однако археологических подтверждений мнению Вадстейна не нашло.

Появление в Северной Европе важных торговых пунктов — первых скандинавских городов относится ко времени развития здесь большого судоходства. До недавних пор историкам, интересующимся жизнью и бытом этих городов, приходилось довольствоваться немногочисленными, скудными и не во всем достоверными сведениями, которые содержатся в западноевропейских хрониках и рассказах арабских путешественников. Последние раскопки до некоторой степени восстановили облик древнейших торговых центров Дании, Швеции и Норвегии — Хедебю (в юго-восточной части Ютландского полуострова, южнее г. Шлезвиг), Бирки (на озере Меларен), Скирингсаль (в Южной Норвегии, на западном берегу Осло-фьорда). На месте этих пунктов, существовавших в эпоху викингов, впоследствии не возникли новые поселки. Это значительно облегчило восстановление их облика.

Хедебю. Остатки полукруглого вала, окружавшего город на берегу реки Шлей

Хедебю (Хайтабу) — буквально: «город язычников»^[29] — был наиболее крупным из этих первых городов-эмпорий и самым важным в торговом отношении. Как установили археологи, в период своего расцвета — в X в. — Хедебю занимал площадь около 24 га (в IX в. она была вдвое меньшей). Расположенный на берегу озера в верховьях реки Шлей, впадающей в Балтийское море, город обладал удобной для судов гаванью. Он был обнесен полукруглым валом, который защищал его со стороны суши. Вал из земли и дерева, длиной около 1300 м, хорошо сохранился. На холме севернее города находилось еще одно укрепление, по-видимому, более раннего времени, чем вал. Внутри городской черты найдены остатки небольших домов, обнесенных оградой и образовавших узкие улочки. Отмечается единообразие и стабильность застройки. Раскопки на территории города и многочисленных погребений (общее их число ориентировочно составляет 3–5 тыс.) свидетельствуют о наличии в Хедебю ремесленников, занимавшихся гончарным делом, обработкой железа из болотной руды, ввозившейся из Швеции, ткачеством, работой по кости и рогу, производством стекла (стеклянных бус), чеканкой монеты, изготовлением украшений из бронзы и драгоценных металлов. Ювелиры владели техникой изготовления зерни и скани. Раскопками установлено местонахождение отдельного ремесленного квартала.

*Реконструкция
жилого дома IX в.
в Хедебю*

Хедебю играл огромную роль в торговле Северной Европы. В первую очередь — из-за своего чрезвычайно удобного месторасположения: город находился в крайней восточной точке пути, связывавшего балтийское побережье Ютландии с западным ее побережьем, омываемым Северным морем. Вместо того чтобы совершать длительное и опасное путешествие через проливы Скаггерак и Каттегат, где торговые суда подстерегали пираты и где частыми были бури^[30], купцы предпочитали двигаться из Балтийского моря по судоходной Шлей до Хедебю. Оттуда по суше на расстояние примерно 17–18 км они волоком или на повозках продвигались к реке Трене и по ней до вод Северного моря. Этот путь пересекал южную оконечность Ютландского полуострова несколько севернее нынешнего Кильского канала. Большие и тяжело груженные суда идти таким путем не могли. Поэтому, надо полагать, купцы переправляли здесь относительно легкие и портативные, но ценные товары. Наряду с продукцией местного производства в Хедебю найдены изделия, привезенные из других стран. Судя по всему, с Севера везли рабов, меха, моржовые бивни, из стран Запада — ткани, вино, соль, изделия из благородных металлов и стекла, керамику. Таким образом, Хедебю представлял собой очень важный торговый узел. Недаром за право владеть этим пунктом на протяжении всего времени его существования шла упорная борьба.

Город, очевидно, возник в начале IX в., во всяком случае предметы более раннего времени в нем не обнаружены^[31]. Именно в то время, как

гласят «Анналы франкских королей» (808 г.), датский конунг Годфред, который вел войны против Карла Великого, приказал своим «герцогам» (duces) возвести вал вдоль южной границы своих владений, от Восточного (Балтийского) моря вплоть до Западного океана (Северного моря), оставив для проезда лишь одни ворота. До сих пор в южной части Ютландии можно видеть остатки мощного оборонительного вала в 3 м высотой, укрепленного камнями. Перед ним был вырыт ров. Толщина вала варьирует от 3 до 20 м. Эта оборонительная линия, строительство которой растянулось на три с половиной столетия (с начала IX в. до 60-х годов XII в., когда часть ее дополнили кирпичной стеной), известна под названием «Датского вала» (Danevirke — буквально «дело датчан»)^[32].

Вероятно, преимущества, которые давала эта оборонительная стена, привлекали население в Хедебю и благоприятствовали расцвету его торговли. Во франкских анналах одновременно с рассказом о постройке защитного вала в Южной Дании сообщается, что конунг Годфред, напав на город славян — Рерик, силой заставил его купцов переселиться в порт Sliasthorp («усадьба на Шлей»). Под этим названием, как полагают историки, скрывался Хедебю. В жизнеописании католического миссионера Ансгара, составленном в середине IX в. его преемником на архиепископском престоле Гамбурга — Бремена Римбертом, упоминается торговый пункт Sliaswich. Римберт писал, что в этот город, расположенный на Шлей, прибывали купцы из всех стран, Но имел ли в виду автор жития действительно Хедебю, неизвестно. Около 900 г. Хедебю захватили шведы. Стремясь удержать этот пункт в своих руках, шведы обнесли его полукруглой стеной, соединявшейся с Датским валом. Хедебю был включен в единую оборонительную систему. В 934 г. Хедебю захватил германский король Генрих I Птицелов, обложивший город данью. При Оттоне I здесь было основано епископство. Чеканить монету в Хедебю стали не позднее 825 г. (по образцу каролингских денариев из Дорестада). Но окончательно денежный обмен восторжествовал здесь лишь в середине X в. с притоком арабских монет. В это время, по свидетельству археологов, перестали использовать литейные формы из талькового камня, в которых отливали серебряные бруски, употребляемые в качестве средств платежа и ценившиеся по весу.

Как раз в середине X в. город посетил арабский путешественник Ат-Тартуши. Жители Хедебю, рассказывает он, за исключением немногих христиан, — язычники, устраивающие во время праздников жертвоприношения животных. Выходцу из процветавшей арабской Испании этот город на севере Европы не

показался богатым. Население так нуждается, говорит он, что новорожденных детей топят в море, чтобы сберечь продукты. Ат-Тартуши пришел в ужас, когда услышал пение жителей Хедебю: никогда не слыхивал он ничего столь же уродливого; ему казалось, что лают собаки или раздается еще более страшный звериный вой.

В период своего расцвета Хедебю имел несколько сотен жителей, может быть, даже более тысячи. Руководитель раскопок немецкий археолог Г. Янкун отмечает наличие в городе высшего слоя населения (*primores* — в «Житии Ансгара»), жившего ближе к гавани и занятого прибыльной торговлей. Представителей этого социального слоя хоронили обособленно от других в заботливо сооруженных деревянных погребальных камерах. Кроме того, найдено погребение «княжеского типа» с оружием и украшениями, конями и ладьей под курганом (конец IX в.). Может быть, с погребенным здесь вождем (личность которого неизвестна) связан камень с рунической надписью, упоминающей дружинника. Эти памятники относятся к периоду шведского господства в Хедебю. Различия в размерах домов также позволяют предположить имущественные контрасты среди жителей Хедебю^[33].

Золотые филигранные украшения. Хедебю

С 80-х годов X в. город вновь перешел под власть датских конунгов, которые продолжали его укреплять. Но около 1050 г. Хедебю разграбил и разорил норвежский конунг Харальд Хардрода. Однако, как рассказывают исландские саги, спасаясь от преследования датского конунга Свейна, Харальд бросил в море все сокровища, увезенные из Хедебю. Город был сожжен. Норвежский скальд, служивший в дружине Харальда, воспел это событие:

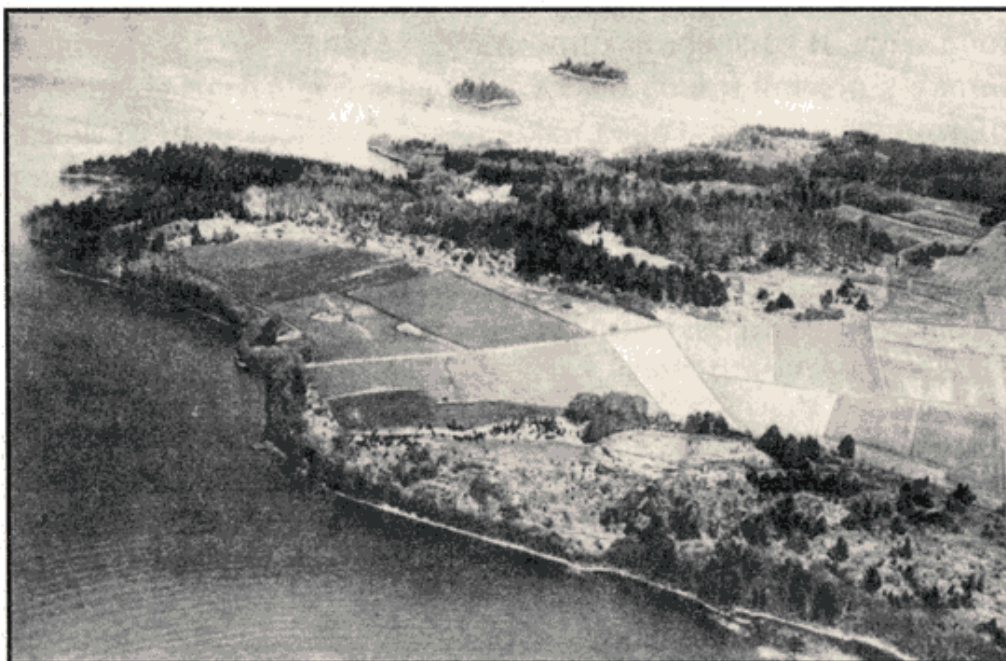
Из конца в конец пылал весь Хедебю, —
смелый подвиг, на мой взгляд, дорого обойдется Свейну.
Высоко вздымалось пламя над домами, когда я всю ночь до
рассвета
стоял на городском валу [\[34\]](#).

Раскопки установили следы пожара, уничтожившего Хедебю. Выше этого слоя признаков продолжения жизни в городе не обнаружено. Правда, немецкий хронист Адам Бременский сообщает, что в 1066 г. венды — соседние с датчанами славянские племена — разграбили Хедебю. Но, по-видимому, тогда существовали только жалкие остатки уже разрушенного города. Вещи, найденные в Хедебю, относятся самое позднее к середине XI в., последние по времени монеты — к правлению английского короля Эдуарда Исповедника (1042–1066 гг.). На дне гавани обнаружены части корабля с трупами людей, вероятно, затонувшего в момент уничтожения города. Оставшиеся жители переселились на другую сторону морского залива, и вскоре там возник город Шлезвиг, куда могли подходить более тяжелые корабли. Однако, судя по раскопкам, Хедебю стал утрачивать былое значение задолго до своего разрушения.

*Скандинавские монеты: a–b — монеты Хедебю;
c — монеты Харальда Синезубого; d — монеты Свена Твескэга;
f — монеты Олава Шетконунга*

Другой важный торговый пункт на Балтике — шведская Бирка — был тесно связан с восточным путем «из варяг в греки». Расположенная на острове Бьоркё, около озера Меларен (в 30 км западнее Стокгольма), Бирка, в отличие от Хедебю, находившегося в пустынном тогда районе Ютландии, лежала в относительно густонаселенной области Швеции — Уппланде, неподалеку от древнего религиозно-политического центра — Старой Уппсалы. Здесь собирались ярмарки, на которые привозили товары жители Уппланда. Как и Хедебю, Бирка не находилась непосредственно у открытого моря, корабли заходили в озеро из Балтийского моря через пролив. Город имел три гавани, замерзавшие зимой, но и в это время года торговля в Бирке не прерывалась: купцы везли меха по льду (при раскопках найдены костяные коньки, топоры для рубки льда и обувь с шипами для передвижения по льду).

Бирка, Швеция. Город находился на берегу озера.

Раскопки Бирки начались в 70-х годах XIX в. Продолжаются они и поныне^[35]. Археологи обнаружили остатки домов, но состояние их таково, что реставрировать постройки пока не представляется возможным. На холме, господствующем над городом, стояло укрепление. Раскопана часть городского вала из камней и земли, относящегося к середине X в. В сохранившейся части вала найдено не менее шести отверстий. По-видимому, в X в. здесь высились деревянные сторожевые башни.

Население Бирки, как и Хедебю, было, по тогдашним масштабам, довольно многочисленным. Культурный слой на месте Бирки, так называемая «Черная земля», имеет площадь 12 га при толщине до 2,5 м (это название земля получила из-за темной окраски, особенно заметной, когда она влажная). Более 2 тыс. курганов и каменных выкладок образуют могильник Бирки. В настоящее время примерно тысяча из них изучена. Кроме того, здесь имеется неопределенное число погребений без насыпей, т. е. не имеющих внешних признаков.

Это крупнейшее кладбище на севере Европы того времени. Могилы самые различные. Встречаются и погребения с сожжением (в том числе в ладье) и без него, погребения, снабженные богатой утварью, и скромные могилы с небогатым набором вещей. Немало погребений в деревянных камерах. В таких могилах особенно много вещей, свидетельствующих о широких связях Бирки с Западной Европой, скандинавскими странами и в особенности с Востоком. Это полностью согласуется со сведениями о

скандинавской торговле, которые дают арабские историки и географы IX и X вв. В одной погребальной камере лежало тело женщины, очевидно, знатного происхождения: ее сопровождало в «мир иной» немалое богатство. В той же могиле найдены останки другой женщины, судя по ее скрюченному положению, погребенной заживо. Несомненно, перед нами, как и в Усеберге, госпожа со служанкой. В некоторых погребениях в Бирке найдены остатки сожженных ладей, в которых хоронили покойников.

Все эти могилы свидетельствуют о языческих верованиях и представлениях о загробном мире. Но здесь же имеются захоронения по христианскому обряду, в могильной яме и гробовище, без вещей и иногда с нательными крестами. Особенно любопытны случаи, когда в могиле оказывались и крест, и языческие амулеты.

В части могил погребены воины с оружием. Довольно много могил торговых людей: в нескольких из них обнаружены небольшие весы, использовавшиеся для взвешивания драгоценных металлов (которые, как и монеты, шли на вес), а в большинстве других могил попадаются гири от весов^[36]. Все это также согласуется с данными письменных источников. В жизнеописании Ансгара, дважды посетившего Бирку в первой половине IX в., говорится, что население ее состоит из купцов. Город находился в зависимости от шведского конунга, имевшего в нем своего представителя, но, по-видимому, сохранял значительную автономию и имел, по свидетельству Римберта, свой тинг. В «Житии Ансгара» подчеркивается важность для Бирки торговых связей с фризским Дорестадом.

Среди находок — арабское и иранское серебро в виде монет, бусы из полудрагоценных камней, византийская парча, шелка из Китая, монеты из Западной Европы, фризские одежды, стеклянные и керамические изделия из Рейнской Германии, оружие из Франкского государства. Как уже говорилось, связи жители Бирки с Востоком играли значительную роль^[37].

*Золотые тисненые
бляшки. Хельгё.
Швеция*

В погребениях найдено более 180 монет, как правило по одной и в женских могилах. Часть монет владельцы превратили в украшения — подвески. Арабские монеты преобладают — они найдены в 106 погребениях, англосаксонские — в восьми, и только в двух — византийские! По-видимому, через Бирку шла продажа рабов на Восток.

Бирка возникла почти одновременно с Хедебю — около 800 г. До ее основания на соседнем острове — Хельгё, расположенном примерно в 11 км от Бирки, существовал другой торговый центр — Лиллё, обнаруженный впервые в 50-х годах XX в. ^[38] Эта фактория датируется VII–VIII вв., хотя поселение на острове восходит к еще более раннему времени. На месте, где находился Лиллё, наряду с арабскими монетами найдены осколки стеклянных изделий, привезенных из Франкского государства, епископский посох ирландского производства, золотые бляшки скандинавского происхождения с изображением целующихся или танцующих пар ^[39] и даже такой неожиданный гость на севере Европы, как маленькая бронзовая статуэтка Будды. Но на Хельгё существовало и ремесло. Здесь производили плавку железа, обрабатывали металл (найлены орудия труда, множество железных и бронзовых замков с ключами), изготавливались стеклянные бусы. По-видимому, в конце VIII или начале IX в. основной центр торговли был

перенесен из этого пункта в Бирку, в которой сконцентрировались связи с арабским Востоком, шедшие по волжскому пути. С другой стороны, Бирка оказалась связанной удобными речными путями со многими пунктами в Средней Швеции, а морем — с северными ее районами, а также с Хедебю, островом Готланд и южным побережьем Балтики. В IX в. в Бирке чеканилась собственная монета по франкскому образцу^[40].

*Бронзовая фигурка
Будды. Хельгё*

Бирка существовала менее продолжительное время, чем Хедебю. Наиболее поздние монеты, найденные в могилах, датированы 50-ми годами X в. Предполагают, что Бирка прекратила свое существование в последней четверти X в. История ее исчезновения не выяснена. Одни ученые выдвигают догадку, что Бирку разорили датские викинги. Однако раскопки не обнаружили следов насильственного уничтожения и сожжения этого города. Другие связывают исчезновение Бирки с утратой ею значения промежуточного центра торговли с Волгой, последовавшей после разгрома Булгара Святославом в 965 г., и указывают на изобилие в могилах Бирки арабских монет, относящихся ко времени до 950 г., и почти полное отсутствие таких монет от второй половины X в. Высказывалась также мысль, что понижение уровня воды в Меларене сделало невозможным

подход к Бирке судов. Так или иначе, около 975 г. Бирка сходит со сцены, и главным торговым центром на Балтике с конца X в. становится остров Готланд.

Монеты Бирки

Ко времени походов викингов относятся многие тысячи монет из разных стран, найденные во всех районах Скандинавии. Здесь и монеты из Англии, Германии, Франции и из Византии, очень много их из арабского Халифата. По словам шведского археолога Э. Оксеншерны, век викингов был «серебряным веком» на Севере^[41]. Своего серебра скандинавы не имели, все оно было привозное. Нигде, пожалуй, не найдено оно в таком обилии, как на пути «из варяг в греки», точнее, в данном случае, «из грек в варяги». И богаче всего кладами на этом пути оказался Готланд.

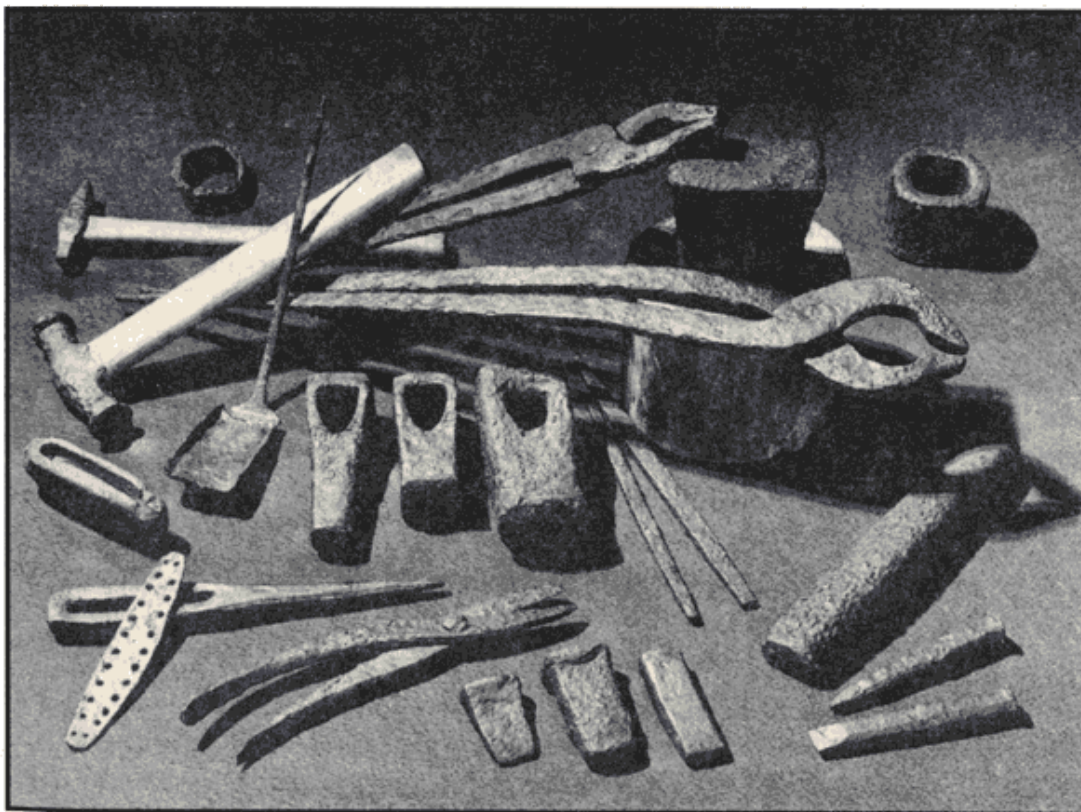
*Серебряная
каролингская чаша.
Найдена в Дании.*

Готландская торговля в восточной части Балтики, судя по находкам, начала развиваться еще до эпохи викингов. Но наивысшего своего расцвета она достигла лишь после загадочного исчезновения Бирки. Правда, в тот период на Готланде не возникло городов, население острова жило рассеянно, на отдельных хуторах. Из 700 с лишним кладов, найденных на Готланде к 1956 г., большинство находилось близ прежних дворов бондов. По-видимому, эти бонды были одновременно и торговцами. Большая часть кладов содержит немного монет, но найдено несколько кладов весом 7–8 кг. О размахе, который получила коммерческая деятельность готландцев, лучше всего свидетельствуют следующие цифры. Наряду с разнообразными вещами и украшениями (пряжками, гривнами, булавками, браслетами и т. д.) здесь найдено около 94 тыс. целых монет и 16,5 тыс. фрагментов (монеты в Скандинавии в IX–XI вв. обычно шли на вес, и их разрезали на куски). Из этого числа всего 3 монеты золотые, остальные серебряные (золотые монеты, попадавшие на Север, использовались чаще всего для изготовления украшений). Особенно много германских монет — 52 тыс., а также арабских — более 40 тыс., английских — 20 тыс. Реже встречаются монеты из Скандинавии (преимущественно из Дании) и Византии^[42]. Для сравнения можно сказать, что в Швеции найдено всего около 50 тыс. монет: более 12 тыс. арабских, более 19 тыс. германских, более 13 тыс. английских, 2700 датских и около 170 шведских, а в Дании — 3800 арабских, 8900 немецких и 5300 английских монет^[43]. Всего в Скандинавии обнаружено около 100 тыс. арабских монет IX и X вв.

*Позолоченные
каролингские накладки
на ремень.
Найдены в Швеции.*

К раннимкладам (вторая половина IX и X в.), найденным на Готланде, относятся почти исключительно куфические арабские монеты. С конца X — начала XI в. начинают преобладать монеты немецкой чеканки, тогда как число монет из Халифата резко сокращается. На XI в. приходится большинство кладов, содержащих английские монеты. Эти наблюдения говорят о расцвете готландской торговли с Востоком в первый период норманнской активности и о сокращении этой торговли с конца X в. (причины этого сокращения не ясны, предполагают, что приток арабского серебра прекратился ввиду истощения запасов его в Халифате), а также происшедшем одновременно оживлении торговых связей с Западом. Приток монет из Германии, наблюдающийся начиная со второй половины X в., был связан с разработкой серебряных рудников в Гарце. Обилие английских монет в период между 990 и 1020 гг. объясняется тем, что как раз в это время датские завоеватели взыскивали с английских королей огромные суммы в виде контрибуций («датские деньги»), а после перехода Англии под власть Кнуда Датского, его воины получали жалованье за службу. На Готланд эти монеты попали преимущественно в результате торговли^[44].

Кузнечные инструменты из погребения оружейника. Норвегия

Долгое время считали, что в Норвегии не было торгового центра, подобного Бирке и Хедебю. Правда, в рассказе халогаландца Оттара, записанном английским королем Альфредом, упоминался пункт в Южной Норвегии — Скирингссаль, в который нужно плыть из Халогаланда вдоль берегов Норвегии почти месяц и куда он заезжал по пути в Хедебю. Больше ничего о Скирингссале известно не было, и поиски археологов, предпринятые в конце XIX и начале XX в., не привели к каким-либо определенным результатам. Однако за последние годы норвежские археологи открыли на месте поселка Каупанг, во внутренней части Осло-фьорда, древний населенный пункт. Он находился в той же области Вестфолль, в которой ранее были найдены погребения в кораблях. Этот пункт идентифицируют с упомянутым Оттаром Скирингссалем. Здесь открыто целое кладбище с погребениями в ладьях. Ладьи не сохранились, но отпечатки их в земле и ряды гвоздей, которыми скреплялись полностью сгнившие за тысячу лет деревянные части судов, дают о них довольно ясное представление. Найденные в могилах вещи датируются IX и началом X в. Среди них — металлические вещи из Ирландии и Англии, фризские платья, рейнские керамические и стеклянные изделия, женские украшения, в том

числе броши в виде черепашек, оружие, например английский меч. Найденные вещи отражают Широкие торговые связи их владельцев. Они же — несомненное свидетельство о связях Скирингсала-Каупанга с Хедебю и Биркой. Часть вещей, например из Англии, могла быть получена не в результате мирного обмена, а как военная добыча — недаром многие мужские погребения содержат полный комплект обычного для викингов оружия! Монет найдено немного. Предполагают, что в древнем Каупанге шла меновая торговля. Название *Kaupangr*, означающее «торговое место», «торжище», вообще носил ряд подобных пунктов обмена и городов раннего средневековья, (ср. швед. *köping* и англ. *ceaping*).

Укрепления в Скирингсале-Каупанге были более скромными, чем в Хедебю или в Бирке. Культурный слой тоже уступал по толщине (30–40 см) культурным отложениям этих городов, очевидно, концентрация населения в нем была ниже, чем в Бирке, а продолжительность существования поселка меньше, чем в Хедебю. Археологическими раскопками обнаружены остатки небольших прямоугольных домов и мастерских. Найдены следы местного ювелирного ремесла в виде заготовок и отходов сырья. Установлено место, где швартовались прибывавшие в гавань корабли. Множество островков, частично скрывавшихся под водой, защищало подступы к гавани со стороны моря. Ныне гавань оказалась в стороне от моря: береговая линия в эпоху викингов была на 2 с лишним метра выше, чем сейчас. Это дало повод некоторым ученым для предположения, что понижение уровня моря послужило одной из причин упадка Каупанга в X в.

Через Скирингсаль шел путь из Бирки и Хедебю на запад. Большая часть погребений в Скирингсале носит языческий характер. Однако могилы с гробами, содержащие немного вещей, производят впечатление, что христианство уже оказало влияние на погребальные обряды. Если это наблюдение справедливо, оно представляет большой интерес. Известно, что христианизация Норвегии произошла лишь в конце X — начале XI в., однако население Скирингсала, общавшееся со странами Западной Европы, очевидно, в какой-то мере подверглось влиянию церкви гораздо раньше. Исходя из различия в погребениях, руководитель раскопок Ш. Блиндхейм предположила, что они отражают также имущественные и общественные различия в среде населения древнего «порта»^[45].

Весьма любопытен социальный облик людей, погребенных в богатых могилах. Как и занятых торговлей бондов Готланда, жителей древнего Каупанга трудно назвать купцами. Это скорее состоятельные сельские хозяева, занимавшиеся вместе с тем и торговлей и ездившие на своих кораблях (в одиночку или на паях) в другие торговые пункты. И действительно, наряду с чужеземными товарами, весами и оружием в

могилах найдены сельскохозяйственный инвентарь и рыболовные снасти. Эти «фарманы», как их называли в средние века, обменивали рыбу, железо, птичий пух, тальк (он шел на изготовление котлов, литейных форм и др.) на всякого рода изделия. Жители Северной Норвегии, подобно Оттару приезжавшие на ярмарку в Каупанг, привозили меха, шкуры, корабельные канаты, сплетенные из шкур морских зверей. Погребения такого же характера, как и в самом Каупанге, разбросанные в близлежащей местности, свидетельствуют о тесной связи между жителями этого торгового центра и населением прилегающих районов Вестфолля.

Ряд характерных признаков Каупанга — меньшая концентрация и, по-видимому, большая текучесть населения, смешанный характер его занятий, неразвитость ремесла, отсутствие хороших укреплений — отличают его от Хедебю и Бирки. Норвежский Каупанг-Скирингссаль — не город в полном смысле слова, а скорее его эмбрион. Археологический материал, собранный в этом районе, говорит лишь о «городской туманности», которая могла в благоприятных условиях постепенно сгуститься в поселение городского типа. Но этого так и не произошло. Древний Каупанг обнаружил еще меньшую устойчивость и жизнеспособность, чем Бирка и Хедебю, также исчезнувшие — первая еще в эпоху викингов, второй — в период ее заката.

В X в. Каупанг-Скирингссаль утратил свое значение. Торговым центром Вестфолля стал Тёнсберг. Упадок Хедебю, Бирки, Каупанга не означал свертывания северной торговли, она перешла в другие места, ее центрами стали новые города — Сигтуна^[46], Шлезвиг, Волин, Новгород, Гданьск, Гамбург.

Значение исследования истории торговых пунктов Скандинавии IX–X вв. выходит за рамки изучения эпохи викингов. Эта история — один из первых этапов возникновения средневекового города в Северной Европе, и именно тот его этап, который нашел весьма недостаточное отражение в письменных памятниках, вследствие чего основательное его изучение началось лишь недавно, преимущественно в результате усилий археологов. Помимо рассмотренных нами торговых центров в этот период на Северном и Балтийском морях существовал и ряд других им подобных — франкский Квентовик, фризский Дорестада, славянский Рерик, Трузо и Гробин в Прибалтике, славянско-скандинавский Волин, немецкие Гамбург, Эмден и др.^[47] Сравнительно недавно в Дании были обнаружены остатки поселения переходного типа от сельского к городскому — Линдхольм Хейе, тоже относящегося к эпохе викингов^[48].

Не только Каупанг-Скирингссаль, но и Бирка и Хедебю отличаются от городов, которые стали быстро расти в Европе с XI в. Существование древнесеверных городов-эмпориев было связано не только с грабежом, но и

прежде всего с транзитной торговлей, шедшей по пути от устья Рейна до озера Меларен и связывавшей страны бассейнов Балтийского и Северного морей, страны Запада и Востока. Некоторые ремесла, получившее развитие в Хедебю и Бирке, не были основой их широкой торговли. Изучение этих торговых пунктов и их округа свидетельствует о том, что среди скотоводов, земледельцев, рыболовов и охотников, составлявших в эпоху викингов скандинавское общество, происходило (далеко не во всех случаях завершившееся) выделение новых социальных слоев — купцов и ремесленников. В то время как скандинавы еще не знали частной собственности на землю, в этих торговых пунктах земля уже, по-видимому, сделалась товаром. Римберт говорит о покупке Ансгаром участка земли в Бирке; археологи обращают внимание на то, что в Хедебю участки, на которых стояли дома, были обнесены изгородями.

Вместе с тем первые торговые пункты Скандинавии служили центрами распространения среди ее населения не только новых культурных и идеологических стимулов, приходивших из других частей Европы и из Азии. В свете новых археологических находок приходится пересматривать мнение о том, что скандинавы в раннее средневековье были только пиратами и разбойниками, дезорганизовавшими торговлю. Наряду с викингом, захватывавшим торговые корабли и чужие богатства, все более отчетливо вырисовывается фигура купца, занимавшегося регулярной торговлей. В период нападений викингов на Англию, Францию и другие страны Запада не прекращалась и не свертывалась торговля^[49]. В конце IX в., когда между англосаксами и скандинавами шла ожесточенная борьба, король Альфред принимал у себя норвежца Оттара, прибывшего в Англию с торговыми целями, а англосакс Вульфстан в это же время совершал путешествие по Балтийскому морю. Скандинавы продавали в другие страны не только военную добычу и пленных, имевших большой спрос на арабском Востоке, но и меха, шкуры, янтарь, железо, рыбу, лес^[50]. К ним везли серебро и драгоценности, ткани и вино, хлеб и оружие. В могилах скандинавов наряду с оружием — мечами, боевыми топорами, наконечниками копий, щитами, кольчугами — находят орудия кузнечного и ткацкого ремесла, весы и гирьки к ним — «вооружение» купцов. Помимо военных кораблей у скандинавов создаются иные типы судов, специально предназначенных для торговых поездок. Эпоха викингов — время развития торговли на Балтийском и Северном морях. Однако не следует забывать, что эта торговля тесно переплеталась с пиратством и грабежом.

Существовал ли Йомсборг?

Средневековые западноевропейские хронисты изображали викингов дикими воинами, недисциплинированными и не способными ни к какой организации. В сочинениях этих историков викинги обычно фигурировали в виде обособленных разбойничьих банд и дружин, на свой страх и риск нападавших на другие страны, колонизовавших их без всякого руководства и плана. Несомненно, что такие разрозненные нападения действительно имели место и даже преобладали на раннем этапе экспансии викингов. Но эпоха викингов охватывает почти три столетия — с конца VIII в. до середины или второй половины XI в. И в течение ее скандинавы прошли в своем развитии большой путь. В этот период начинают складываться скандинавские королевства; конунги Швеции, Дании и Норвегии, пресекавшие разбой викингов в пределах своей страны, направляли, а нередко и возглавляли походы на соседние государства, придавая им совершенно иной характер. На этом этапе викинги нередко проявляли организованность, беспримерную для их феодальных современников.

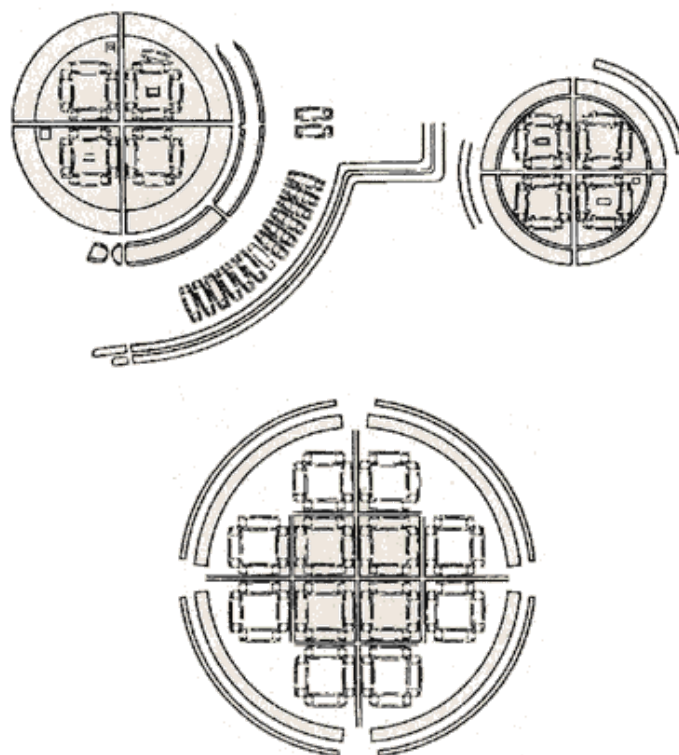
Средневековые легенды и саги повествуют о викингах из Йомсборга, крепости, расположенной где-то на побережье Балтийского моря, в устье Одера. По датским преданиям, Йомсборг основали датские викинги. Исландские саги изображают Йомсборг мощной крепостью, местом пребывания идеальной общины воинов, в которой поддерживалась строжайшая дисциплина и куда не допускались женщины. Среди викингов Йомсборга не было людей старше 50 и моложе 18 лет. Воинам запрещалось отлучаться из бурга более чем на три дня. Все они подчинялись закону мести за павшего собрата. Величайшим позором для йомсвикинга считалось проявить трусость или не передать захваченную добычу в распоряжение общины, которая должна была делить добытое в бою между всеми воинами. Нарушителей принятого в Йомсборге обычая изгоняли из общины. В Йомсборге, гласит сага, была обширная гавань, которая могла вместить одновременно 360 больших кораблей^[51]. Отсюда викинги совершали дерзкие набеги на Норвегию, Швецию, Англию, Данию и другие страны, принимали участие во всех крупных битвах своего времени, пока в 40-е годы XI в. их не разгромил норвежский конунг Магнус Добрый, уничтоживший это гнездо пиратов.

Справедлива ли эта легенда? Что в действительности за нею скрывалось?

Шведский исследователь Л. Вейбюль начисто отвергает всякую тень правдоподобия и отказывается искать в ней историческое ядро, ссылаясь на то, что сообщений о Йомсборге нет в ранних памятниках, они появляются лишь в источниках XIII в.^[52]

Однако Адам Бременский в конце XI в. еще знал о богатом городе Юмне (Jumne), который считал крупнейшим из всех городов Европы. Адам отмечал, правда, что про Юмне рассказывали много неправдоподобного. Этот город, по его словам, был населен славянами и выходцами из других стран, сюда привозили всевозможные товары из всех областей Скандинавии^[53]. Но где находился этот легендарный город, неизвестно. Полагают, что это и был Йомсборг.

Некоторые ученые были склонны видеть Йомсборг в пункте, обнаруженном в устье Одера, близ нынешнего Волина, но находки в нем слишком скромны, чтобы допустить подобную идентификацию. Вопрос остается открытым. Однако нужно заметить, что возражения Л. Вейбюля, основывающиеся на «молчании» источников X–XI вв., в свете новых данных не могут считаться убедительными: за последнее время ряд сообщений саг, прежде признававшихся недостоверными, получил подтверждение. Так, археологи нашли остатки скандинавского поселения на Ньюфаундленде, известного только из поздних саг; изучение рунических надписей в Швеции обнаружило историческое ядро легендарной саги об Ингваре Мореходе; погребение в Гокстаде соответствует рассказу Снорри об Олафе Гейрстадальфе и т. д. Если легенда о Йомсборге и не нашла пока подтверждения, то существование больших и хорошо организованных военных лагерей датских викингов более не может вызывать никаких сомнений, ибо они найдены, и не один, а целых четыре, и не исключена возможность новых подобных открытий. Найдены лагеря не на месте легендарного Йомсборга, а в самой Дании. Из письменных памятников об этих лагерях ничего не было известно. Тем сильнее поразило их открытие всю Скандинавию и научный мир.

Схемы лагерей викингов в Дании

Наверху слева: Треллеборг; справа: Фюркат; внизу: Аггерсборг

Изучение остатков мощных земляных валов в различных районах Ютландии и на датских островах с применением современных методов исследования, в частности аэрофотосъемки, дало в распоряжение ученых ценнейший новый материал. Основные открытия были произведены после второй мировой войны. К настоящему времени изучены лагеря Треллеборг^[54] в западной части острова Зеландия, Аггерсборг^[55] в Северной Ютландии, Фюркат^[56] в Восточной Ютландии и Ноннебьерг (Ноннебаккен) в Оденсе, на острове Фюн; последние два лагеря исследованы частично. При известных и подчас немаловажных различиях, все лагеря объединяет наличие ряда общих черт, свидетельствующих о принадлежности всех их к одному типу. Лагеря представляют собой группы построек, обнесенных Концентрическими земляными валами и расположенных близ морского берега в месте, удобном для стоянки кораблей. Треллеборг стоял на мысе в 3–4 км от пролива Большой Бельт, связывающего юго-восточное побережье Дании с Каттегатом, Аггерсборг находился на Лимфьорде недалеко от Северного моря, поблизости от него Фюркат — на берегу Каттегата; Ноннебьерг — на территории города Оденсе, в удобной и большой гавани, иными словами, эти лагеря занимали

выгодное стратегическое положение, позволявшее господствовать над важнейшими морскими путями.

Треллеборг. Реконструкция, вид с воздуха

Вызывает удивление высокий уровень инженерного искусства, с которым были построены эти лагеря. Концентрические валы (в Треллеборге толщина такого вала достигает 18 м), в которые заключены постройки, представляют собой совершенно правильную окружность. Эта окружность пересекается крест-накрест прямыми линиями с севера на юг и с востока на запад, вдоль которых внутри лагеря идут мощенные деревом дорожки. Ворота, расположенные в валах, обращены таким образом на четыре стороны света. Не менее удивительна правильность и точность размещения домов в лагерях. В Треллеборге перпендикулярно перекрещивающиеся дорожки делят территорию лагеря (площадью около 1,5 га) на четыре равных сектора. В каждом из них размещались по четыре длинных дома, стоящих под прямым углом по отношению друг к другу, образуя точный квадрат со двором посередине. Таков же план и Фюрката. В Аггерсборге таких каре уже не 4, а 12, и число домов не 16, а 48. Соответственно, наряду с двумя перпендикулярными главными дорогами, в этом лагере параллельно каждой из них шли еще по две более короткие дорожки, образовывавшие квадрат. В центре этого лагеря, по-видимому, стояла сторожевая вышка.

Однако, пожалуй, наибольшее изумление исследователи испытали, произведя обмеры лагерей. Хотя окружность валов весьма велика (в Треллеборге ее диаметр равен 136 м, в Фюркате — 120 м, а в Аггерсборге —

даже 240 м), она выверена с точностью до нескольких сантиметров, так что отклонение от геометрического круга составляет менее 0,5%. В основе планов лагерей лежала римская мера длины — фут (римский фут равнялся 0,29 м). В Треллеборге, помимо вала, окружавшего 4 каре домов, был еще внешний вал, тоже со рвом. Расстояние между обоими валами точно равно радиусу окружности внутреннего вала (234 фута). Дома в Треллеборге имели совершенно одинаковую форму и длину — 100 футов, при ширине около 30 футов (8,7 м). Длина домов в Аггерсборге 110 футов. Оси 15 домов, размещенных внутри наружного вала Треллеборга, лежали по радиусу окружности вала, из них 13 — на равном расстоянии один от другого, а два — поодаль. Эти дома имели длину 90 футов.

Назначение домов, находившихся за пределами внутреннего вала, неясно, следов обитания в них почти не обнаружено. Помимо этих больших домов в лагере имелись еще дома меньшего размера, частью, по-видимому, служившие сторожками, частью (размещенные внутри каре) — домами командиров. Размеры каждого из них 30×15 футов.

Как уже отмечалось, Аггерсборг был еще крупнее, чем Треллеборг. Здесь, в центре лагеря, находилась площадь размером 72×72 фута; над валом, укрепленным деревянным бруствером, по-видимому, возвышались сторожевые башни. В Фюркате, как и в Треллеборге, было 16 домов, построенных в 4 каре, но дома здесь имели несколько меньшую длину — 96 футов. Лагерь Ноннебьерг изучен хуже, о нем еще нет полных публикаций.

Дома в лагерях, несмотря на вариации в размерах, принадлежат к общему типу длинных деревянных домов со стенами, имеющими эллиптическую форму; в средней части дом шире, к концам постепенно суживается; острые концы, однако, срезаны. Высокая двускатная крыша опиралась на два ряда столбов. Внутри дом делился на три помещения, среднее — большое, по краям — маленькие. Сами дома не сохранились, но следы стен и опорных столбов явственно передают их план. Исследователи установили, что дома подобного типа строились по всей Скандинавии еще до эпохи викингов и в эту эпоху. Археологи считают, что Аггерсборг был построен на месте более древнего поселения, в котором имелись дома подобной же формы, но меньших размеров. Исходя из размеров домов, полагают, что в Треллеборге могло жить от 1000 до 1500 человек. Следовательно, Аггерсборг, который был крупнее, имел еще больше жителей.

Раскопки в лагерях дали сравнительно немного вещей. Среди них: оружие, кузнечные орудия, приспособления для прядения и ткачества, лемех плуга, косы, украшения, керамика. Обнаружены свидетельства местного

изготовления ювелирных украшений, гребней и др., несколько английских и восточных монет.

В погребениях близ Треллеборга (общим числом около 135) найдены останки мужчин, преимущественно молодых (от 20 до 40 лет), женщин и нескольких детей и стариков. Открыты три общие могилы, из них наибольшая, так называемая братская могила воинов, содержит 10 скелетов. У одного из них кость ноги выше колена перерублена топором или мечом. Погребения языческие. Плохая сохранность костей во многих случаях мешает точному определению пола захороненного. Тем не менее есть основания предполагать, что диспропорция между множеством погребенных в Треллеборге мужчин и незначительным числом стариков, и в особенности женщин и детей, — свидетельство специфического характера поселения: это был лагерь воинов, живших без семей. То обстоятельство, что какое-то число женщин в лагере все-таки жило (об этом свидетельствуют найденные на его территории женские украшения), истолковывают ослаблением первоначально строгой дисциплины, допустившим на территорию военного поселка женщин. В этой связи П. Нерлунд, руководивший раскопками Треллеборга, указывал на то, что трое из четырех ворот в валу лагеря на поздней стадии его существования были загорожены стеной, и образовавшиеся помещения использовались под жилье; в этих жилищах найдены всякого рода предметы домашнего обихода, в том числе множество грузиков от ручных прядильных станков. Здесь, вероятно, и жили женщины; длинные же дома с обширными помещениями служили бараками исключительно для воинов. Наличие среди находок сельскохозяйственных и других орудий мирного труда дает основание предположить: население лагерей должно было само (хотя бы отчасти) заботиться о своем пропитании^[57].

Датируемые вещи (их, правда, немного) относятся к концу X и началу XI в. Треллеборг существовал примерно с 975 по 1050 г. По-видимому, и другие лагеря функционировали в период правления в Дании конунгов Свейна Вилобородого (986–1014 гг.), Кнуда Могучего (1018–1035 гг.) и его преемников. Известно, что эти конунги вели завоевательные войны против Англии, которую и покорили: Кнуд стал ее королем. Поэтому историки предполагают, что лагеря (вспомним об их важнейшем стратегическом положении!) служили опорными пунктами военных отрядов и кораблей, во главе которых датские конунги совершали походы в Англию^[58]. Быть может, в этих лагерях были собраны наемники Свейна или Кнуда; имена многих из них упоминаются руническими надписями на камнях, найденных в разных частях Скандинавии. Кроме того, известно, что у Кнуда Могучего существовало отборное войско, своего рода королевская гвардия или личная

дружина — тинглид, с помощью которого он управлял завоеванной Англией. Однако не исключена возможность, что лагеря относятся к середине и даже ко второй половине XI в. Историки вспоминают в этой связи, что датский конунг Кнуд III готовился к походу на Англию, но погиб в 1086 г. в Оденсе в результате восстания народа, измученного поборами, причем, как сообщает хронист, был сожжен его бург. Между тем остатки лагеря Ноннебьерг в Оденсе хранят следы пожара, его уничтожившего.

Но связь лагерей с походами на Англию можно лишь предполагать. Обращает внимание почти полное отсутствие в лагерях вещей западноевропейского происхождения, и в частности денег английской чеканки: между тем клады этих монет, как уже упоминалось, рассеяны на Севере в огромном числе. Предлагались и иные толкования природы лагерей, а именно: они были построены для охраны Дании от нападения викингов, т. е. имели назначение оборонительных укреплений, а не баз для атак на другие страны. Но подобные объяснения не встретили широкой поддержки у исследователей. Мысль о том, что лагеря сооружены на датской территории захватчиками с целью держать в повиновении местных жителей, также ничем не обоснована. Однако до сих пор остается не объясненным следующий интересный факт: вещи, найденные в Треллеборге, относятся преимущественно к Балтике и напоминают находки в Хедебю и Бирке^[59].

Изучение планов датских лагерей производит впечатление, что они разработаны опытными инженерами и геометрами, вооруженными циркулем и линейкой. По выражению одного исследователя, от викингов трудно было ожидать подобного «бюрократического педантизма». Для постройки такого рода лагерей потребовалась масса рабочей силы, обширные леса, т. е. обладание значительной властью и богатством. Названий Треллеборг, как полагают, существовало уже в эпоху викингов. Значение его «бург рабов» (трэль — древнесканд. раб). Возможно, лагерь получил такое название вследствие того, что был построен руками подневольная люда. Впрочем, выдвигалось и иное объяснение. По мнению некоторых специалистов, это название произошло от tralls (столб палисада).

Постройка подобных лагерей требовала больших расходов и множества рабочих рук. Исходя из этого, историки связывают существование лагерей с сильной королевской властью, возникшей в Дании как раз в те времена^[60]. При этом высказывалось предположение, что инженеры, проектировавшие лагерь, были чужеземцами, ибо трудно предположить столь высокую строительную технику у самих датчан в X и XI вв. Однако остается невыясненным, откуда явились в Данию эти иноземные военные инженеры, якобы приглашенные датскими государями или захваченные викингами в

плен. Дело в том, что нигде в Европе того времени подобных или хотя сколько-нибудь аналогичных сооружений не существовало. Строительным материалом на Западе в то время был камень, тогда как датские укрепления сооружались из земли, глины и дерева. Ученых смущает и применение в качестве меры длины римского фута, ибо древнеримские лагеря строились в форме прямоугольников, а не колец. Предположение, что такие инженеры могли быть византийцами, казалось бы, подтверждается: в XI в. связи скандинавов с Византией усилились. Но до сих пор не найдено убедительных параллелей из истории строительной техники. Правда, возможность приглашения инженеров из Византии не исключена: ведь приглашали их в Киев к князю Владимиру. Высказывалось и другое мнение: при постройке датских лагерей был использован фортификационный опыт персов и ассирийцев, воспринятый арабами и пришедший в Данию путем «из варяг в греки»^[61]. Но все это лишь догадки.

Между тем доказано, что конструкция домов в лагерях представляет собой дальнейшее развитие типа длинных скандинавских домов более раннего времени. Таким образом, одна из существеннейших составных частей датских лагерей, видимо не являлась заимствованием извне, а скорее продолжала уходящую в глубь веков местную традицию. Не следует ли предположить, что и сами лагеря были построены датчанами? Прimitивные круговые укрепления строились в Скандинавии еще в V в. Укрепление Исматорп на о-ве Эланд (Швеция), которое археологи относят к периоду «Великих переселений» (по другим предположениям, к более позднему времени), представляло собой круговую каменную крепость с не менее чем девятью воротами и множеством небольших домов в ее пределах. Дома вдоль внутренней стороны стены располагались радиально, в средней части крепости они составляли четыре группы. Но, конечно, до геометрической правильности форм датских лагерей этому лагерю очень далеко!

Остатки кольцевых поселков, относящихся к эпохе переселений народов и к более позднему времени, найдены и в Юго-Западной Норвегии (Рогаланд) и в Северной Норвегии (Халогаланд). Укрепления в виде концентрических валов строились и в Европе в VIII в. Достаточно указать на разрушенный Карлом Великим знаменитый «Ринг» (кольцо) аварского кагана на Дунае, в Паннонии, в котором насчитывалось до девяти валов, вписанных кругами один в другой. Славянские укрепления также были кольцевыми. Известны тесные связи датчан со своими соседями — прибалтийскими славянами. Наконец, кольцевые укрепления сооружались на Британских островах. Больше того, если прежде английские археологи относили их ко времени, предшествовавшему походам викингов, то ныне

раздаются голоса в пользу датского происхождения некоторых английских лагерей^[62].

Разумеется, строгие геометрические формы и пропорции лагерей в Дании X–XI вв. существенно отличают их от любых возможных прототипов. Во всяком случае они не стоят в Европе совершенно изолированно. Если римская строительная техника и оказала влияние на строителей датских лагерей, то искать родину этих инженеров в Византии или в других, еще более далеких странах Востока вряд ли имеются достаточные основания. Но римский фут — мера, положенная в основу всех размеров в лагерях, продолжает смущать ученых.

Следует отметить, что планы, по которым построены все четыре известных нам лагеря, все же различны: особенно неодинаковы технические конструкции их домов. В этой связи высказывалось мнение, что лагеря принадлежали не конунгам Дании, а могущественным предводителям, управлявшим отдельными областями страны^[63]. В таком случае предположение о местной строительной традиции становится особенно привлекательным. Указывали также на то, что стратегическое положение лагерей определялось не только их близостью к морю, но и тем, что они господствовали над районами, в которых помещались. Следовательно, хозяева лагерей (кто бы они ни были — местные предводители или слуги датского конунга), опираясь на стоявшие в них гарнизоны, держали под своим контролем местное население^[64].

Происхождение и назначение датских лагерей X–XI вв. — одна из многочисленных загадок, которые оставили нам викинги. Может быть, легенда о викингах из Йомсборга все-таки как-то связана с существованием этих лагерей? Как бы ни решился вопрос о строителях Треллеборга, Аггерсборга и других бургов, ясно одно: это лагеря датские. Не считается с их характеристикой при оценке викингов и их походов невозможно.

Любопытно, что в древнескандинавской мифологии чертог верховного божества Одина, Валхалла, рисовался в виде огромной палаты с несколькими сотнями дверей; в Валхаллу получали доступ одни лишь воины, павшие в бою. Норвежский ученый М. Ульсен связывал это представление с римским Колизеем, полагая, что скандинавы мыслили Валхаллу как огромный амфитеатр^[65]. Но нельзя ли отыскать прообраз дворца Одина где-нибудь ближе^[66]? Не следует ли видеть связь между Валхаллой и круговыми лагерями, существовавшими у викингов? Нам кажется более существенным в описании Валхаллы в песнях «Старшей

Эдды» не количество дверей и число воинов, которые могли войти туда одновременно (по 960 воинов в каждую из 640 дверей), — это, естественно, плод фантазии, — а то, что чертог Одина был обиталищем исключительно одних павших в бою героев — эйнхериев. Вспомним, что и в легенде о викингах Йомсборга подчеркивается тот же момент: на территории его могли находиться только викинги. Что касается входов в лагеря датских викингов, то хотя в них было всего по 4 ворот, они были открыты на все четыре стороны света. Нельзя ли предположить, что строители лагерей стремились воплотить в жизнь свое представление о Валхалле как обители избранных воинов?

Походы викингов

«Эпоха викингов»... Но была ли на самом деле в истории подобная эпоха? Наиболее правильным представляется утверждение, что в истории Европы, рассматриваемой в целом, такой эпохи не было: несмотря на значительную роль, которую сыграли нападения скандинавов в жизни самых различных народов — от Англии до Византии, от Руси до Италии, — они не определяли исторических судеб Европы в IX–XI вв.

Но в истории самих скандинавских стран указанные столетия — это действительно эпоха викингов. Весь вопрос заключается в том, как объяснить походы викингов, в каких связях их рассматривать и что именно под ними понимать.

Походы викингов ошибочно считать чем-то единым по их содержанию и неизменным по характеру. В своей основе это экспансия скандинавов в другие страны. Но, во-первых, внешняя экспансия была прямым продолжением внутренних сдвигов, происходивших в скандинавском обществе, и правильно понять походы викингов можно лишь в тесной связи с развитием, одновременно происходившим на их родине. Во-вторых, под понятие «походы викингов» подводятся обычно самые различные проявления экспансии скандинавов. Между тем их нужно различать. Несмотря на трудность, а подчас и невозможность разграничения как по времени, так и по существу разных форм норманнской активности в Европе, очень важно выделить эти формы. Для лучшей ориентировки в дальнейшем изложении мы просто перечислим отдельные проявления экспансии скандинавов: пиратство в северных морях и сезонные нападения на другие страны разрозненных дружин с целью грабежа; нападения на другие страны объединенных (хотя бы на время) отрядов с целью захвата добычи и занятия территорий для последующего ее заселения; походы больших армий, возглавляемых могучими хавдингами, а иногда и скандинавскими государями, с целью организованного выкачивания из завоевываемых стран добычи, дани и частичной их колонизации и даже с целью установления над этими странами или областями своего государственного верховенства; экспедиции, не носившие завоевательного характера и сопровождавшиеся заселением пустовавших до того земель (мирная колонизация); морская торговля, основание факторий и торговых станций; наемничество.

Как уже отмечено, выделение отдельных типов экспансии сопряжено с большими трудностями: сплошь и рядом один ее тип переходил в другой. Военный набег, пиратство и мирная торговля подчас шли рука об руку. Одни

и те же викинги могли выступать то в роли грабителей и захватчиков, то в качестве мирных поселенцев и земледельцев. Хавдинги и конунги, преследовавшие политические цели, как правило, применяли для их достижения любые средства, в том числе и далеко не в последнюю очередь — разбой. Борьба за контроль над торговыми путями и пунктами также сочеталась с пиратством и войной. Строго говоря, некоторые из намеченных типов экспансии, в особенности мирная колонизация и торговая деятельность, не являются походами викингов. Но они подчас входили в них как составные части и столь тесно переплетались с ними, что абстрагироваться от них невозможно.

Участников походов викингов, понимаемых в столь широком смысле, необходимо различать также по их социальному составу. Во главе военных предприятий стояли представители знати, в них принимали участие как знатные, так и незнатные воины. В числе колонистов преобладали простые бонды и воины, хотя заселением и распределением земель обычно руководили хавдинги. Торговлей наряду с профессиональными купцами занимались и знатные и незнатные, и воины и мирные люди.

Термин «викинг» (*víkingr*) остается не вполне ясным. Над его расшифровкой бились не меньше, чем над истолкованием термина «русь». Адам Бременский писал о «пиратах, которых датчане называют викингами». Ученые долгое время связывали этот термин с Виком (*Viken*), областью Норвегии, прилежащей к Осло-фьорду. Но во всех средневековых источниках жители Вика называются не «викингами», а совершенно другим термином — *víkverjar* или *vestfaldingi* (от Вестфолля). Выдвигалось другое объяснение: «викинг» происходит от слова *vík* — бухта, залив; викинг — тот, кто прячется в заливе. Но в таком смысле слово в не меньшей, а может быть, и в большей мере было бы применимо и к мирным купцам. Наконец, термин «викинг» пытались «производить» от древнеанглийского *wíc* (лат. — *vicus*), обозначавшего торговый пункт, город, укрепленный лагерь. И это объяснение было отвергнуто. В настоящее время наиболее приемлемой считается гипотеза шведского ученого Ф. Аскеберга, который производит термин «викинг» от глагола *víkja* — «поворачивать», «отклоняться». Викинг, по его толкованию, это человек, который уплыл из дому, покинул родину, т. е. морской воин, пират, ушедший в поход за добычей. Любопытно, что в источниках этот термин употребляется особенно часто не применительно к человеку, а как обозначение самого

грабительского предприятия: «уйти, отправиться в víking», — причем проводится довольно строгое различие между отплытием «в викинг» и торговой поездкой^[67].

Наконец, существенно отметить и то, что в глазах скандинавов (насколько можно судить на основании источников) слово «викинг» не было комплиментом. В исландских сагах XIII в. викингами называют людей, занятых грабежом и пиратством, необузданных и кровожадных. Но обратимся к памятникам, современным эпохе викингов. Во многих надписях рунами, сделанных на камнях, которые воздвигались в память о людях, погибших в заморских походах, встречается слово «викинг», но обычно как обозначение похода («погиб в викинге»). В одной из надписей из Уппланда говорится об Ассуре, сыне ярла Хакона, что он был «стражем против викингов». Видимо, в самом деле скандинавы эпохи викингов применяли это слово преимущественно к грабительским походам и вылазкам, в какой-то мере и к их участникам, но подчас с оттенком осуждения.

Кто же такой викинг? Это пират и воин, искатель добычи и славы, которую могли доставить ему военные подвиги; но это и колонист, переходивший в благоприятных условиях к мирному труду, и мореплаватель, занятый торговлей и поисками неведомых островов. Если быть точным, то нужно сказать, что далеко не все участники скандинавской экспансии IX–XI вв. были викингами. Но именно викинги задавали ей тон, и они наложили наибольший отпечаток на все движение и на эпоху. Понятия «походы викингов», «эпоха викингов» утвердились в исторической науке. Но нужно иметь в виду, что «викинг», «эпоха викингов» — названия, в большой мере условные. Что же за ними скрывалось в реальной действительности?

Воины. Поселенцы

Разграбление и разрушение монастыря в Линдисфарне — один из первых эпизодов в долгой и кровавой истории походов викингов на Англию. С этого времени они становятся постоянным бедствием в жизни Англии, Франции и других стран Европы. Но фактически экспансия скандинавов началась задолго до 793 г. Она принимала разные формы. Для того чтобы составить о ней верное представление, вторжения жителей Севера в чужие земли нужно увязать с внутренней колонизацией, происходившей на Скандинавском полуострове в течение нескольких столетий. Нехватка удобных для обработки земель вследствие роста населения и начавшихся разделов больших семей толкала многих бондов на освоение незанятых территорий во внутренних и северных областях Норвегии и Швеции. Они рубили и корчевали леса, очищали земли от валунов, строили сельские усадьбы, распахивали участки. Многие жители приморских районов Норвегии, издавна связанные с морем всем своим образом жизни, начали в конце VIII в. переселяться на острова Северной Атлантики — Фарерские, Шетландские, Оркнейские и Гебридские. Здесь были благоприятные климатические условия для земледелия и овцеводства (Фарерские острова буквально означают — «Овечьи», овцы могли тут находиться на пастбищах в течение круглого года). Наряду с разведением домашних животных поселенцы занимались ловлей рыбы и другими морскими промыслами, сбором птичьих яиц и пуха. Кое-где норвежцы, заселяя острова, потеснили или изгнали своих предшественников — кельтов и пиктов, преимущественно отшельников, в других случаях они были первопоселенцами.

Раскопки в местности Ярлсхов, на Шетландских островах, обнаружили остатки поселка, состоявшего из длинных домов типичной скандинавской формы. Шотландские археологи установили, как одиночное поселение выросло с течением времени в целую общину. На обломках песчаника и сланца сохранились от того периода рисунки кораблей, животных, головы дракона, видимо, украшавшей нос корабля. Но особенно интересны два человеческих профиля, один — молодого человека с завитыми волосами, бородкой и усами, другой — беззубого старика^[68].

Мирная колонизация бондов подчас сочеталась с воинскими набегами и пиратством, которым занимались наиболее воинственные элементы в их среде. Шетландские острова по своему географическому положению сыграли роль соединительного звена между скандинавскими поселениями в Северной Атлантике и Шотландией. Этим путем отряды искателей добычи и достигли в конце VIII в. берегов Шотландии, Ирландии и Северной Англии.

Экспансия скандинавов с самого начала стала разворачиваться в разных направлениях. Норвежцы устремились на северо-запад, сюда их, естественно, ориентировало само положение Норвегии, вытянувшейся вдоль побережья Северной Атлантики, изрезанного бесчисленными глубокими Фьордами. Ни Англия, ни Шотландия, ни Ирландия, на берега которых стали совершать набеги норвежские викинги с северных островов, не представляли из себя политического единства и не располагали сколько-нибудь значительным и боеспособным флотом. Поэтому, когда скандинавские пираты появились у берегов Британских островов, они не встретили серьезного отпора. Слабость англосаксов и кельтов поощряла набеги норвежцев, сумевших захватить значительные территории на юго-западе Шотландии и севере Англии.

Первое нападение норвежцев на Ирландию произошло в 795 г. Оно носило такой же характер, как и нападение на Линдисфарн в Англии. С начала IX в. набеги учащаются. Разобщенность страны на мелкие враждующие между собой княжества и кланы способствовала успехам пиратов и завоевателей. Ирландский хронист из Ульстера писал о нападении, происшедшем в 820 г.: «Море извергло на Эрин [Ирландию] потоки чужеземцев. Не осталось ни одного залива, ни оной пристани, ни единого укрепления, укрытия, бурга, который не был бы наводнен викингами и пиратами»^[69]. Вскоре разрозненные вылазки норвежцев сменяются переселениями их в захваченные районы Ирландии. В 839 г. норвежский хавдинг Тургейс, прибывший в Северную Ирландию во главе большого флота, провозгласил себя, по словам анналиста, «конунгом над всеми чужестранцами в Эрин». Завоеватели стали возводить приморские форты. Главным из них стал Дублин. Однако угнетение покоренного народа и то, что скандинавы хотели заменить христианство, утвердившееся в Ирландии за 4 века до их нашествия, языческими верованиями, превращая церкви в капища, вызвали в 844 г. восстание. Норвежский правитель был утоплен в море. Борьба осложнилась с появлением на «Зеленом острове» датских викингов.

Воспользовавшись враждой между датчанами и норвежцами, не желавшими уступать им добычу, ирландцы заключили союз с

датчанами. В результате норвежцы были разгромлены. Историк сообщает, что пало более 5 тыс. норвежцев «из хороших семей», не считая множества «простых воинов и людей низкого происхождения». Датчане, сражавшиеся против норвежцев, якобы обещали перед решительной битвой поделиться добычей, на которую они рассчитывали, с небесным покровителем Ирландии святым Патриком; одержав победу, они пожертвовали ему большой кубок, полный золота и серебра. «Все же датчане — народ, не вполне чуждый благочестия», — замечает по этому поводу ирландский хронист.

Но вскоре из Норвегии приплыл большой флот с новым отрядом, возглавляемым Олафом Белым, который захватил Дублин и изгнал датчан с острова. Угнетение и ограбление ирландцев норманнами еще более усилилось. Хронист говорит, что невозможно передать «всех страданий, которые вынес ирландский народ, мужчины и женщины, миряне и священники, малые и старые, от этих воинственных и диких язычников». В конце IX в. возобновилась борьба между норвежцами и датчанами, вновь явившимися из Восточной Англии. Господство норвежцев было ослаблено, и в 901 г. ирландцам удалось захватить Дублин.

Грабя и угнетая кельтов, викинги вместе с тем воспринимали с их стороны сильные культурные импульсы. Резко расширился и изменился круг их представлений. Свидетельство тому — изобразительное искусство викингов, развившееся у них в IX в., в частности большие каменные кресты на острове Мэн: на высеченных на них изображениях причудливо переплетаются христианские и языческие мотивы^[70].

Шведы в VIII в. пересекают Балтийское море, плавание по которому было относительно более легким делом, и основывают опорные пункты на южном его побережье. Таков Гробин в земле прибалтийского племени куршей (неподалеку от нынешней Лиепай). Раскопки обнаружили здесь остатки земляного укрепления и три кладбища с многочисленными могилами. Изучение найденных в погребениях вещей привело ученых к предположению, что часть жителей занималась мирной торговлей, тогда как другие были воинами. Возможно, что купцы были с острова Готланд, а воины происходили из Средней Швеции. Согласно сообщению Римберта (в «Житии Ансгара»), племя куршей было около середины IX в. подчинено шведами, но затем восстало и освободилось от их власти, Римберт упоминает о походе шведского конунга Олуфа, который, по его словам, сжег пункт под названием Зеебург («морская крепость»), где якобы находилось не менее 7 тыс. воинов. Шведские археологи полагают, что раскопанный ими

Гробин был укрепленным пунктом, сооруженным шведами после сожжения Зеебурга. Таким образом, шведская экспансия на южное побережье Прибалтики задолго до эпохи викингов засвидетельствована как археологическими, так и письменными данными^[71].

Отсюда по Западной Двине (Даугаве) шведские торговцы и воины двигались на Днепр и по нему к Черному морю, в Византию. Другие шли в восточном направлении — через Финский залив, по Неве, в Ладожское озеро, к Старой Ладоге, расположенной при впадении Волхова в Ладожское озеро, и из нее — к верховьям Волги; далее по Волге путь лежал в Каспийское море, к арабскому Халифату. Другой путь шел по Волхову в Новгород (известный в скандинавских источниках под названием Хольмгарда), а оттуда к Полоцку, где открывалась дорога к Днепру, Западной Двине и Волге.

Шведская экспансия на Восток имела некоторые особенности по сравнению с норвежской и датской агрессией на Западе. Одним из важнейших занятий скандинавов на Востоке была торговля. Без учета большой активности шведских торговых людей на волжском и днепровском путях, вплоть до византийских, арабских и хазарских владений, вообще нельзя объяснить наличие огромного количества кладов на скандинавском Севере. Немало рунических надписей на камнях в Швеции упоминают об участии шведов в поездках и походах на Восток — в Южную Прибалтику, на Русь (Гардар), в Константинополь (Миклигард) и Сёркланд — страну сарацинов (арабский Халифат). Разумеется, и на Востоке скандинавы искали добычи и захватывали ее подчас силой, с помощью оружия. Купец шел рука об руку с воином. Стремясь подчинить себе племена Восточной Европы, норманны облагали их данью. Они охотно становились наемниками на службе у славянских князей и у византийского императора — под именем варангов (варягов). Более того, от выходцев из Скандинавии вели свой род князья древней Руси. Предание о «призвании варягов» на Русь явно недостоверно, легендарен, возможно, и сам Рюрик. Но первые известные нам князья, сидевшие в Новгороде и Киеве, — Олег, Игорь. Ольга, а равно и Часть их приближенных и дружинников, были скандинавами. О несомненном скандинавском происхождении многих дружинников и купцов, близких к князю, свидетельствуют их имена, зафиксированные в договорах Игоря и Олега с византийскими императорами 911 и 944 гг.

Скандинавские названия носили некоторые днепровские пороги, перечисляемые византийским императором Константином VII Багрянородным (середина X в.) в сочинении «Об управлении империей». Это еще раз подчеркивает значение днепровского пути для скандинавов. Однако данные топонимики свидетельствуют об относительной

немногочисленности скандинавов на Руси (в особенности, если сравнить ее со скандинавской топонимикой на Британских островах). Вещи норманнских воинов и купцов найдены в Киеве, Чернигове, Гнездове, близ Ярославля, в Старой Ладогге, т. е. в крупных для того времени городах и в их окрестностях. Видимо дружинники князей иногда получали от них в управление укрепленные пункты, в которых концентрировалась торговля. Сюда свозилось полюдь, уплачивавшееся местным населением и шедшее на содержание князя и его дружины. Полюдь X в. (как оно рисуется в русской летописи и в сочинении Константина Багрянородного) представляет аналогию древнескандинавскому кормлению — *вейцле*. Согласно имеющимся данным, полюдь, основывающееся на твердых «уроках» и связанное с системой погостов, было введено при Ольге. То, что этот вид «кормления» получил распространение как на Руси, так и в скандинавских странах, — одно из доказательств примерно одинаковой стадии социально-экономического развития и сходства условий жизни в Скандинавии и на Руси в тот период.

Хотя выходцы из Скандинавии и сыграли немалую роль в укреплении княжеской власти и связанных с нею учреждений, разумеется, не они создали основы Древнерусского государства. В непонимании природы государства и причин его возникновения — коренной порок норманнской теории происхождения государства на Руси. Ранняя форма государства у восточных славян, как и у всех других народов, возникла не в результате завоевания или «признания князей», а вследствие достижения славянами определенной ступени общественно-экономического и политического развития^[72]. Приходящаяся на этот период истории народов Восточной Европы норманнская экспансия сделала возможным захват власти в Новгороде, а затем и в Киеве выходцами из Швеции: они включились в шедшие здесь социально-политические процессы. Против преувеличения значения норманнов в истории становления Древнерусского государства говорит также и то обстоятельство, что выходцы из Швеции, составлявшие незначительную кучку среди основной массы славянского населения, вскоре и сами ославянились. Уже сын Ольги носил славянское имя Святослав. Важно отметить, что договоры Руси с Византией были составлены на греческом и славянском языках. Письменность, право, культура древней Руси славянские, а не скандинавские.

Княжеский дом в Киеве и в XI в. продолжал поддерживать тесные связи с конунгами Скандинавии. Не только часто заключались браки между представителями киевских Рюриковичей и скандинавскими правителями, но последние во время неурядиц на родине искали поддержки и убежища в

Новгороде и Киеве. Владимир Святославич и Ярослав Мудрый прибегали к услугам варяжской дружины, приглашаемой ими из Скандинавии.

Письменные источники, упоминаящие норманнов на Руси, противоречивы, многие из них относятся к более позднему времени и тенденциозны. Но и современные эпохе викингов источники «темны»^[73]. Изучение археологических данных подтверждает мнение об ограниченности роли варягов в истории Древнерусского государства. Скандинавских вещей, оружия, украшений найдено много, но бесспорно норманнских погребений среди раскопанных курганов немного^[74]. Бездоказательно утверждение шведских историков о широкой колонизации скандинавами северных районов Древнерусского государства^[75].

Решению многих вопросов, связанных с ролью норманнов в истории древней Руси, мешало также превратное понимание соотношения уровней общественного и культурного развития скандинавов и восточных славян. В то время как многие буржуазные историки-норманнисты произвольно выдвигали тезис о превосходстве шведов над славянами, в советской историографии мысль о невозможности создания норманнами Древнерусского государства, вытекающая как из конкретного анализа всего комплекса имеющихся данных о началах государства на Руси в донорманнский период, так и из марксистского учения о базисе и надстройке, иногда мотивировалась отсталостью норманнов по сравнению с восточными славянами. Изучение социально-экономического положения обоих народов IX–XI вв. с учетом их предшествовавшего и последующего развития приводит современного историка к более правильному выводу о стадильной синхронности их развития: и те и другие народы ко времени их тесного соприкосновения переживали процесс перехода от давно уже разлагавшегося общинно-родового строя к ранним формам феодализма, к первоначальной государственности; у восточных славян и у скандинавов одновременно совершался и переход к христианству^[76]. Именно в силу одинаковости их социального развития, шедшего и в Скандинавии, и на Руси вне синтеза общинно-родового строя с рабовладельческим строем Римской империи, норманны могли без каких-либо трудностей включиться в этот процесс на Руси и принять в нем участие, не изменив существенно ни его хода, ни форм, в которых он протекал.

Норманнские наемники играли немалую роль в жизни Византийской империи в X и XI вв. Среди них особенной известностью пользовался Харальд Сигурдарсон — будущий правитель Норвегии; о его подвигах на Руси, в Константинополе, на Ближнем Востоке, в Южной Италии и других странах пели скальды и слагались красочные легенды.

Скандинавские воины добрались до Афин. На мраморном изображении льва в Пирее (ныне находится в Венеции) варяги вырезали рунические письмена. О походах шведов в Сёркланд повествует сага об Ингваре-Мореходе: он водил большой отряд на Восток и умер в Сёркланде. На многих памятных камнях в Швеции имеются рунические надписи с именами воинов, которые ходили в поход под началом Ингвара.

Географическое положение Ютландии — на стыке Балтийского и Северного морей — и связь ее с континентом открывали путь датчанам как в западном, так и в восточном и южном направлениях. Но в основном их набеги были нацелены на юг и запад. Походы датского конунга Годфреда в самом начале IX в. против славян-ободритов привели его в соприкосновение с Франкской империей, которая достигла при Карле Великом наибольших размеров. Подчинив саксов, Карл стремился распространить свою власть и на ободритов и другие соседние с датчанами славянские племена. Именно в эти годы началась постройка в южной Ютландии Датского вала (восточной его части). Очевидно, Годфред опасался франкского вторжения и спешил принять оборонительные меры. На море он чувствовал себя сильнее.

Начались нападения датского флота на фризское побережье. Высаживавшиеся здесь отряды громили франкские гарнизоны и облагали население данью. Как писал биограф императора Карла Эйнхард, конунг Годфред считал себя господином Германии, фризов, саксов и ободритов и даже похвалялся, что захватит Аахен — главную резиденцию Карла Великого. Пусть франкский историк и сгущает краски, опасность, нависшая над северными областями империи, была вполне реальна. Карлу пришлось возводить приморские укрепления и снаряжать корабли для борьбы против норманнов, разместив их в устьях рек Франции и Германии, впадающих в Северное море. Дело касалось не одной лишь безопасности его государства, но и прибыльной торговли, которую вели фризские купцы. В разгар борьбы Годфред погиб от руки собственного дружинника (8 Юг.). Воспользовавшись усобицей между его преемниками, сын Карла Великого, Людовик Благочестивый, перешел в наступление на датчан. Инициатива в войне переходила от одной стороны к другой, ободриты также поддерживали то франков, то датчан, но временно Людовику удалось защитить свои владения от скандинавских пиратов».

К этому моменту относится описание датчан франкским поэтом Эрмольдом Нигеллом. В стихотворении, воспевающем Людовика Благочестивого, Эрмольд говорит о датчанах (или «норманнах», как часто их называют на франкском языке), что это проворные и быстрые люди, ловко обращающиеся с оружием,

«плавание по морю — их ремесло». Датчане «красивы лицом, благородны осанкой и ростом велики. Легенда гласит, что от них происходит и франков род». Поэт повествует далее о том, как император послал: миссию для обращения датчан в истинную веру. Миссия удалась, и в один прекрасный день на Рейне под Ингельхеймом, где пребывал тогда Людовик Благочестивый, показались сотни кораблей, украшенных белыми, как снег, парусами. На первой ладье стоял датский конунг Харальд, прибывший с родней и дружиной принять крещение. После совершения обрядов крестный отец датского конунга, император Людовик, щедро одарил своего крестника, ставшего его ленником.

Неясно, в какой мере заслуживает доверия этот рассказ придворного поэта, стремившегося превознести своего господина. Скорее всего крещение было принято датским конунгом лишь с целью получить дары. Нет оснований считать, что датчане действительно стали в то время христианами. Любопытен в этой связи рассказ сен-галленского монаха. Людовик Благочестивый требовал от всех норманнов, прибывавших к нему, принять крещение. Многие из них так и поступали, но истинная причина заключалась в том, что их привлекала возможность получить при крещении одежды и подарки, которые франки давали вновь обращенным. Так, однажды не хватило крещальных одежд для всех, и тогда они стали рвать ткани на куски и делить их между собой. Один из старейших среди них признался: «Я принимал крещение двадцать раз, и всегда получал хорошее платье, но ныне мне дали мешок, подходящий пастуху, но не воину». И он швырнул с этими словами не понравившееся ему одеяние.

Это стихотворение Эрмольда — свидетельство того, что датские конунги в начале IX в. подчас нуждались в поддержке франкского императора. Однако успехи франков в борьбе с северными соседями не могли быть длительными и прочными. Созданная Карлом Великим держава неуклонно близилась к феодальному распаду, внутренняя смута ослабляла императорскую власть. Борьба между Людовиком и его сыновьями открывала перед норманнами благоприятные возможности беспрепятственно нападать на еще недавно столь могущественного соседа.

В 833 и 834 гг. им удалось разграбить важнейший торговый пункт в Северной Европе — Дорестада (в устье Рейна), Наложить руку на богатства этого процветавшего фризского центра торговли и мореходства было давней мечтой викингов, которые с жадностью домогались и чеканившихся здесь

франкских монет, и товаров, стекавшихся сюда из Англии и Германии, Франкской империи и Северной Европы. Дорестада пережил, однако, датское завоевание и просуществовал еще три десятилетия. В 864 г. он погиб в результате стихийного бедствия: невиданные штормы, сопровождавшиеся огромными наводнениями, затопили обширные районы Фрисландии и Голландии; когда вода спала, эти места оказались покрытыми мощными отложениями песка. Переместилось устье Рейна. Остатки Дорестада и более мелких населенных пунктов были погребены под дюнами...

Между тем датчане продолжали свои разрозненные набеги. Они совершили нападение на остров Вальхерен в устье Шельды, многократно атаковали английские берега. В 841 г. датчане поднялись по Сене почти до самого Парижа. В 842 г. ими был разграблен важный пункт торговли с Англией — Квентовик. В 843 г. они захватили и сожгли другой торговый пункт — Нант. Одновременно норманны утвердились на островке Нуармутье в устье Луары, откуда могли контролировать франкскую торговлю вином и солью. Так норманны впервые утвердились на франкской территории. Хронист говорит, что то были норвежцы. Возможно, они прибыли сюда из Ирландии.

В 845 г. датчанами был разграблен и сожжен Гамбург. Архиепископ Ансар бежал вместе с монахами, библиотека его погибла в огне. Одновременно легендарный викинг Рагнар (или Регнар) Лодброг вторгся в Северную Францию и, поднявшись по Сене, захватил Париж. К этому времени внутренняя борьба в империи привела к ее распаду: по Верденскому договору 843 г., она была разделена на три части между сыновьями Людовика Благочестивого. Эти раздоры открывали перед норманнами новые возможности для нападений. Датские и норвежские викинги вновь и вновь нападали на Руан, Париж, Шаргр, грабили, жгли, убивали, не встречая серьезного сопротивления. Западно-франкскому королю Карлу Лысому пришлось откупиться от них серебром. Так началось выкачивание предводителями отрядов норманнов «датских денег» из стран Запада. Часть денег давали монастыри, другие собирались в виде налогов с населения, причем взимание этих поборов сопровождалось такими злоупотреблениями со стороны магнатов, что неизвестно, от чего сильнее страдал народ: от сбора «датских денег» или от набегов норманнов»^[77].

Для походов викингов в первой половине IX в. были характерны именно никак не согласованные между собой набеги отдельных отрядов искателей наживы и приключений, группировавшихся вокруг прославившихся своими подвигами вождей. Таковы были первые два поколения викингов. Но правители Западной Европы оказались не в состоянии отразить даже такие неорганизованные нападения не столь уж

многочисленных норманнов. Пораженные легкостью, с которой викинги достигали своих целей, западные хронисты крайне преувеличивали численность воинов и кораблей норманнов и приписывали им все бедствия, испытываемые населением, каковы бы ни были истинные их причины.

О том, что делалось в то время в самой Скандинавии, известно очень немногое. Главным источником служит «Житие Ансгара», составленное в 70–80 годы его учеником Римбертом. Хотя житие и написано по шаблону, принятому в то время для агиографических сочинений, в нем содержатся некоторые любопытные сведения. Свою миссионерскую деятельность Ансгар начал в Дании. В Хедебю он основал церковь (раскопки не обнаружили ее следов). Датский конунг пожаловал Ансгару землю для постройки церкви другом торговом пункте Дании — Рибе. Но, в отличие от Эрмольда, автор жития не говорит, что датчане в своей массе были христианами. Новую веру приняли лишь немногие из них. Путь из Хедебю в шведскую Бирку, куда Ансгар отплыл на торговом корабле, был полон опасностей. На него напали пираты, отнявшие у монаха все его священные книги, привлекавшие их, разумеется, лишь своими роскошными переплетами. Самому Ансгару, подобно другим путникам, пришлось спасать жизнь, прыгнув за борт. Наконец, он добрался до цели путешествия и почувствовал себя вознагражденным за все перенесенные мытарства и опасности хорошим приемом, оказанным ему конунгом Бьерном. Успехи миссии казались папе римскому столь значительными, что после возвращения в Гамбург Ансгар стал архиепископом, и его назначили легатом среди шведов, датчан, славян и всех других народов Прибалтики. Однако вскоре его преемник, действовавший в Бирке, был изгнан, а датский конунг запретил кому-либо из своих подданных переходить в католицизм. После смерти Ансгар был провозглашен святым; в средние века его превозносили как «апостола Севера», но реальные результаты его христианизаторской деятельности являлись очень скромными и недолговечными. Важно отметить, что миссия Ансгара была связана с торговыми местами в Дании и Швеции: очевидно, лишь среди купцов и других людей, занятых торговлей и поездками в другие страны, церковные проповедники могли в то время рассчитывать на некоторый успех, бонды же оставались чуждыми новой религии.

Со второй половины IX в. походы викингов начинают понемногу принимать новую форму. Вожди викингов, по-видимому, стали испытывать потребность объединить свои силы для нападений. Возможно, что их толкало на это усилившееся сопротивление в подвергавшихся нападениям странах. Так, в 851 г. король Уэссекса (в Южной Англии) Этельвульф сумел собрать большую армию англосаксов и нанести серьезное поражение «язычникам» (так обычно называет «Англосаксонская хроника» викингов), которые уже разграбили Кентерберии и Лондон. Вскоре после этого произошло другое событие, не прошедшее бесследно для дальнейших походов викингов: в 854 г. в результате усобиц погибли почти все члены королевского рода в Дании, страна окончательно распалась. Отсутствие политического единства и раздоры в Дании не воспрепятствовали новым походам в другие страны. Напротив, отдельные предводители, хозяйничавшие у себя на родине, более не сдерживались рукой конунга и с новой силой обрушились на Англию и Францию.

Теперь на эти страны нападают более крупные армии датчан. Датские историки пишут даже, что Дания обессилела в походах, поглощавших, по их мнению, значительную часть ее молодежи. Однако никаких достоверных данных о действительной численности этих армий нет. Как уже отмечалось, сообщение западных хронистов об «огромных» войсках викингов внушают серьезнейшие подозрения: в средние века сведения о числе воинов в тех или иных кампаниях, как правило, преувеличивались. Вполне вероятно, что успехи, достигнутые викингами, обеспечивались не их количеством, а мобильностью и превосходством во флоте. Содержание большого войска в тогдашних условиях могло вызвать лишь дополнительные трудности, связанные в первую очередь с его снабжением.

В это время разгорелась борьба за обладание островом Жефосс на Сене (севернее Парижа): Карл Лысый упорно отстаивал его от датских и норвежских викингов. В этом эпизоде войны проявилась одна из коренных причин слабости франков — отсутствие единства, раздоры. В то время как король Карл с помощью своего брата, короля Лотаря, боролся против норманнов, на Францию напал их третий брат — Людовик Немецкий, и Карлу пришлось отступить. Королю Франции не оставалось ничего другого, как нанять за огромную сумму одного из вождей викингов, с тем чтобы он изгнал из Жефосса собственных соплеменников. И впоследствии норманнские предводители часто становились наемниками королей Запада, сражаясь против соотечественников, что, впрочем, не мешало им при случае изменять и своим нанимателям. Операции скандинавов распространяются на северо-западную часть континента — Бретань и далее на западное

побережье Франции, вплоть до устья Луары. Здесь орудовали норвежские викинги.

Правители Северной Франции лихорадочно строили укрепления для обороны от усилившихся нападений норманнов. Деревянные и земляные бурги оказались недостаточными и небезопасными, начали возводить каменные башни и стены, укреплять монастыри, строить мосты, с тем чтобы перегородить доступ кораблям викингов в устья рек. Строжайше, под страхом смертной казни, было воспрещено продавать норманнам оружие. Но меры эти не спасали положения. Скандинавы более не довольствуются захватом добычи во время кратких нападений; с середины IX в. они сооружают укрепления в прибрежных районах Франции и Англии и отсюда совершают длительные рейды в глубь страны.

Область по нижнему течению Сены находилась в руках норманнов. «Ни один почти город, ни один монастырь не остались неприкосновенными. Все обращалось в бегство, и редко кто-нибудь говорил: Остановись, окажи сопротивление, защищай свою родину, собственных детей и народ! Не сознавая смысла происходящего и в постоянных раздорах между собой, откупались все деньгами там, где нужно было для защиты применить оружие, и так предавали дело божие». Подобные жалобы часто встречались в хрониках и других сочинениях того времени.

В качестве опорных пунктов для вторжения в Англию викинги первоначально использовали два острова — Тенет, у берегов Кента, и Шеппей близ устья Темзы. Но после поражения, понесенного ими в 851 г., они выбрали другой путь — через Восточную Англию. Здесь-то в 865 г. и высадилось многочисленное датское войско, состоявшее из отрядов независимых предводителей, именовавших себя конунгами. Датские легенды приписывают руководство этим войском сыновьям Рагнара Лодброга — самого знаменитого датского викинга IX в. У вождей датского войска, очевидно не было разработанного плана военных действий, но, в отличие от отрядов норманнов, совершавших кратковременные набеги на Англию в предшествующий период и державшихся побережья, это войско двигалось по стране, подвергая разграблению одну область за другой и вынуждая население платить ему дань. В ходе войны обнаружилась способность викингов соблюдать дисциплину и предпринимать согласованные действия. Сначала норманны оккупировали Восточную Англию и в 866 г. захватили Йорк. Датский историк конца XII в. Саксон Грамматик повествует, что сыновья Рагнара Лодброга якобы отомстили королю Нортумбрии за то, что он погубил их отца, попавшего к нему в плен и брошенного им в яму со змеями. Но это — позднейшая легенда. Так или

иначе, с независимостью Нортумбрии — королевства на Севере Англии — было покончено.

Вскоре пал от руки норманнов и король Восточной Англии — Эдмунд, через несколько десятилетий провозглашенный церковью святым мучеником. В 870 г. датское войско вторглось в Уэссекс. Хотя дальнейшие военные действия шли с переменным успехом и правителям Уэссекса, братьям Этельреду и Альфреду, удалось нанести поражение противникам, значительная часть их владений была захвачена датчанами. В 871 г., когда после смерти короля Этельреда Альфред вступил на престол, положение страны было отчаянное. Большая часть Англии вместе с Лондоном находилась в руках датчан. Пришлось платить захватчикам большие контрибуции. Насколько тяжелым бременем ложились «датские деньги» на плечи населения, видно из того, что даже церковным прелатам приходилось продавать свои владения, чтобы расплатиться. Угроза для всей Англии оставалась огромной.

В 874 г. датское войско распалось на две самостоятельные части. Часть завоевателей стала делить между собой земли Нортумбрии, намереваясь, очевидно, обосноваться в ней навсегда. По словам автора «Англосаксонской хроники», вождь датчан Хальвдан «поделил земли Нортумбрии, и с этого времени его люди пахали и возделывали поля». Нападающие обрушились и с севера на суше, и с юга и востока со стороны моря. Альфреду с его отрядами пришлось укрываться в лесах западной части своих владений. И все-таки англосаксам удалось нанести поражение датчанам в 878 г. при Эдингтоне, в Уилтшире. Их предводитель Гутрум обязался покинуть пределы Уэссекса и принять крещение вместе со своими главными сподвижниками. Язычник Гутрум стал католиком Этельстаном. Но мир сохранялся недолго. Лишь один Уэссекс сохранял свою независимость, другие англосаксонские королевства оставались в руках датчан. Победа англосаксов не избавила Уэссекс от опасности. В том же году в устье Темзы прибыл новый флот с большим войском норманнов. Его так и называли — «великое войско». Часть его вскоре отплыла на континент и высадилась в нижнем течении Шельды.

Осадой Гента началось тринадцатилетнее хозяйничанье норманнов во Фландрии и примыкающих областях Франции, на Рейне и Мозеле. Хронист, рассказывая о бедствиях, обрушившихся на население, восклицает: «Отчаяние охватило франков: казалось, что христианскому народу пришел конец». Правда, в 881 г. сыну Карла Лысого, Карлу Заике, удалось нанести поражение викингам на Сомме. Однако норманны согласились снять осаду Парижа только после уплаты им контрибуции. Местность вокруг Парижа была опустошена. Лишь в 892 г. «великое войско» покинуло берега

континента: но прогнали его не франки, а голод и болезни. Франция получила краткую передышку. Викинги отплыли в Англию.

Тем временем земли восточных районов Англии, так же, как ранее в Нортумбрии, начали заселяться скандинавами. Эти районы впоследствии получили название Денло — области датского права. Завоеватели вводили в этой части Англии порядки, существовавшие у них на родине. Началась колонизация скандинавами и некоторых районов Северной Франции.

Альфред взял на себя руководство всеми англосаксами, не подвластными захватчикам. В 886 г. ему удалось освободить Лондон. Вероятно, к этому времени относится договор, который он заключил с Гутрумом. Была определена граница между владениями Альфреда и областями, подчиненными датчанам. Восточная и большая часть Центральной Англии, а также Эссекс признавались сферой господства датчан; линия размежевания в основном шла по Темзе. Договор определял положение англосаксов, подчиненных Гутруму: простые крестьяне, сидевшие на землях лордов, были приравнены по своему статусу к скандинавским вольноотпущенникам, тогда как англосаксонская знать должна была иметь такие же личные права, как и все датские поселенцы в Англии. В Восточной Англии жило уже значительное количество скандинавов. Это были датские, в меньшей мере норвежские бонды — воины и земледельцы одновременно. Однако англосаксонское население не было изгнано из этих районов. Опорными центрами скандинавов в Денло являлись пять укрепленных районов — Линкольн, Стэмфорд, Лейстер, Ноттингем и Дербй. Весь район расположения этих крепостей так и стал называться «Пять бургов».

Договор с Альфредом был заключен Гутрумом от имени датчан, оккупировавших Восточную Англию. Однако он не касался жителей независимых скандинавских (в большей мере норвежских) поселений на северо-востоке, в Нортумбрии.

Когда же в 892 г. большое датское войско, грабившее до этого времени Францию, переправилось в Англию, по сообщению хронистов, на 250 кораблях, его поддерживали датчане из восточных областей и Нортумбрии. Альфреду пришлось предпринять ряд мер для того, чтобы спасти положение. Ополчения графств, составлявшиеся преимущественно из крестьян, отвыкших от употребления оружия и поглощенных сельским трудом, не хотели сражаться за пределами своего района. Тогда Альфред решился на некоторые преобразования. Созывая половину ополченцев и позволяя остальным заниматься своим хозяйством, он смог дольше использовать войско. Кроме того, Альфред приступил к сооружению целой системы укреплений из дерева и земли. В них размещались гарнизоны.

Заботы об их содержании и пополнении возлагались на местное население, и без того истощенное войнами, датскими поборами и гнетом феодальных землевладельцев. По приказу Альфреда был построен флот. Он состоял из кораблей, которые по размерам превосходили норманнские суда.

В результате всех этих мер новое нашествие викингов было в конце концов отражено, причем англосаксы иногда даже переходили в наступление. Так, в упорных битвах против захватчиков закладывались основы политического объединения Англии под властью уэссекских королей. Однако в Восточной Англии и в Нортумбрии скандинавы засели прочно. Таково было положение к 899 г., когда умер король Альфред.

В то время как датчане грабили и завоевывали Восточную и Северо-Восточную Англию и подвергали опустошениям Северную Францию, норвежские викинги продолжали свои пиратские экспедиции по пути, шедшему от островных баз Северной Атлантики через Ирландию и Ирландское море к западным берегам Франции и далее на юг — к арабской Испании и даже в Средиземное море. Первая их попытка высадиться на побережье Галисии в 844 г. не удалась. Однако норманны подвергли разграблению Лиссабон, Кадис и Севилью. Арабский историк аль-Якуб пишет о нападении на Севилью норманнов, называемых им маджус — неверными, язычниками, огнепоклонниками. «Аль-маджус, которые зовутся ар-рус, ворвались туда, захватывали пленных, грабили, жгли и убивали»^[78]. «Море, казалось, наполнили темные птицы, — пишет другой арабский хронист, — сердца же наполнились страхом и мукою»^[79]. Однако значительная часть флота викингов была уничтожена в результате последовавших вскоре нападений со стороны арабов. Захваченных при этом викингов в большом числе повесили в Севилье на пальмах. Двести отрубленных голов норманнов, в том числе голову их предводителя, арабский эмир Абдаррахман послал своим союзникам в Северную Африку в доказательство того, что Аллах уничтожил свирепых маджус в отместку за их злодеяния. Память о понесенном викингами поражении в течение полутора десятков лет удерживала их от повторной экспедиции в арабские воды.

Но отношения между арабами и норманнами в тот период были не только враждебными. Один из арабских историков рассказывает о посольстве, направленном в середине IX в. из Испании Абдаррахманом II к конунгу Аль-маджус в ответ на датское посольство. Во главе арабской миссии стоял придворный поэт Аль-Газал. Конунг хорошо принял его. Аль-Газал рассказывал, что, когда ему предстояла аудиенция у датского

государя, он поставил условием, что арабы не будут падать перед конунгом ниц, на что было дано согласие. Однако, придя к палатам конунга, Аль-Газал увидел, что вход в них очень низкий, так что поневоле пришлось бы склонять голову. Посол вообразил, что это сделано умышленно для встречи с ним, и, чтобы избежать унижения, уселся на землю ногами вперед и в такой позе, с поднятой кверху головой полз в зал, после чего встал перед конунгом. Обменявшись с ним речами, он передал послание эмира и подарки, которым конунг был очень рад. Наибольшее впечатление на арабского посланца произвела красота жены конунга. По его словам, поэт проводил с ней много времени. Его опасения ревности со стороны конунга были рассеяны самой женой, сообщившей, что женщины у датчан свободны и могут расторгнуть брак по собственному желанию. Вдохновленный красотой датчанки, Аль-Газал посвятил ей любовные стихи. К сожалению, увлечение, пережитое им при датском дворе, помешало Аль-Газалу увидеть в Дании что-нибудь достопримечательное, помимо красивой женщины.

В 859 г. из Бретани на юг вышел новый норвежский флот из 62 кораблей. Красные паруса викингов появились в водах Западного Средиземноморья, у берегов Испании, Балеарских островов, Марокко и в устье Роны и даже поднялись по ее течению на 260 км. В 860 г. норвежцы разграбили Пизу (Северная Италия). Их вождь Хастинг мечтал о захвате Рима, и «Хроника Нормандии» повествует (по-видимому, не без прикрас) о том, как он «осуществил» свое желание.

Остановившись у одного из итальянских приморских городов, поразившего воображение викингов своими размерами и красотой, они без колебаний посчитали его Римом и осадили его, ожидая богатой добычи и славы. Однако город был хорошо укреплен, и жители его отчаянно сопротивлялись. Тогда норвежцы прибегли к хитрости и направили в город послов с известием о внезапной смерти их вождя, перешедшего якобы перед кончиной в христианскую веру. Северные воины просили епископа осажденного города совершить погребальную службу над телом новообращенного Хастинга. С разрешения епископа гроб с телом хавдинга в сопровождении его свиты был внесен в городской собор. Но перед самым погребением мнимый покойник выскочил из гроба и убил епископа. Воспользовавшись всеобщим смятением, викинги подвергли город опустошению, а жителей его — избиению. Но каково было их разочарование, когда они узнали, что их добычей стал не «вечный город», а

заштатный городишко Луна! В гневе, обманутый в своих надеждах, Хастинг велел сжечь город.

Этот рассказ, центральный эпизод которого несколько напоминает историю с троянским конем, возможно, не во всем достоверен, но современные исследователи не сомневаются в том, что за ним скрываются некоторые подлинные факты. Норманны не имели тогда познаний в географии Средиземноморья. В 862 г. норвежская экспедиция с богатой добычей возвратилась в Ирландию. В течение целого века мы не слышим о набегах норманнов в Юго-Западную Европу. Арабский флот отличался высокой боеспособностью, военное могущество арабских правителей было достаточно велико, чтобы держать викингов в отдалении от своих владений.

Примерно к концу IX в. относится обнаруженное археологами погребение викинга на острове Иль де Груа, у южного побережья Бретани. В кургане найдена могила с оружием, остатками ладьи, щитами, утварью, одеждами, шахматными фигурками и игральными костями. Прах покойного был насыпан в железный сосуд. Часть вещей напоминает находки, сделанные в Ирландии, и поэтому вполне возможно, что именно оттуда прибыл этот хавдинг в Бретань.

В конце IX в. началась и колонизация Исландии. На этот пустынный остров, где жили лишь немногочисленные ирландские отшельники, норвежские мореплаватели наталкивались в течение IX в. несколько раз. Норвежец Наддодд назвал остров «Страной снегов», швед Гардар, посетивший его несколько позже, дал ему имя Гардарсхольм. Вскоре, однако, за островом закрепилось нынешнее его название — «страна льдов». Впервые его так назвал норвежец Флоки Вильгердарсон. Но природные условия Исландии не показались суровыми первооткрывателям. Их привлекали удобные для поселения прибрежные долины, богатые травой луга, обилие рыбы в море. Заселение Исландии началось около 874 г. Первым поселенцем был Ингольф Арнарсон. Норвегию ему пришлось покинуть из-за совершенного его братом убийства. Ингольф обосновался на юго-западном берегу острова, вблизи горячих источников — в Рейкьявике.

Колонисты приплывали в Исландию преимущественно из Норвегии. Но немало переселенцев прибыло и из норвежских владений в Ирландии и Шотландии, как скандинавов, так и кельтов или людей смешанного кельтско-норманнского происхождения. Через 60 лет, к 930 г., все удобные земли Исландии были заселены. Всего на острове обосновалось более 400 хозяев. Селились они только вблизи моря, Негостеприимные внутренние горные районы остались пустынными и безлюдными.

Ведущую роль в заселении острова играла знать. Норвежские морские конунги, ярлы, херсиры вместе с многочисленными домохозяевами,

сородичами, друзьями, рабами и вольноотпущенниками на собственных кораблях отплывали в Исландию, где занимали обширные пространства. Согласно «Книге о заселении Исландии», каждый мог занять столько земли, сколько он был в состоянии обойти за один день с горящим факелом в руке, зажигая на границе своего владения костры. Женщине разрешалось присвоить земельное пространство, которое она обошла между восходом и заходом солнца, ведя на поводу корову. К хавдингам приезжали затем другие переселенцы, среди которых они распределяли земли.

Вопрос о причинах массовой эмиграции норвежцев в Исландию (в источниках говорится даже о запустении отдельных районов Норвегии) долгое время был предметом научных споров. В исландских сагах XIII в, повествующих преимущественно о знати и наиболее богатых бондах, указывается, как правило, на вражду между родовитыми людьми Норвегии и ее первым объединителем — конунгом Харальдом Прекрасноволосым. Не желая подчиниться власти Харальда и отказаться тем самым от своих вольностей и независимого положения, часть знати вынуждена была эмигрировать из Норвегии. Такую точку зрения разделяли и историки вплоть до начала XX в. Однако затем выяснились два обстоятельства, внесшие в эти споры существенные поправки. Во-первых, уточнение хронологии истории Норвегии в IX и X вв. привело к выводу, что объединение страны конунгом Харальдом началось позднее, чем колонизация Исландии. В частности, решающая битва между Харальдом и его противниками в Хаврсфьорде (в Юго-Западной Норвегии), после которой действительно многим из родовитых и могущественных людей пришлось спешно бежать из страны, произошла не около 870 г., как считалось ранее, а незадолго до 900 г. Следовательно, не существовало прямой связи между переселениями в Исландию и политическими коллизиями в Норвегии. Во-вторых, установлено, что исландские саги в очень большой мере пронизаны враждебным отношением исландцев XIII в. к норвежским королям, стремившимся покорить Исландию. Вследствие этого авторы саг переносили свой недоброжелательный взгляд на норвежских государей в прошлое. Заселение Исландии оказывалось в изображении саг результатом борьбы свободолюбивых бондов против тирании конунга Харальда. Поэтому полностью доверять сообщениям саг нельзя.

Несомненно, что многие из знатных людей действительно уезжали в Исландию, не желая подчиниться власти норвежского конунга. Но крестьянская колонизация Исландии из Норвегии, а равно и переселения сюда из Ирландии и Шотландии, объясняются более прозаическими причинами: в первую очередь, потребностью бондов в новых землях.

Колонизация носила мирный характер: завоевывать остров не приходилось, ирландские монахи покинули его уже в начале переселений, не желая жить с язычниками; земли поначалу было достаточно. Складывавшееся в процессе колонизации исландское общество состояло из сравнительно обособленных друг от друга небольших мирков — соседств, во главе которых стояли влиятельные и родовитые первопоселенцы. Как и на родине, в Норвегии, они контролировали здесь общественную жизнь, культ и право в своей местности. Основными занятиями исландцев были скотоводство, рыбная ловля, охота на морского зверя, в меньшей мере — земледелие. Но многие исландские бонды, и в особенности знатные хавдинги, принимали участие в походах.

В 930 г., когда в основном завершилось заселение Исландии, было учреждено общее для всего населения острова собрание — альтинг — и приняты первые законы (по норвежскому образцу). Письменности у скандинавов еще не было, и закон приходилось хранить в памяти и излагать его содержание на альтинге. С этой целью жители учредили выборную должность законоговорителя. Альтинг сделался не только судебным и законодательным центром Исландии, но и местом общения разбросано живших островитян, центром их культурной жизни. Остров был поделен в судебном отношении на «четверти» — области, в каждую из которых в свою очередь входили по три тинговых округа. Управление в округах сосредоточивалось в руках наиболее влиятельных и богатых хавдингов, именовавшихся годи. Годи был жрецом и руководителем местного тинга.

Таким образом, в Исландии эпохи викингов не сложилось государственной власти. Процессы классообразования, начавшиеся в то время в скандинавских странах, шли в Исландии особенно медленно. Основную массу населения составляли свободные бонды, имевшие рабов и вольноотпущенников, Исландская знать не превратилась в господствующий класс. Ее общественное влияние уходило своими корнями в общинно-родовые традиции. В специфических островных условиях, при незначительной роли земледелия, в Исландии надолго сохранялись архаические доклассовые порядки.

В 80-е годы X в. норвежцами и исландцами была открыта Гренландия. Первооткрыватель ее, Эйрик Рыжий, покинул Исландию по той же причине, по какой его отец в свое время бежал из Норвегии: он совершил Убийство и был поставлен вне закона. Тогда он решил отправиться в плавание на запад, где, как рассказывали, лежала неведомая земля. Так и была открыта Гренландия. Эйрику понравились плодородные долины, поросшие прекрасной травой, обилие рыбы, моржей и тюленей в море. Возвратившись в Исландию после плавания на расстояние в общей сложности в 4,5 тыс. км,

он, чтобы привлечь новых колонистов, дал название новооткрытому острову «Зеленая земля». Нехватка земель, чувствовавшаяся уже в то время в Исландии, толкнула часть ее жителей к переселению в Гренландию, природные условия которой были близки к исландским. Постепенно сложились Восточное и Западное поселения. В этих местностях археологами обнаружены остатки примерно трехсот дворов первопоселенцев (скандинавские поселения в Гренландии запустели в XIV в.)^[80].

Скандинавские мореплаватели, продвинувшись так далеко на запад, приблизились к неведомой им Америке. Их плаваниям на запад благоприятствовали попутные течения. Естественно, что в конце X в. они открыли и Америку.

Вкратце история этого открытия, излагаемая в исландских сагах, такова. Около 986 г. Бьярни Херьюльфссон во время плавания из Исландии в Гренландию сбился с курса. Заплыв далеко на запад, он видел земли, хотя и не пристал к ним. Соотечественники осуждали его впоследствии за отсутствие предприимчивости и любознательности. Через несколько лет сын гренландского первопоселенца Эйрика Рыжего, Лейф, на том же корабле, на котором плывал Бьярни, отплыл на поиски этих земель. После долгого плавания он обнаружил землю, которую наименовал Хеллюланд — «Страна плоских камней». Затем Лейф открыл поросшую лесом землю, соответственно названную им Маркланд («Лесная земля»). Еще после двух дней плавания он достиг земли, которую назвал Винландом. В позднейших сагах говорится, что название было дано потому, что путешественники нашли здесь дикий виноград. Мнение некоторых ученых, что Винландом землю называли из-за ее лугов (луг по-древнеисландски — *vin*), несостоятельно. У Лейфа и его спутников сложилось убеждение, что страна эта хороша для поселений и плодородна. В местности, названной ими Лейфсбуди, они построили большой дом и остановились на зимовку. Так гласит «Сага о гренландцах»; согласно «Саге об Эйрике Рыжем», Лейф открыл лишь Винланд. Следующей весной экспедиция вернулась в Гренландию.

После этого плавания Лейфа прозвали «Счастливым». Сага рассказывает далее, что брат Лейфа Торвальд также возглавлял экспедицию, плававшую на запад, и погиб в стычке с туземцами — скрелингами. Следующую поездку, уже на трех кораблях, в Добрый Винланд совершил купец и мореплаватель Торфинн Карлсефни. Видимо, в его планы входила колонизация новых земель: в числе его спутников были женщины, захватил он с собой и домашних животных. «Сага об Эйрике Рыжем» приписывает Торфинну открытие Хеллюланда и Маркланда. В Винланде, которого достиг

Торфинн, у него родился сын по имени Снорри, первый исландец, родившийся в Новом Свете. Спутники Торфинна встретились с туземцами. По описанию исландцев, то были уродливые, широкоскулые и смуглые люди, с некрасивыми прическами и большими глазами. С ними удалось вступить в мирные сношения; на красивые одежды и молоко (неизвестное до того туземцам) пришельцы выменивали меха и шкуры. Однако, как повествует сага, рев быка, принадлежавшего Карлсефни, напугал скрелингов, и они бежали прочь на своих кожаных лодках — каноэ. Вскоре между гренландцами и скрелингами произошла стычка, с обеих сторон были жертвы. Помимо луков со стрелами туземцы были вооружены пращами и каменными топорами. Железного оружия они не имели.

Исландцам понравились вновь открытые земли, их климат и плодородие. Но от мысли прочно осесть здесь им пришлось отказаться. Очевидно, помимо угрозы нападения скрелингов на их решение вернуться домой повлияло и то, что колонисты не смогли жить дружно и передрались из-за женщин. Возвращаясь в Гренландию, они захватили с собою двух молодых скрелингов, которых обучили исландскому языку и крестили. Те якобы рассказывали (гласит «Сага об Эйрике Рыжем»), что скрелинги живут не в домах, а в ямах и пещерах, а правят ими конунги. Против их земли расположена другая страна, населенная людьми, которые носят белые одежды, украшенные лентами. Далее «Сага о гренландцах» повествует о дочери Эйрика Рыжего Фрейдис, на двух кораблях плававшей в Винланд в сопровождении исландцев Хельги и Финнбоги. Зимовала она в доме, сооруженном еще Лейфом, а Финнбоги и Хельги построили свое жилище. Раздоры между участниками экспедиции закончились тем, что Фрейдис собственными руками умертвила Финнбоги и Хельги, а также всех женщин, их сопровождавших, после чего возвратилась в Гренландию.

Многие исследователи ныне не разделяют ранее существовавших в науке сомнений в достоверности этих саг. Гренландцы и исландцы на рубеже X и XI вв., по-видимому, достигли берегов Северной Америки. В Западной Гренландии был найден индейский наконечник от стрелы. Трудности представляет локализация открытых территорий. Издавна шли споры о том, где именно в Америке побывали скандинавы. Обычно называют Баффинову землю (Хеллюланд), Лабрадор (Маркланд) и Ньюфаундленд (Винланд). Однако некоторые ученые высказывали мысль о том, что высадка гренландцев совершалась гораздо южнее — в районе нынешнего Бостона. Судя по имеющимся данным, скандинавы не создали в Новом Свете постоянных поселений, возможно, потому, что встретили там сопротивление туземцев. Кроме того, новооткрытые земли были отделены от их родины слишком большими расстояниями.

Последние исследования норвежских археологов на острове Ньюфаундленд, по-видимому, подтверждают истинность сообщений саг. В северной части острова найдены остатки построек того типа, который характерен для скандинавских домов эпохи викингов. Один из домов был особенно крупным и имел зал в пять других помещений. Обнаружены также следы кузницы. Раскопавший поселок Ингстад полагает, что он был основан Лейфом Счастливым^[81]. Если это так, он еще раз оправдал прозвище! Ведь в таком случае Лейфу посчастливилось опередить Колумба на полтысячелетия^[82]!

Конунги. Королевства

Во всех скандинавских странах в IX–X вв. происходило разложение доклассовых родовых порядков, складывались предпосылки феодального строя. Экспансия норманнов — отчасти порождение социально-экономического развития Скандинавии; с другой стороны, в большой мере она оказала свое воздействие на генезис классового общества на севере Европы. Но в политической истории отдельных стран Севера в тот период существовали большие различия.

Как мы уже знаем, при Харальде Прекрасноволосом началось объединение до того обособленных областей, фюльков (fylki, буквально «племя» «народ»). Завоевывая одну область за другой и добиваясь либо подчинения, либо изгнания местной знати, Харальд создавал свое королевство. Наибольшим влиянием он пользовался в Западной Норвегии, где находились его личные владения. Королевство Харальда сохраняло немало черт племенного союза, но со временем, при преемниках его, стало превращаться в государственное образование. Те родовитые люди, которые изъявили покорность Харальду, сделались его наместниками, других конунг заменил верными себе людьми. Викингов он обуздывал и, по свидетельству саг, даже совершил экспедицию против островных баз викингов в Северной Атлантике. Единство Норвегии в первой половине X в. в немалой мере еще было эфемерным: враждовали между собой сыновья Харальда, правившие в отдельных областях, обособленность которых не могла быть легко преодолена. Непосредственной опорой конунга оставалась еще дружи на, включавшая в себя его приверженцев.

После смерти Харальда Прекрасноволосого (около 940 г.) правление Норвегией перешло к его сыну, Эйрику Кровавой Секире, получившему свое прозвище за убийство нескольких братьев. Но это был более викинг, чем государь, и внутри Норвегии он держал себя приблизительно так же, как и во время набегов на другие страны. В жены себе он взял Гуннхильду, дочь датского конунга Горма Старого. Исландский скальд Эгиль Скаллагримссон, смертельный враг Эйрика, называет его губителем народа, нарушителем законов и братоубийцей, а его супругу винит в том, что она подстрекала Эйрика на злодеяния. Насколько справедливы эти обвинения, судить трудно. Но через несколько лет Эйрик был изгнан из своего королевства. Его место занял младший сын Харальда Прекрасноволосого — Хакон, воспитанный при дворе английского короля Этельстана.

В противоположность Эйрику, Хакон заслужил в народе прозвище Доброго за то, что отказался от взимания поборов, введенных Харальдом. При нем были учреждены новые судебные собрания в областях, предусмотрено содержание судебныхников. Хакон придал более организованную форму ополчению, которое было призвано оборонять побережье Норвегии; от каждого приморского фюлька должно было выставляться определенное число боевых кораблей с командой из местных жителей. Попытки Хакона распространить в Норвегии христианство натолкнулись на сопротивление бондов Трандхейма (Северо-Западная Норвегия), упорно державшихся старых богов и обрядов и вынудивших конунга принимать в них участие. Хакону даже приходилось скрывать от подданных то, что в Англии он перешел в новую веру.

Хакон погиб в борьбе против сыновей Эйрика Кровавой Секиры, и один из них — Харальд Серый Плащ — стал конунгом Норвегии. В сагах сохранилась недобрая память о сыновьях Эйрика. Вину за неурожай и голод, свирепствовавшие в Норвегии в то время, авторы саг возлагали на этих непопулярных в народе правителей. Это объясняется, очевидно, тем, что, проводя политику укрепления своей власти, они не останавливались перед жестокостью и не щадили знатных людей.

Дания между тем переживала время политического упадка. В 90-е годы IX в. датчане потерпели сильные поражения в Бретани и во Фландрии и оказались не в состоянии успешно сопротивляться нападению шведов. Шведский конунг Олаф захватил южную часть Ютландии, он и его преемники на несколько десятилетий утвердились в Хедебю и прилегающих областях. Возможно, что шведские викинги при этом стремились к захвату важных торговых путей, связывавших Хедебю с Биркой и Балтику с Северным морем. Владычество шведов в Южной Дании длилось до середины 30-х годов X в. В 934 г. германский король Генрих Птицелов нанес поражение шведскому предводителю Гнупе и вынудил его принять крещение. Вскоре после этого шведы потеряли Хедебю.

Внутренние неурядицы в Дании и Норвегии развертывались на фоне непрекращавшейся активности викингов в других странах. К концу IX в. нападения норманнов на Северную Францию приобрели особенно опасный характер. В 885 г. в районе Сены появилось большое войско. Сопровождавший его флот насчитывал, по оценке современников, до 700 одних лишь крупных кораблей. Под Парижем собралось якобы 30–40 тыс. норманнов, часть которых пришла сюда вместе со своими семьями. Целью этого нашествия, масштабы которого крайне преувеличены, был, очевидно, захват земель для расселения. Защитники Парижа упорно сопротивлялись. Во главе его гарнизона стоял граф Одо. Норманны применили осадные

машины, но не смогли прорваться в город ни с суши, ни по Сене. Лишь на следующий год французский король Карл Толстый подступил с войском к Парижу, чтобы оказать помощь осажденным. Норманны взяли выкуп, но вместе с тем получили возможность двинуться дальше вверх по Сене. Одним из последствий этого события явилось низложение в 887 г. обнаружившего свою неспособность Карла Толстого и избрание на французский престол Одо, храброго защитника Парижа.

На рубеже IX и X вв. войско норманнов, действовавшее в Северной Франции, распалось. Одному из их отрядов удалось обосноваться на полуострове Котантен. Его предводитель Роллон, по французским источникам датчанин, по исландским сагам — норвежец (по имени Рольф), получил в 911 г. эту часть Франции в лен от французского короля Карла Простоватого. С этого времени Роллон формально стал считаться его вассалом-герцогом, обязанным верностью королю, и должен был защищать страну от нападений викингов. Фактически же новообразованное герцогство было совершенно независимо от слабых западно-франкских государей, как и от датских конунгов. Роллон действительно оборонял Северную Францию от набегов своих соплеменников, но делал это, исходя исключительно из собственных интересов, и, когда это ему казалось нужным, нарушал вассальную присягу.

Скандинавы сразу же приступили к заселению полуострова. Воины получали земельные владения по обоим берегам Сены, вплоть до Пикардии на востоке и Бретани на западе. Судя по географическим названиям с типичными скандинавскими корнями и окончаниями, здесь расселилось значительное количество датчан и норвежцев. Не случайно это герцогство стало называться Нормандией. Со временем пришельцы с Севера смешались с местным населением. На их общественные порядки оказали большое влияние феодальные отношения, уже сложившиеся в основном в Северной Франции к моменту создания герцогства. В конце XI в. историк Адемар говорил, что все норманны позабыли свой родной язык и говорили только на романском (т. е. на старофранцузском). Разрыв новых жителей Северной Франции с традициями викингов ознаменовался, в частности, тем, что уже в 912 г. Роллон и его сподвижники приняли крещение. Но политические порядки, сложившиеся в Нормандии, оказались весьма устойчивыми. В X и XI вв., когда французское государство раздиралось усобицами и короли были бессильны их обуздать и даже подчас с трудом удерживали престол, герцоги Нормандии твердо правили своими подданными.

Как уже говорилось, положение норвежцев Ирландии после того, как в 901 г. они потеряли Дублин, сильно пошатнулось. Кроме того: к началу X в.

довольно далеко зашел процесс смешения осевших на острове скандинавов с ирландцами^[83]. Ирландский анналист пишет об этом времени: «В каждом округе был норвежский конунг, в каждом клане — хавдинг, в каждой церкви — аббат, в каждой деревне — судья, в каждом доме — воин». Норвежцы приняли христианство, а один из их правителей того времени даже постригся в монахи. Но освободительная борьба ирландцев против норвежских конунгов продолжалась. В 980 г. норвежцы потерпели новое сильное поражение. Ирландский вождь Бору Бриан объединил вокруг себя всю южную часть страны. 23 апреля 1014 г. при Клонтарфе (севернее Дублина) произошла решающая битва. Несмотря на гибель Бору Бриана, ирландцы разбили норвежцев. Однако в среде победителей тут же начались раздоры, и объединения Ирландии не произошло. Скандинавы не были изгнаны с острова. Напротив, сюда приплывали новые корабли с переселенцами. Между Ирландией и странами Севера по-прежнему процветала торговля.

В Англии нажим скандинавских завоевателей на местное население, столь сильный в предшествующие десятилетия, на рубеже IX и X вв. также ослабел. Как и в Ирландии, завоеватели, не расставаясь с оружием, постепенно переходили к мирной жизни. И здесь началась христианизация, связанная с отказом от привычного для скандинавов мира представлений и норм поведения, с утратой духовного контакта с остававшейся еще языческой родиной. Но, в отличие от герцогства Нормандии в Восточной Англии не сложилось единого государственного образования скандинавов: области «датского права» распадалась на отдельные самоуправляющиеся районы, во главе которых стояли самостоятельные предводители, именовавшиеся ярлами или конунгами. Они могли объединяться для проведения совместной военной кампании против англосаксов, но политически скандинавские поселения в Англии оставались разрозненными. Поскольку же в войне против датского нашествия неизбежно происходило сплочение англосаксов, то соотношение сил в борьбе, столь неблагоприятное для местного населения в IX в. стало изменяться в пользу правителей Уэссекса.

Мы уже знаем, что важные сдвиги в этом направлении наметились при короле Альфреде. Полностью результаты начатых им военных преобразований сказались в начале X в., когда часть датских колоний в Восточной Англии признала власть уэссекского короля. Немалое число скандинавских вождей поступило к нему на службу. Многочисленные крепости, построенные в отвоеванных у датчан графствах, с размещенными в них гарнизонами и связанные с местными ополчениями, предохраняли эти районы от новых неожиданных захватов. Сохранившиеся от этого времени

документы, которые скрепляли сделки о купле-продаже земли, заключенные между датчанами и англосаксами, — свидетельство мирных отношений между обоими народами.

Уэссекским королям удалось нанести в 910 г. сильное поражение датчанам, захватившим Нортумбрию. Тем самым, казалось бы, они обезопасили себя и со стороны северо-востока. Однако ослабленные этим разгромом датские вожди в Нортумбрии оказались не в состоянии противиться новым нападениям извне, и в 919 г. явившиеся из Ирландии норвежцы основали новое королевство с центром в Йорке. Это событие заставило всех других, остававшихся до того независимыми правителей искать защиты и поддержки у короля Уэссекса Эдуарда. Его преемник, Этельстан, захватил и Йорк, распространив тем самым свою власть на всю Англию. Вторжение норвежских правителей Ирландии в Англию было отбито (937 г.). Согласно поэме, посвященной этой битве («Битва при Брунанбурге»), среди погибших норвежских викингов было пять конунгов, а верховный их вождь Олаф с трудом спасся, бежав в Ирландию. В последующие годы (после смерти Этельстана) норвежцам временно удалось вернуть себе Йорк и другие территории на севере Англии, но к середине 40-х годов они были вновь изгнаны. Воюя с норвежскими викингами из Ирландии, Этельстан в то же время установил дружественные связи с конунгом Норвегии Харальдом Прекрасноволосым. Борьба с разбоем викингов объединяла интересы правителей Англии и Норвегии. Харальд Норвежский прислал Этельстану в подарок богато украшенный корабль под пурпурным парусом. Более того, при дворе Этельстана, как мы знаем, воспитывался сын конунга Харальда — Хакон (будущий норвежский конунг Хакон Добрый). Отношения между английскими и норвежскими государями изменились, однако, после смерти Харальда Прекрасноволосого. Когда его сын, Эйрик Кровавая Секира, был изгнан из Норвегии сторонниками Хакона — воспитанника Этельстана, он объявился в Нортумбрии. Местные скандинавские поселенцы увидели в нем вождя, способного восстановить их независимость от королей Англии. Провозглашение Эйрика конунгом Йорка привело к войне с королем Англии и викингами Ирландии. В результате Эйрик был изгнан, но затем вновь возвратился в Нортумбрию.

О его правлении осталось мало достоверных сведений. Но сохранилась хвалебная песнь, сочиненная в его честь Эгилем Скаллагримссоном. Корабль Эгиля, давнего кровного врага Эйрика, был выброшен бурей на побережье Нортумбрии, и Эгиль оказался в руках ненавистного и ненавидевшего его конунга. Чтобы спасти свою жизнь, Эгилю пришлось сочинить песнь,

воспевавшую Эйрика. Такие песни-панегирики ценились высоко, и в них видели не только средство увеличения славы и популярности конунга, но и средство укрепления и расширения счастья и удачи его самого и его рода. Песнь Эгиля, посвященная Эйрику («Выкуп головы»), интересна как доказательство живучести старой традиционной скандинавской культуры при Йоркском дворе. Однако в это время и здесь начало прививаться христианство: на чеканившихся при Эйрике в Йорке монетах есть изображения креста.

Согласно «Англосаксонской хронике», в 954 г. жители Нортумбрии окончательно изгнали Эйрика и признали верховенство английского короля. Объединение Англии было завершено. Для страны наступил период относительного спокойствия, длившийся четверть века.

То было время, когда в самой Дании происходили процессы ломки старых отношений и внутренней консолидации. Симптомом этих перемен, явилось возвышение новой династии и ее политика. Первый из известных нам конунгов этой династии был Горм Старый. Его резиденцией считался Еллинг, расположенный в средней части Ютландского полуострова. Правление Горма, о котором известно очень мало, относится к 40-м годам X в. Как он, так и его сын и наследник, Харальд Синезубый (это прозвище засвидетельствовано впервые памятниками XII в.), были язычниками. Но господство германских феодалов в Южной Дании сопровождалось распространением христианства среди ее жителей. Проводниками его были архиепископ гамбургский и его миссионеры. Под давлением германского короля Оттона I конунг Харальд перешел в католицизм (около 960 г.). Согласно легенде, миссионер Поппо, для того, чтобы убедить конунга Харальда в превосходстве Христа над языческими божествами, подвергся испытанию огнем.

Харальд Синезубый предпринял поход против Норвегии с целью ее подчинения. Но сперва он потерпел неудачу; преследовавшие датчан норвежцы напали на Данию, грабили Ютландию, Сконе и острова. Тем не менее впоследствии, воспользовавшись непопулярностью в Норвегии сыновей Эйрика Кровавой Секиры, Харальд Синезубый достиг своей цели: около 970 г. он был уже конунгом как Дании, так и Норвегии. Вскоре после новых поражений, понесенных норвежцами, Норвегия оказалась разделенной на части. В этой-то обстановке роста могущества Датского королевства и был воздвигнут в Еллинге памятный камень, увековечивавший память о конунге Горме и его жене Тире и величие самого Харальда. На камне, украшенном пышными изображениями Христа и льва,

обвиваемого змеем, конунг Харальд приказал высечь надпись рунами о том, что он «подчинил себе всю Данию и Норвегию и окрестил датчан». По выражению датского историка, это метрическое свидетельство о крещении датчан, запечатленное в камне. В какой мере христианство в действительности было распространено в тот период в Дании, неизвестно.

Комплекс памятников в Еллинге, связанных с этими событиями, представляет большой интерес для науки. Два кургана, расположенных соответственно южнее и севернее церкви в Еллинге, — самые крупные и импозантные из всех датских курганов. В пространстве между ними, неподалеку от церкви, и находятся два камня с руническими надписями, свидетельствующими, что они сооружены конунгами Гормом и Харальдом. Этот знаменитый комплекс древних памятников в течение трех столетий привлекает внимание исследователей. Датский историк XII в. Свен Агтесен утверждал, что в одном из курганов была погребена жена конунга Горма, Тира, в другом же — сам Горм. Каждый из курганов возвышается на 7–8 м и имеет в диаметре 50–70 м. Раскопки 1820 г. обнаружили в северном кургане деревянную погребальную камеру, длиной около 7 м, при ширине более 2,5 м и высоте 1,5 м, обнесенную каменной кладкой. Погребение было разграблено, поэтому вещей в нем найдено немного, лишь остатки ткани, обломки изделий из бронзы, серебра, железа и дерева. Исследователи не нашли и останков покойника. В 1861 г. был раскопан южный курган, но в нем ничего не оказалось.

Исследователям было неясно: стоят ли камни с руническими надписями там, где и были водружены, или они первоначально находились на другом месте. Надпись на первом гласит: «Конунг Горм велел поставить этот памятник по своей жене Тире, красе Дании». По мнению некоторых специалистов, последние два слова относятся не к Тире, а к самому Горму. На втором камне высечены руны: «Конунг Харальд велел поставить этот памятник после своего отца Горма и своей матери Тиры (Харальд), который подчинил себе всю Данию и Норвегию и окрестил датчан». На одной стороне камня Харальда, там, где находится основная часть надписи, виден орнамент; на другой стороне этот орнамент сплетается в стилизованную фантастическую фигуру льна, обвитую змеей (здесь слова — «и Норвегию»), а на третьей стороне изображен Христос с руками, распростертыми как на

распятии, также окруженный орнаментом с надписью «и окрестил датчан». Это древнейшее изображение Христа в скандинавских странах, известное науке. Рисунки отражают влияние ирландской и английской художественных школ, так что высказывалось мнение о принадлежности мастера, украшавшего камень, к англосаксам. Надпись Горма относят ко времени около 935 г., когда он отнял у шведов южную Данию, а надпись Харальда — к 983 г. и связывают ее с захватом им Датского вала. Слово «памятник» (kuml), упоминаемое в обеих надписях, очевидно, относится не только к камню, но и к насыпи. Было отмечено, что большой камень расположен точно посередине линии, проходящей между центрами обеих насыпей; в таком случае этот камень был поставлен тогда, когда курганы уже существовали. Но загадочным оставалось то обстоятельство, что южный курган был пуст.

Раскопки, возобновленные в 1941 г., дали разгадку тайны монументов Еллинга. Основательное исследование южного кургана окончательно подтвердило, что в нем никогда не было и не предполагалось погребения. Зато в нем обнаружили остатки сооружения, имевшего чисто символическое значение: то было древнее языческое святилище, окруженное большим количеством камней, выстроенных в форме острого угла со сторонами длиной почти в полкилометра! Здесь же нашли остатки деревянной сторожевой вышки. Этот курган был воздвигнут, следовательно, на месте святилища конунгом Харальдом, перешедшим в христианство.

Раскопки северной насыпи установили, что погребение в ней находилось на месте более древнего кургана бронзового века.

Интереснейший результат дали раскопки под фундаментом каменной церкви, расположенной между обоими курганами и построенной во второй половине XI в.: археологи нашли здесь остатки деревянного сооружения, — очевидно, то была христианская церковь, которую Харальд воздвиг после своего крещения на месте языческого капища Горма.

Наконец, под большим из камней с руническими надписями была найдена массивная каменная кладка (без каких-либо следов могилы), это подтвердило мнение, что камень стоит на своем первоначальном месте.

Высказывалось предположение, что в северном кургане были погребены и Тира, и Горм. Отсутствие их останков объясняли тем, что их перенесли впоследствии в другое место, скорее всего к

церкви в Роскилле (недалеко от Копенгагена), где Харальд заложил свою резиденцию, основал епископство и где он сам был похоронен около 986 г.

Итак, северный курган сооружался при Горме, куда и были помещены его останки рядом с останками ранее умершей Тиры. Он также воздвигнул и большое святилище из построенных углом камней с храмом в центре его. Харальд же, перейдя в христианскую веру, уничтожил это святилище и велел соорудить деревянную церковь. Однако он закончил возведение погребального кургана Тиры и Горма. Но почему Харальд воздвиг новый (пустой) курган, прибегнув таким образом к форме языческого монумента, остается загадкой. Судя по всему, этот конунг-христианизатор не порвал еще окончательно со старой религией^[84].

Сооружение подобных курганов, потребовавшее огромных усилий больших масс людей в течение длительного времени, — само по себе свидетельство могущества государей, при которых они были созданы.

Но могуществу и всевластию Харальда Синезубого вскоре пришел конец. Против него восстала Норвегия. Кроме того, обострились отношения его с собственным сыном, Свейном Вилобородым. Дело дошло до вооруженной борьбы, и раненому Харальду пришлось бежать за пределы Дании, по преданию, в основанную якобы им крепость викингов Йомсборг. Свейн Вилобородый, незадолго до того освободивший Хедебю от немцев, стал править Данией. Эти события произошли в середине 80-х годов X в.

В отличие от отца, Свейн был язычником. Видимо, крещение датчан при Харальде, возведенное надписью на камне в Еллинге, далеко не было всеобщим и окончательным. Тем не менее Свейн терпимо относился к католическому духовенству, рассчитывая на его поддержку. Попытка Свейна восстановить датское господство над Норвегией оказалась безуспешной: в морской битве у норвежских берегов датский конунг и его союзники — викинги из Йомсборга — потерпели полный разгром. Неудачной для Дании оказалась и война против Швеции. Воинственные устремления Свейна обратились вновь к Англии.

Английское государство в то время было ослаблено борьбой за престол и непопулярным правлением Этельреда II, заслужившего прозвище Неспособного. Более того, укрепившиеся в своих владениях крупные феодалы не оказывали королю должной поддержки, а скандинавское население восточных и северо-восточных областей Англии вовсе не желало повиноваться англосаксонскому королю и лишь ждало удобного случая,

чтобы от него отделиться. Атаки викингов на Англию возобновились еще до вступления на датский престол Свейна Вилобородого. Существует мнение, что среди них были люди, не желавшие принять христианство, которое вводил в Дании Харальд Синезубый, и подчиниться его господству. Эти набеги совершались относительно небольшими разобщенными отрядами.

Иным оказалось войско, высадившееся на юго-восточном побережье Англии осенью 991 г. То была большая и организованная конная армия. В битве при Мэлдоне, севернее Лондона, норманны наголову разгромили англосаксонское войско. К концу года английскому королю пришлось заключить договор с вождями викингов: им было обещано содержание в обмен на обязательство соблюдать мир и защищать Англию от новых нападений. Крупнейшим из вождей победителей был знаменитый норвежский викинг Олаф Трюггвасон, потомок конунга Харальда Прекрасноволосого, ставший через четыре года конунгом Норвегии. При заключении договора скандинавы получили огромную сумму — 22 тыс. фунтов золота и серебра. Так началось систематическое выкачивание из Англии колоссальных контрибуций. Уплата «датских денег» тяжелейшим бременем ложилась на плечи ограбленного народа. Договор особенно не связывал вождей викингов. Вскоре Олаф Трюггвасон уже фигурировал в качестве открытого противника короля Этельреда. Вместе с ним в нападении на Англию, возобновившемся в 994 г., принял участие и Свейн Вилобородый. У норвежцев и датчан было 94 боевых корабля, на борту которых находилось войско, превосходившее по численности все скандинавские силы, появившиеся в Англии за минувшие полвека. От полной катастрофы страну спасли разногласия между датчанами и норвежцами и героическая оборона Лондона. Этельреду II удалось откупиться от нашествия 16 тыс. фунтов, Свейн и Олаф Трюггвасон отправились по домам. Олаф, принявший крещение в Англии, покинул ее навсегда, чтобы вскоре завоевать престол Норвегии.

Стремясь упрочить свою власть над Норвегией, Олаф последовательно проводил политику христианизации. К концу X в. вера в старых богов у скандинавов была расшатана. Симптоматично, что к этому времени в приморских районах Норвегии прекращается практика погребений, совершавшихся по языческим обрядам. Здесь, как и в Исландии, было уже немало людей, принявших нового бога или склонявшихся к тому, чтобы обратиться к нему. Неудивительно поэтому, что Олафу Трюггвасону удалось достичь некоторых успехов в своей миссионерской деятельности. Военская его удача служила в глазах скандинавов наиболее убедительным доказательством превосходства Христа, под покровительство которого он перешел. Под влиянием Олафа в 1000 г. исландский альтинг постановил, что

все жители острова должны креститься. Однако оппозиция политике Олафа Трюггвасона в Норвегии оставалась сильной, поэтому в войне против датского и шведского конунгов его не поддерживали многие норвежские хавдинги. В 1000 г. Олаф погиб в морской битве. Норвегия опять оказалась под верховенством датского государя.

Между тем Свейн Вилобородый не оставлял своего плана покорения Англии. Новое нашествие викингов в эту страну началось еще в 997 г. Датское войско опять в течение нескольких лет опустошало обширные территории на юге, западе и юго-востоке Англии. В 1000 г. викинги отплыли в Нормандию, чтобы в следующем году возобновить свои нападения. В 1002 г. они получили выкуп размером в 24 тыс. фунтов серебра. Но в конце того же года Этельред II совершил нелепый и гибельный для своей страны поступок: он приказал убить всех датчан, находившихся в его королевстве. Уничтожение датчан не было повсеместным; не везде в Англии подчинялись воле непопулярного короля. Тем не менее убийства совершились во многих местах, среди жертв были заложники, оставленные Свейном при заключении мира, в том числе его сестра. Месть не замедлила. В 1003 г. войско Свейна обрушилось на Англию и свирепствовало в ней до 1005 г. В 1006 г. последовало новое нашествие. В следующем году ценой уплаты «датских денег» в размере 36 тыс. фунтов Англия избавилась от викингов, но лишь на два года.

Правительство Англии воспользовалось этим перерывом для создания военного флота, состоявшего из больших шестидесятивесельных кораблей. Однако вследствие измены часть флота погибла еще до вторжения в страну (1009 г.) новой большой датской армии. В ее состав входили и викинги из Йомсборга. Особенно ожесточенный характер военные действия приняли в следующем году. Англосаксонский хронист пишет о 15 графствах, частью или полностью разграбленных скандинавами. В 1012 г., получив 48 тыс. фунтов «датских денег», они покинули Англию. Во время этого нашествия в их руки попал архиепископ кентерберийский. Он был подвергнут жестокой казни за то, что отказался уплатить за себя выкуп.

Перед лицом победоносного врага Англия оказалась бессильной. Непрерывные взимания «датских денег» обездолили массы людей. Многие города были разграблены, монастыри опустошены. Магнаты, на которых лежала ответственность за оборону, враждовали между собой, измена стала заурядным явлением. В то время, когда над всей страной нависла катастрофа, крупные лорды усиливали эксплуатацию крестьян, лишали имущества и свободы слабейших. Народ, лишенный руководителей, на которых можно было бы рассчитывать, роптал. Проповедники и церковные писатели объясняли испытываемые англичанами бедствия гневом божьим,

который они навлекли своими грехами и беззакониями, и призывали к покаянию. Вера в возможность избавления от датчан иссякла.

В 1013 г. Свейн вторгся в Англию. На этот раз он хорошо понимал, что сопротивление англосаксов не может помешать ему подчинить себе всю страну. Высадившись в Южной Англии, Свейн направил затем свои силы в датские области на северо-востоке. Здесь он встретил полную поддержку со стороны местных соплеменников, принявших его в качестве короля. Утвердившись в Денло, он захватил затем Оксфорд и Уинчестер. Отсюда Свейн направился на Лондон, но потерпел неудачу. Тогда он пошел на Уэссекс. Согласно «Англосаксонской хронике», «весь народ признал его королем». Феодалы переходили на его сторону, король Этельред бежал в Нормандию. Однако в начале 1014 г. Свейн Вилобородый умер, и конунгом Дании стал его старший сын Харальд. Этельред воспользовался внезапной смертью своего врага, чтобы возвратиться в Англию. Он обещал подданным править более справедливо и простить их измену. Тем не менее положение Этельреда II оставалось непрочным. Против него поднял мятеж его сын, нашедший поддержку в Денло.

Воспользовавшись этими раздорами, шестнадцатилетний сын Свейна, Кнуд, в 1015 г. возобновил против англичан военные действия. В разгар военных баталий, проходивших при явном превосходстве датчан, Этельред II умер (1016 г.). Почти немедленно английское высшее духовенство и светские магнаты присягнули на верность Кнуду. Сын Этельреда, Эдмунд I Железнобокий, с остававшимися верными ему силами стойко сопротивлялся датскому завоевателю, но был в конце концов разбит. Тем не менее Кнуду пришлось заключить с ним мирный договор, предусматривавший раздел Англии. Однако в том же году Эдмунд умер, и Кнуд стал королем всей Англии.

Чтобы держать страну в повиновении, Кнуд разделил ее на четыре большие области. Управление над ними он передал своим приближенным. С населения вновь были взысканы «датские деньги» (более 80 тыс. фунтов). «Датские деньги», взымавшиеся со времен Этельреда II как контрибуция в пользу датских викингов, теперь превратились в ежегодный военный налог, шедший на содержание датской армии и флота и сохранявшийся в Англии вплоть до 1051 г. Кнуд окружил себя преданными воинами, составлявшими его личную дружину. В дружине Кнуда царила строжайшая дисциплина, входившие в ее состав хускарлы должны были подчиняться особым правилам, сплачивавшим их в замкнутую группу и охранявшим их интересы и честь. Многие из сподвижников Кнуда получили земельные пожалования в разных частях Англии, а некоторые из них стали править от его имени целыми областями. Со времени царствования Кнуда в Англии утверждается

титул ярла (англ. эрла) — так называли наместника в скандинавских странах.

Желая упрочить свое положение, Кнуд искал опоры среди населения Англии. Для этого было необходимо заручиться поддержкой землевладельцев. Он обещал соблюдать старинные законы, в изданном им кодексе широко использовалось законодательство английских королей более раннего времени. Кнуд выступил в качестве ревностного поборника интересов английской церкви. Этот выходец из семьи датских конунгов, отец которого большую часть жизни оставался язычником, стремился заставить служить себе идею божественного происхождения королевской власти и сблизиться с христианскими государями Европы и с папой римским (он даже совершил в 1027 г. паломничество в Рим и присутствовал там на коронации германского императора). Высшее английское духовенство получало от него щедрые подарки, политическая власть церковных прелатов возросла. Однако приверженность христианству не помешала Кнуду иметь двух жен.

Опираясь на феодалов, Кнуд вместе с тем пытался защитить интересы своих мелких вассалов от притеснений со стороны магнатов: он понимал, что может скорее рассчитывать на верность первых, нежели вторых. Но, разумеется, даже столь могущественный правитель не мог изменить или задержать развития феодальных отношений. Напротив, его пожалования в пользу церкви ускоряли этот процесс. Английское купечество получило при Кнуде возможность расширить торговые связи с другими странами: на морях господствовал его флот, пираты перестали безраздельно хозяйничать на торговых путях; для купцов и паломников, направлявшихся из стран Севера в Италию, Кнуд добился льгот.

Через два года после восшествия на английский престол Кнуд после смерти своего брата Харальда стал королем Дании. Однако положение его на родине оказалось менее прочным, чем в Англии. Далеко не все датские хавдинги повиновались ему безоговорочно, и Кнуду приходилось сдерживать викингов, мечтавших о возобновлении грабительских набегов на английские берега. Центром державы Кнуда оставалась Англия, Данией правили его наместники, не раз поднимавшие против него мятежи, используя помощь норвежского конунга Олафа Харальдссона. Последний, в прошлом викинг, служивший вначале королю Этельреду II в его войне против Свейна Вилобородого, а затем нормандскому герцогу, при дворе которого он пришил крещение, в 1016 г. захватил власть над Норвегией, тяготевшей датским господством. На стороне Олафа, прозванного Толстым, был его деверь — шведский конунг Анунд Якоб, опасавшийся усиления конунга Дании. Оба государя намеревались напасть на Данию,

пользуясь мятежом ее наместников против Кнуда. Борьба закончилась плачевно для норвежского конунга. В 1028 г., заручившись посредством подарков и посул поддержкой части норвежской знати, недовольной усилением Олафа Харальдссона, Кнуд подчинил себе Норвегию. Олаф бежал на Русь к великому князю Ярославу. Попытка его восстановить свою власть над Норвегией закончилась битвой при Стиклестаде (в Трандхейме) 29 июля 1030 г.: норвежские бонды во главе с наиболее могущественными людьми страны нанесли Олафу поражение, сам он пал на поле боя.

Кнуд Могучий теперь вполне оправдывал свое прозвище: он был государем в трех странах одновременно и носил титул короля англичан, датчан, норвежцев и части шведов. Его могущество в большой мере определялось господством над северными морями и контролем над торговым путем, шедшим из Бискайского залива в Балтийское море. Но положение его в Норвегии не было прочным. Норвежцы восстали против самовластия конунга Олафа Харальдссона не для того, чтобы покориться еще более жестоким и жадным датским правителям, которых поставил над ними Кнуд. Его жена и сын пытались ввести в Норвегии налоги и поборы, а также применять непривычные для норвежцев строгие законы. В результате отношение к памяти погибшего конунга Олафа вскоре стало меняться: теперь этого викинга и сурового государя считали защитником и покровителем народа, Церковь провозгласила Олафа святым. Культ Олафа Святого, ставший очень популярным в Северной Европе, способствовал подогреванию недовольства в Норвегии, и в середине 30-х годов XI в. датские правители были изгнаны из нее.

Окончательно Норвегия восстановила независимость после смерти Кнуда (1035 г.). На ее престол вступил вызванный знатью из Киева юный сын Олафа Святого — Магнус. Созданная Кнудом держава оказалась эфемерной. Хотя вдова и сыновья Кнуда — Харальд Заячья Нога и Хардакнуд — в течение нескольких лет и продолжали еще управлять Англией, положение их становилось все более непрочным. Население, изнемогавшее под бременем налогов, роптало, дело доходило до восстаний. Так, в 1040 г. королевские сборщики налогов были растерзаны толпой жителей Вустера и поселян, пришедших в город на ярмарку. Хардакнуд поехал на усмирение мятежа почти всех своих дружинников-хускарлов и большую армию. Горожане Вустера упорно оборонялись, но город был сожжен карателями, прилегающая к нему местность опустошена. После смерти Хардакнуда (в 1042 г.) английская корона досталась сыну Этельреда II — Эдуарду Исповеднику, и датчане окончательно потеряли Англию. Нападение викингов на английское побережье в 1048 г. носило эпизодический характер.

Воспользовавшись междуцарствием в Дании (прямая мужская линия в доме датских конунгов со смертью Хардакнуда пресеклась), ее подчинив себе норвежский конунг Магнус Олафссон. Магнус собирался, кроме того, совершить поход на Англию. Он мечтал, подобно Кнуду Могучему, соединить в своих руках управление всеми тремя королевствами. Но в разгар приготовлений к походу он умер (1047 г.). Его сменил на норвежском престоле сводный брат Олафа Святого — Харальд Сигурдарссон, который получил прозвище Хардрода — Жестокий за беспощадную расправу с непокорными хавдингами и бондами. Это был знаменитый викинг, ходивший в 30-е годы походами в Восточную и Южную Европу, служивший в варяжской гвардии в Константинополе. По приказу византийского императора он воевал в Италии и Сицилии. Его женой была дочь великого князя Ярослава.

Став конунгом Норвегии, Харальд возобновил войну против датского конунга Свейна Эстридссона, последний пытался заручиться в этой войне поддержкой сперва у англичан, затем у германского императора; он даже признал себя его вассалом. Но Харальду удалось разграбить и сжечь Хедебю.

В 1066 г., узнав о смерти английского короля Эдуарда Исповедника, Харальд Хардрода снарядил большой флот (по сообщениям саг — 200 кораблей, по словам Адама Бременского — 300) и отплыл к берегам Англии. В экспедиции принимали участие ярды Оркнейских и Шетландских островов и острова Мэн. Население Нортумбрии, незадолго до того уже восстававшее против английского короля, перешло на сторону Харальда. Однако вновь избранный на английский престол Гарольд Годвинссон, несмотря на то, что он готовился к отражению нападения другого врага — герцога Нормандии Вильгельма, грозившего с юга, сумел организовать отпор норвежскому вторжению. В битве при Стэмфордбридже, неподалеку от Йорка, 25 сентября 1066 г. армия Харальда Хардроды была разбита. Среди большого числа убитых на поле боя остался и сам конунг — последний викинг на престоле Норвегии. Остатки его войска покинули берега Англии, причем сын погибшего конунга, Олаф, клятвенно обещал никогда больше не нападать на эту страну. Англия действительно навсегда была избавлена от нападений норвежских викингов. Однако менее чем через три недели она была завоевана офранцузившимися норманнами: 14 октября в битве при Гастингсе англосаксы были разбиты рыцарским войском нормандского герцога. Вильгельм Завоеватель стал королем Англии.

В 1069 г. датский конунг Свейн Эстридссон напал на восточное побережье Англии, воспользовавшись восстанием против Вильгельма Завоевателя, поднятого населением Йоркшира. Но в следующем году,

получив выкуп, датчане покинули территорию Англии. Нормандские завоеватели прочно утвердились на острове. Походы викингов к этому времени лишились прежних импульсов и во второй половине XI в. прекратились. Правда, в 80-е годы датский конунг Кнуд II собирался совершить новый завоевательный поход против Англии. Но началось восстание недовольного поборами населения Дании, во время которого конунг погиб. Тем не менее к концу XI в. под властью скандинавов находились довольно обширные владения: Северная Шотландия, Гебридские и Оркнейские острова, остров Мэн. В Ирландии норвежцы сохранили в своих руках Дублин и Лейнстер.

Норманнские поселения на Западе

Изучение последовательного хода событий эпохи викингов убеждает в том, что нападения скандинавов на страны Запада не происходили постоянно и непрерывно. Начавшись на рубеже VIII и IX вв., они длились на протяжении всего IX в., но прекратились вскоре после 900 г. В начале следующего столетия норманны, расселившиеся в Англии, Франции, Ирландии, переходят к мирной жизни, включаются в той или иной мере в социально-экономическое и культурно-религиозное развитие феодального мира. Новый взрыв норманнской агрессии приходится на конец X и начало XI в. Именно в этот период существенно изменилась обстановка в самих скандинавских странах: в них окрепла королевская власть. Вследствие этого стал иным и характер походов; вместо разрозненных атак отдельных отрядов происходят организованные нападения больших флотов и армий во главе с конунгами.

Каковы последствия нападений норманнов на Западную Европу? Одним из важнейших результатов их набегов явилось основание ими государств на территории Англии, Франции, Ирландии, на островах Северной Атлантики.

Политические образования, созданные скандинавами на востоке и северо-востоке Англии^[85], как мы видели, оказались неустойчивыми: в течение X и первой половины XI в. они были включены в состав английского государства. Тем не менее завоевание этих областей наложило сильный отпечаток на все стороны их жизни, и особенности общественного строя, права, культуры были здесь очень велики. Изучение имен собственных и прежде всего географических названий свидетельствует об интенсивной скандинавской колонизации этих областей Англии. Датчане и норвежцы не растворились в тот период среди англосаксонского населения. В занятых скандинавами районах появились многочисленные деревни, названия, которых содержали собственное имя и оканчивались на *thor* или *by* (так назывались поселки в Дании и Швеции). По-видимому, это были поселения, оказавшиеся под властью датских предводителей, чьи имена они стали носить. Возможно также, что земли распределялись среди групп или отрядов датчан, остававшихся под контролем своего хавдинга; хотя поселок и получил название от его имени, этот предводитель имел скорее военную, чем поземельную власть над местными жителями.

Административное деление в Денло отличалось от системы управления, существовавшей в других частях Англии. В то время как по

всей стране графства делились на «сотни», в Линкольншире, Ноттингемшире, Дербишире, Лейстершире и части Йоркшира деревни объединялись в административные единицы, носившие название *wapentake*. В скандинавских странах термином *várnatak* обозначалось решение тинга, утверждаемое процедурой поднятия оружия. В Денло этот термин был распространен и на собрания, и на округа, центрами которых они служили. Различие между «сотней» и *wapentake* в Англии не сводилось к одному лишь различию в названиях: в «сотнях» других областей страны решающий голос имели одни земельные собственники, т. е. феодалы и свободные крестьяне, тогда как основная и все увеличивающаяся масса крестьян, втянутых уже в феодальную зависимость, была оттеснена от участия в управлении.

Между тем в *wapentake* в X и XI вв. принимали участие все свободные люди, которых в областях датских поселений было особенно много. Таким образом, местное управление здесь носило более демократический характер.

Датские области стояли особняком и в правовой системе Англии: переселенцы из скандинавских стран продолжали здесь придерживаться многих обычаев, которые принесли с собой. В этих правовых различиях проявлялись существенные особенности общественного положения датчан в феодальной Англии. Так, на всей территории страны лорд должен был получать возмещение за своего убитого подданного. Но в англосаксонских областях размеры этой компенсации устанавливались в соответствии со статусом лорда, тогда как в Денло они определялись статусом убитого. Иначе говоря, общественное положение зависимого человека в Денло имело большее значение, чем в остальной Англии. Свободные крестьяне Восточной и Северо-Восточной Англии часто сохраняли права на участки земли. И хотя они уже находились в зависимости от лордов, последняя носила скорее форму покровительства, подчинения частной судебной власти, нежели всестороннего господства крупного землевладельца над бесправным и эксплуатируемым крестьянином, все шире распространявшегося в X и XI вв. в других областях Англии. Многие крестьяне Денло назывались сокменами (сока — судебная власть лорда, которую они должны были признавать), или «свободными людьми» (*liberi homines*). Они могли покинуть лорда, отчуждать свою землю, тогда как англосаксонский крестьянин сплошь и рядом был закрепощен.

В настоящее время мнение о том, что все эти «свободные люди» и сокмены были скандинавами по происхождению, поставлено под вопрос. Возможно, что многие из них были потомками англосаксов, сохранивших личную свободу под датским управлением. Во всяком случае несомненно,

что развитие феодальных отношений в Денло шло медленнее, чем в остальной Англии.

Скандинавы не изменили системы хозяйства в этих областях. Однако они оказали воздействие на структуру землевладения, введя в Денло вместо прежнего деления земли на «семейные наделы» (гайды) привычную им единицу — plogesland («земля, вспахиваемая одним плугом»). Вотчины многих лордов в Восточной и Северо-Восточной Англии представляли собой конгломераты владений, рассеянных на обширной территории; жившие в них крестьяне платили небольшие оброки продуктами.

В подобной социальной среде старинные вольности и правовые традиции проявляли большую живучесть. Небезынтересно отметить, что самое слово law (право) в английском языке, как и многие другие, скандинавского происхождения (до того времени в ходу был лишь термин rilit, совр. right). В скандинавских странах термином log обозначались как право, обычай, так и область, на территории которой этот обычай действовал. Таков например, Трендалаг — область, где признавалось право трендов, жителей Северо-Западной Норвегии. Подобно этому и в Англии Danelag (др.-англ. Danalagu, англ. Danelaw) был областью датского права. Со скандинавами появился в Англии суд двенадцати присяжных, существовавший в датских warpentakes и получивший в более позднее время (уже после нормандского завоевания) всеобщее распространение.

Не только до конца эпохи викингов, но и некоторое время спустя датские поселенцы в Англии и ее коренные жители продолжали осознавать себя двумя разными народами. Английским королям в X и первой половине XI в. приходилось признавать обособленность Денло. Сепаратистские восстания его жителей в середине и второй половине XI в. в немалой мере «питались» их стремлением сохранить свою самобытность. Один датский историк называет Денло «Данией в Англии»^[86]. Это, конечно, преувеличение, но интеграция скандинавских элементов в английском обществе шла медленно и растянулась на ряд столетий, в отличие от скандинавских поселенцев во Франции.

Скандинавские завоеватели наложили неизгладимый отпечаток на общественные порядки других Британских островов^[87]. Первые норвежские поселения на острове Мэн восходят примерно к тому же времени, что и в Ирландии. Найдены многие погребения викингов, относящиеся к IX в., в том числе в небольших ладьях (по норвежскому обычаю) и с оружием. Часть могил викингов явно языческого характера, но немалое их число обнаружено на церковных кладбищах. Под влиянием кельтского населения пришельцы вскоре перешли в христианство. Среди погребений нет особенно богатых. Это могилы скорее состоятельных бондов, чем военной

знати. Выше уже упоминалось, что на каменных крестах, воздвигнутых в X и XI вв., христианские символы соседствуют с изображением скандинавских богов и героев, например Одина, борющегося с волком Фенриром, Гуннара в яме со змеями. Из саг известно, что многие норвежцы вступали в брак с ирландками, и кое-кто из них затем переселился в Исландию, среди жителей которой кельтский элемент был довольно значителен. Это смешение народов подтверждается и изучением имен, встречающихся в рунических надписях (треть этих имен кельтские).

Административное деление острова Мэн в наибольшей степени сохранило черты своего норвежского происхождения. Крестьянские усадьбы, первоначально считавшиеся неотчуждаемыми из семьи (подобно норвежскому одалю), объединялись по четыре в так называемые «трети». От этих единиц выставлялись воины в ополчение (по одному от «трети»). Группы из «третей» (по 2–3 десятка) в свою очередь составляли шесть «корабельных округов», каждый из которых снаряжал боевой корабль. Впоследствии «трети» стали фискальными единицами. Таким образом, здесь обнаруживается территориальное устройство того же типа, что и в самой Норвегии, прибрежные районы которой с X в. тоже делились на корабельные округа, выставлявшие корабли в ополчение — лейданг.

Правовые обычаи Мэна до сих пор сохраняют черты норманнского влияния. Как и в средневековой Исландии, здесь на Тинговом холме собирается общий тинг, на котором, при строгом соблюдении старинных обычаев и процедур, зачитываются законы. Без их публичного оглашения на тинге они силы не имеют. Вплоть до XVIII в. каждый корабельный округ имел свой тинг, созывавшийся дважды в год. Такие тинги собирались на протяжении всего средневековья и на островах Северной Атлантики — Фарерских, Шетландских, Оркнейских. Во главе управления островами стояли ярлы; и здесь были исключительно сильны норвежские обычаи. Земельные владения на Шетландских островах, называвшиеся удэль, сохраняли до конца средних веков многие черты норвежского одала.

Когда норманнский вождь Роллон стал в 911 г. герцогом Нормандии, он и его сподвижники были еще очень далеки от восприятия франкских феодальных порядков.

Легенда гласит, что, принося присягу вассальной верности Карлу Простоватому, Роллон, как полагалось в таких случаях, вложил свои руки в руки короля и произнес установленную формулу, но решительно отказался стать перед ним на колени и поцеловать ногу; а его дружинник, которому он поручил это сделать вместо себя, выполнил непривычную для викинга

обязанность настолько неуклюже, что опрокинул короля, к вящему удовольствию присутствовавших при процедуре норманнов.

Роллон вел себя не как вассал короля Франции, а как независимый правитель. Судя по описаниям (недостоверным и противоречивым), то был скорее викинг, нежели феодальный барон. Новообращенный христианин, он улаживал свои дела с потусторонним миром не только при помощи щедрых даров и земельных пожалований в пользу церкви, но и при посредстве человеческих жертвоприношений языческим божествам. Таковы были и его подданные, число которых в X в. постоянно увеличивалось за счет притока новых скандинавских поселенцев.

Однако в течение ближайших поколений основатели герцогства Нормандии утратили большую часть признаков своего скандинавского происхождения: язык, право, религию, обычаи, старые социальные порядки. Расселившись среди местного населения, в жилах которого текла кровь кельтов, римлян, франков и других германцев, норманны быстро смешались с ним. Уже второй герцог Нормандии должен был искать учителя датского языка для своего сына: в Руане больше никто не знал этого наречия. Датско-норвежская колония превратилась в образцовое французское феодальное герцогство, однако, с особой политической структурой и с необычайно сильной по тем временам герцогской властью.

Когда в 1066 г. нормандцы во главе с герцогом Вильгельмом Незаконнорожденным завоевали Англию, они уже не имели ничего общего со своими северными предками. Это были северофранцузские рыцари, говорившие по-французски, писавшие (кто умел) по-латыни, воспитанные в духе феодальной идеологии. Недаром после Нормандского завоевания в Англии утверждается ленная иерархия и сильная феодальная монархия. Классическое феодальное право, впервые развившееся во Франкском государстве, было распространено на Англию при посредстве нормандцев. Из островной державы Англия стала европейской лишь ценой ее норманизации, замечает один историк^[88].

Правда, некоторые черты в жизни северофранцузских норманнов, напоминающие о живучести старой скандинавской традиции, можно обнаружить еще и в этот период. Так, на знаменитом гобелене из Байе^[89]; изображающем в отдельных сценах всю историю завоевания Англии Вильгельмом, Наряду с многочисленными признаками феодально-рыцарского быта нормандцев (церкви, дворцы, конница, кольчуги, знамена, вооружение, щиты одежда и многое другое) имеются явные следы северного происхождения завоевателей. К ним относятся, например, рисунки боевых топоров, характерных для викингов, кораблей нормандцев —

скандинавского типа, с висящими вдоль бортов щитами, украшенных изображениями голов драконов (на гобелене видно, как, высаживаясь на берег, нормандцы снимают эти резные фигуры со штевной). Но это лишь отдельные признаки устойчивости старинных обычаев. Все «нормандское устройство» Англии говорит об обратном; перед нами представители развитого феодального общества. Очевидно, скандинавские поселенцы в Северной Франции, оказавшие большое влияние на местное население и общественные порядки — о чем свидетельствуют географические названия Нормандии, имена собственные, отчасти словарь французского языка (в особенности морская терминология), — в свою очередь подверглись сильнейшему воздействию со стороны французов и растворились среди них, хотя, конечно, далеко не бесследно. Могучая герцогская власть, способная обуздывать своевольных и воинственных вассалов, — прямой плод завоевания начала X в.

В отличие от других западноевропейских государей того времени, герцоги нормандские пользовались исключительным правом чеканки монеты, контролировали постройку феодальных замков, назначали епископов и аббатов, сохраняли независимость по отношению к Папе, сдерживали кровную месть и уобицы среди баронов и располагали относительно дисциплинированным и организованным рыцарским войском. Контраст между нормандским герцогом и французским королем, который в тот период был фактически лишен власти на территории своего королевства за пределами личного домена, был разительным. Многие из этих особенностей управления Нормандией были после 1066 г. перенесены в Англию. В конце концов удача Вильгельма в завоевании Англии в большой мере объяснялась его могуществом как герцога Нормандии, пользовавшегося поддержкой своего рыцарства и баронов.

В XI в. нормандцы захватили, помимо Англии, Сицилию и Южную Италию, основав в начале XII в. «Королевство Обеих Сицилий». Они продолжали играть огромную роль в истории Франции и приняли немалое участие в Крестовых походах. В их военных предприятиях можно обнаружить боевой дух и жажду завоеваний их северных предков, но уже в феодальной оболочке. Любопытно отметить, что потомки скандинавов, дольше других народов Европы не переходивших к государственному строю, создали самые сильные и централизованные во всей тогдашней Европе королевства и герцогства!

Культура скандинавов IX–XI вв.

За последнее время ученые, прежде всего скандинавские, проделали значительную работу по выяснению и уточнению многих вопросов истории Северной Европы в VIII–XI вв. Накоплен огромный и интереснейший археологический материал; специалисты по рунологии дали более точные толкования надписей; большие успехи сделала нумизматика в деле систематизации все увеличивающегося количества найденных монет; обширная литература по истории древнескандинавской мифологии и религии пополнилась рядом новых исследований; критической проверке подвергнется сообщения о скандинавах, принадлежащие западноевропейским хронистам и арабским историкам. Однако вопрос о причинах походов викингов остается неясным. Некоторые историки полагают, что удовлетворительно объяснить этот взрыв активности и агрессивности скандинавских народов вообще невозможно^[90]. Другие пытаются выйти из затруднения, всячески приуменьшая значение и масштабы походов викингов, которые они хотят свести к «нормальной активности эпохи раннего средневековья»^[91]. Во многих книгах, посвященных походам викингов, об их причинах говорится вскользь; авторы обычно ограничиваются общими соображениями о роли торговли и мореплавания в жизни скандинавов в раннее средневековье, о нехватке земли у них на родине, об овладевшей ими жажде приключений и добычи^[92]. Все эти соображения не лишены оснований, но простое нагнетание даже многих причин (или обстоятельств, которые принимают за причины) еще не объясняет полностью исторического явления.

Задумываясь над причинами норманнской экспансии в Европе, мы сталкиваемся с противоречием: с одной стороны, несомненно, что нападения викингов на другие страны были подготовлены задолго до IX в., с другой стороны, их начало производит впечатление внезапности. Мы видели выше, что походы, начавшись как экспедиции сравнительно немногочисленных отрядов, вскоре переросли в более широкое движение, захватившее и втянувшее в себя значительные группы скандинавского населения. Во всем существовании норвежцев, датчан и шведов походы и переселения произвели огромный переворот и наложили сильнейший отпечаток на жизнь нескольких их поколений в IX–XI вв.

Чтобы полнее оценить размеры этого переворота, вспомним, что во времена, предшествовавшие эпохе викингов, большинство населения Скандинавии жило крайне разобщенно, на отдельных хуторах, в оторванных

от остального мира долинах и фьордах, на островах и в глухих углах, составляя неразрывное целое с природой своей местности, которая ограничивала круг их интересов и потребностей. Маленький мирок, в котором протекала из поколения в поколение жизнь скандинава, представлял для него весь известный ему и необходимый для жизни мир. Все находившееся за пределами его долины, херада или фюлька, казалось ему чуждым и враждебным. Даже в более позднее время скандинавы долго чувствовали себя не норвежцами, шведами, датчанами, но членами лишь своего племени, жителями той или иной обособленной области. Здесь они жили испокон веков, здесь находились их боги, курганы предков, и лишь здесь они могли быть уверены в себе и в удаче своей деятельности, заведенной раз навсегда, неизменной и подчиняющейся установленному природой ритму. Конечно, эта примитивная и замкнутая жизнь, несмотря на весь свой консерватизм, не стояла на месте, устои традиционного, рутинного общества постепенно подтачивались. В конце концов наступил момент, когда под воздействием ряда причин — оживления торговли и прогресса в кораблестроительной технике и мореплавании, недостатка земли и роста потребности в жизненных средствах, развития частной собственности, усиления воинственной знати и открывшихся новых возможностей для удовлетворения ее агрессивности — произошел перелом: началась широкая экспансия скандинавов. Она проявилась и в мирной колонизации, и в захвате чужих земель, и в пиратстве и разбое, и в бурном развитии торговли и мореплавания, и в наемничестве. Викинги первыми объехали на кораблях вокруг всей Европы и посетили четыре части света.

Важно подчеркнуть одно: в жизни скандинавов в конце VIII в. — в первой половине IX в, произошел резкий сдвиг — перерыв в медленном, постепенном развитии. Среди них появляется новый тип людей — смелые мореплаватели, искатели добычи, приключений и впечатлений, имеющие связи в разных странах.

Таков, например, швед Гардар. Его усадьба находилась в Зеландии, женился он в Норвегии, поселился на Гебридских островах; штормом его прибило к неведомой тогда Исландии. К тому же времени, к концу IX в., принадлежат первые поселенцы в Исландии и Оттар — хавдинг из Халогаланда, плававший в Данию и Англию. На недавно найденной на Готланде кольчуге викинга выбиты рунами названия стран, в которых он побывал: Греция, Иерусалим, Исландия, Сёркланд (страна сарацинов). Руническая надпись на памятном камне в Швеции упоминает членов одной

семьи, павших в походах: двое погибли в Греции, один на Борнхольме, еще один в Ирландии.

Скандинавы снимались с насиженных мест, бросали родину, искони привычный образ жизни и вместе с семьями, близкими и зависимыми от них людьми, со скарбом, скотом, священными символами отправлялись за море, в новые для них, а то и вообще никому неведомые страны. Другие все оставляли дома и примыкали к дружинам, окружавшим знатных хавдингов, сражались под их предводительством в дальних землях, завоевывая добычу и славу. Третьи уплывали в торговые поездки и среди чуждых им народов обменивали продукты своей родины и богатства Востока и Запада. Короче, прежний и привычный для них строй жизни был сломан, сделался невозможным, — и это не для единиц, не только для изгоев или поставленных вне закона людей, которым поневоле, как, например, Ингольфу Арнарсону или Эйрику Рыжему, приходилось искать нового места жительства, возможно дальше от дома, но для множества знатных и бондов.

Достаточно ли простого указания на все перечисленные ранее причины походов викингов, чтобы получить убедительное объяснение столь глубокого переворота в жизни скандинавов? Очевидно, недостает по крайней мере еще одного звена, которое превратило бы эти не вдруг возникшие причины или предпосылки во внутренние стимулы движения людей. Но возможно ли обнаружить это посредствующее звено?

Для понимания внутренних побудительных причин движения норманнов в другие страны, причин, которые, очевидно, были настолько сильны, что заставили многих и многих из них порвать со всем традиционным укладом жизни, нужно найти возможность заглянуть в духовный мир скандинавов эпохи викингов. Задача эта очень трудна. Помимо тех препятствий, с которыми всегда сталкивается историк, пытающийся проникнуть в мысли, представления и чувства людей давно минувших эпох, сложность в данном случае усугубляется еще и тем, что основные памятники скандинавского эпоса и произведения литературы, в которых можно было бы почерпнуть представления о религии и духовной жизни древних скандинавов, относятся к более позднему времени. Песни о богах и героях, известные под названием «Старшей Эдды», как и большинство исландских саг, дошли до нас в записи XIII в. События «Великих переселений» Севера, несомненно, наложили сильнейший отпечаток на духовную жизнь скандинавов в последующие века, но они подверглись в то же время и переосмыслению. Когда возникли эпические песни и саги, каковы изменения, происшедшие в содержании этих произведений со времени их сложения до времени их записи, и в какой мере

они могут позволить исследователю проникнуть во внутренний мир скандинавов эпохи викингов — все эти сложные и в высшей степени спорные вопросы на протяжении многих десятилетий неустанно дебатировались в науке.

Общепринятого и убедительного решения этих проблем не достигнуто. Поэтому более верным путем для познания духовной жизни скандинавов эпохи викингов было бы исследование современных ей источников. Их не так много, как памятников XIII в., главное же — они менее содержательны. Мы располагаем поэзией исландских и норвежских скальдов — поэтов, живших в IX–XI вв.; их песни сочинялись устно и были записаны много позднее, в XII и XIII вв. Известны они главным образом в виде отрывков, цитируемых в сагах. Однако в силу свойственных скальдической поэзии особенностей стиля и построения эти песни передавались в неизменной форме. Песни скальдов — интересный памятник, в них отразились некоторые черты сознания древних скандинавов.

Далее имеются краткие рунические надписи, вырезанные на камнях, оружии, дереве. Текст во многих случаях неясен. Важный материал дает изучение форм и характера погребений; оно может пролить свет на верования скандинавов и на их представления о смерти и загробном мире. Наконец, существуют произведения искусства — изображения, орнаменты, украшения, ремесленные изделия. Их происхождение не всегда известно, датировка подчас спорная, но тем не менее они также могут быть использованы при изучении духовной жизни скандинавов этой эпохи.

Первое, что обращает на себя внимание в изобразительном искусстве норманнов, это крутой перелом, происшедший в его развитии с началом эпохи викингов. «Животный стиль», преобладавший в скандинавском искусстве со времени «Великого переселения народов», к VIII в. уже утратил былую живость и силу, выродился в бескровную, вялую стилизацию, несмотря на влияние на него англо-кельтского искусства. «Монотонная стилизация», «лишенный энтузиазма», «бездушный», «расплывчатый» — таковы характеристики, даваемые этому стилю ведущими искусствоведами^[93]. Разительным контрастом ему служит возникший и распространившийся в VIII в. новый стиль, также основанный на анималистических мотивах, но отличающийся от предшествующего строгостью организации орнамента. К концу же VIII в. наряду с ним появляется новый, опять-таки «животный» стиль. Его наиболее характерные признаки: большая экспрессивность, пластичность, выпуклость, трехмерность изображения, а главный персонаж — так называемый хватающий зверь (*gribe-dyr*). На брошках и других украшениях, на деревянных панелях и столбах — повсюду встречается загадочное живое

существо с большими, непропорциональными по отношению к туловищу мускулистыми лапами, хватающими одна другую или иные детали орнамента, с обращенной к зрителю мордой не то кошки, не то щенка, не то медвежонка или тигренка, — словом, живого, озорного и в то же время угрожающе ощерившегося дикого и, может быть, даже обезумевшего зверя, с огромными вытаращенными глазами. Обычно он вплетен в орнамент в напряженной позе: зверь играет, борется. Здесь нет былой стилизации и элегантности, изображение полно жизни, насыщено движением, гротескная фигура зверя тревожит и веселит. В ней нетрудно найти даже человеческие черты, и сопоставление морд «хватающего зверя» с некоторыми изображениями человеческих лиц, сохранившихся от той же эпохи, обнаруживает известное сходство.

«Хватающий зверь» — главное новшество в изобразительном искусстве первого этапа эпохи викингов. Но основные черты этого стиля сохраняются с вариациями и в последующее время. Появляются более сложные изображения с переплетающимися в узлы и хватающими друг друга зверьми, опять-таки производящими впечатление силы и напряженности. «Животный стиль» вытесняется из изобразительного искусства (да и то не совсем) только с торжеством христианства.

Среди искусствоведов нет согласия относительно того, откуда исходили импульсы, породившие новый стиль, так резко отличный от всего предшествующего. Его источники ищут в каролингской Франции, у кельтов, в Англии, на Востоке. Но спор не привел к решению проблемы: аналогичных или близких по характеру изображений в искусстве других народов Европы не обнаружено. Между тем никакие стилистические влияния извне не могут объяснить того, что охарактеризованные выше изображения стали излюбленным и весьма распространенным мотивом в искусстве Скандинавии, причем с самого начала эпохи викингов, если еще не в ее канун. Другие стилистические новшества в норманнском искусстве того времени более явно связаны с влияниями тех народов, с которыми столкнулись скандинавы. Таковы изображения львов, заимствованные из Франции. Первоначально северные мастера воспроизводили их неумело: звери выходили уродливыми, но в них была сила и в этом заключался производимый ими эффект. Затем появляется новое изображение «большого зверя» (может быть, льва), борющегося со змеем (так называемый Еллингский стиль). Подчас эти изображения тяжеловесны, но лучшие из них исполнены динамики и живости, фигуры зверей напряжены, как стальные пружины. Впечатление чудовищности оставляют резные головы зверей и драконов, которыми украшали штевни кораблей, столбы в домах, изголовья кроватей: диким оскалом разинутой пасти они должны были

отпугивать злых духов. Многие другие изображения также были рассчитаны на то, чтобы произвести устрашающее впечатление. Под сильным внешним влиянием в скандинавском искусстве происходят глубокие сдвиги; но классические мотивы здесь перерабатываются и своеобразно преломляются шире, чем прежде, употребляются наряду с животными, растительные орнаменты; кое-где на время они даже берут верх. В XI в. фигура крупного зверя, борющегося со змеем, подвергается все большей стилизации, приобретает S-образную форму, члены зверя сливаются с телом змея^[94].

Общая черта скандинавских стилей эпохи викингов, при всем их разнообразии, — это огромная жизненная сила, впервые внезапно выявившаяся на самой заре норманнской экспансии и не иссякавшая почти до конца этого периода. Некоторые этапы развития изобразительного искусства скандинавов характеризуются вспышками варварской грубости, но развитые северные стили IX–XI вв. (Усебергский, Еллингский и др.) замечательны гармоничностью, а их творцы славятся высоким мастерством.

Животная орнаментация этого времени пронизана языческими верованиями и магическими представлениями. Известные нам изображения обычно не преследовали лишь развлекательную цель; они должны были помогать в жизненной борьбе, отгонять злые силы, привлекать удачу, использовались в культовых отправлениях. Искусство непосредственно переплеталось с практической деятельностью человека. И то, что в искусстве эпохи викингов совершались глубокие сдвиги, свидетельствует, очевидно, о не менее существенной ломке традиционных взглядов, об изменениях в духовной жизни общества. И содержанием, и быстрой сменой стилей скандинавское искусство той поры выражает новый «дух времени», характерное для определенных слоев населения активное, меняющееся отношение к себе и к миру. У людей возникли новые запросы, которые, видимо, не могли удовлетворить прежнее анемичное и лишившееся силы искусство, сложившееся за много веков до того и выродившееся в эпоху, когда и сама жизнь была менее наполнена потрясениями и динамизмом.

Большой подъем изобразительного искусства — лишь один из показателей глубоких сдвигов в мироощущении и мироотношении норманнов, происшедших накануне эпохи викингов и в течение ее. Другим, не менее ярким симптомом их духовного подъема, связанного с ломкой традиционного строя жизни, явился расцвет поэзии. Норвегия и в особенности Исландия — родина скальдов. Мы не знаем всех скандинавских скальдов этой эпохи, но и число тех, чьи имена известны, достигает нескольких сотен. Если же вспомнить, что исландский народ в то время насчитывал всего несколько тысяч человек, то «численность поэтов на душу населения» окажется исключительно высокой.

В период, непосредственно следующий за эпохой викингов, в XII и XIII вв., в Исландии происходит беспрецедентный в тогдашней Европе подъем культуры, выразившийся и в появлении замечательных повествовательных произведений — саг, и в оформлении эддических песен о богах и героях огромного культурно-исторического содержания, и в творчестве выдающихся историков, среди которых наиболее известны Ари Торгильтсон и Снорри Стурлусон. Главное же — поэтическое творчество этого периода в Исландии было достоянием не узкой элиты общества; оно питалось народными корнями и находило широкий отклик, вызывало напряженный интерес у всех исландцев, независимо от их общественного положения и образованности. В определенном смысле исландская культура XII и XIII вв. была общенародной культурой, что было обусловлено, конечно, и особенностями социального строя Исландии, не перешедшей окончательно на стадию классового общества. Но в большой мере эта культура исландцев уходит в прошлое, обращена к нему, как правило, из него получает и свое содержание, и человеческие идеалы. В центре внимания исландцев того времени — эпоха викингов. Часто время с 930 по 1030 г. в истории Исландии называют «эпохой саг», в них воспевается жизнь предков исландцев, заложивших основы их общества. Не будем обсуждать вопрос о причинах духовной ориентации исландцев XII и XIII вв. на свое прошлое, а только отметим — подъем исландской культуры в этот период был подготовлен в эпоху викингов.

Очевидно, IX–XI вв. — время, характеризующееся в истории скандинавских народов не только внешней агрессией, внутренней колонизацией и становлением монархии, но и большим оживлением их духовной жизни. Расцвет творчества скальдов приходится именно на это время. Скальды — не профессиональные поэты в современном смысле слова. Скальд обычно был воином, дружинником конунга или другого хавдинга, подвиги которого он воспевал; но скальд мог быть моряком, бондом, заниматься торговлей и т. д. Среди сочинителей стихов мы найдем мужчин и женщин, старых и молодых, людей знатных и даже конунгов и простых бондов. Все интересовались поэзией, любили ее, и очень многие проявляли склонность к стихосложению. Собственно, правильно говорить не о том, кем еще мог быть скальд, а о том, что в определенной ситуации люди самого разного общественного положения и занятий могли обратиться к поэтическому творчеству, сочинить песнь. Поэзия была одним из нормальных, общепринятых способов выражения чувств, передачи сведений. Она не выделялась в особое занятие и не считалась редким даром избранных. Конечно, в те времена были и выдающиеся скальды, такие, как Эгиль Скаллаграмссон или Сигват Тордарсон, песни которых служили

образцом, пользовались широкой популярностью, бережно сохранялись в памяти. Они прославились среди потомков именно как большие поэты, но в своей жизни были викингами, дружинниками, домохозяевами и т. п. Например, Эгиль был выдающимся викингом X в., а Сигват являлся приближенным норвежского конунга Олафа Святого, а затем и его сына Магнуса Доброго и выполнял при первом из них дипломатические функции, а при втором — роль политического советника. Любопытно, однако, что, попав в плен к противнику, Эйрику Кровавой Секире, Эгиль смог спасти жизнь лишь при помощи хвалебной песни «Выкуп головы», что Сигват составил отчет о своей миссии к шведскому двору в стихотворной форме и что важную речь политического содержания, обращенную к конунгу Магнусу, он изложил в виде «Откровенной песни», в которой обратил внимание молодого государя на опрометчивость его внутренней политики и на опасные ее последствия; по свидетельству Снорри, речь Сигвата оказала соответствующее воздействие.

В том, что речи государственного значения и дипломатические отчеты облекались в поэтическую форму, скандинавы не находили ничего необычного. Когда норвежский конунг Харальд Хардрода влюбился в русскую княжну Елизавету Ярославну, он сочинил в ее честь песнь. Другой раз Харальд, желая конфисковать земельные владения у противника, также сформулировал свое решение в виде висы (стихотворения). В важные моменты жизни исландцы и норвежцы, как, видимо, и другие скандинавы, обычно прибегали к стихотворному изложению своих мыслей и чувств. Но они охотно развлекались сочинением стихов и в обыденной обстановке. Тот же Харальд Хардрода, встретив в море рыбака, вступил с ним в стихотворный поединок. Скальдические стихи подчас импровизировались, и способность к импровизации была распространена. Повсюду — в поле и на пиру, в разгар боя и на тинге — могла быть сочинена или исполнена песнь.

Способность сочинять стихи ставилась древними скандинавами в один ряд с другими навыками и искусствами; с умением плавать, скакать верхом, играть на музыкальном инструменте, кузнечным ремеслом, стрельбой из лука, ездой на лыжах и т. д. Стихосложение было признаком ловкости и умения.

Скальды — дружинники конунгов — обычно пользовались большим почетом. В одной из песен говорится о скальдах Харальда

Прекрасноволосого: «По их одеждам и по их золотым кольцам видно, что они свои люди у конунга. У них красные меховые плащи с красивыми полосами, обвитые серебром мечи, сотканые из колец рубашки, золоченые перевязи, шлемы с вырезанными на них фигурами, наручные кольца, которые Харальд подарил им». Скальдов сажали на почетную скамью в пирушественной палате конунга. К их советам прислушивались, а сочиняемые ими хвалебные песни высоко ценили, ибо считалось, что восхваление скальдом хавдинга не просто увеличивает его славу среди людей, но умножает его удачу, счастье. Слово, по тогдашним представлениям, обладало магической силой: доброе, хвалебное слово имело положительное влияние на того, к кому оно было обращено, тогда как хула могла произвести самое губительное действие. Потому-то государи и другие вожди щедро одаривали воспевавших их скальдов и старались привлекать их ко двору. Со своей стороны скальды откровенно домогались королевских подарков и в своих стихах нередко просили и даже требовали их. И они при этом были движимы не простым корыстолюбием. Богатство, полученное в дар от хавдинга, связывало с ним получателя внутренними духовными узами; в этом богатстве материализовалось счастье, удача хавдинга, к которой в результате дара приобщался и тот, кто его получил. А поскольку счастье хавдинга считалось более полным и совершенным, чем счастье других, менее знатных людей, то получение богатства в подарок именно от конунга или ярла было особенно желанным^[95].

Отношение викингов к золоту, серебру, чужеземным монетам, драгоценностям, красивым одеждам, украшенному оружию независимо от того, достались ли они в дар или в виде добычи, было особым. Захват богатств и удача в воинских делах не только увеличивали благосостояние и могущество викинга: он заботился о своей славе и о славе рода. А приумножение славы и почета, которыми пользовались человек и его род, означало, по тогдашним представлениям, рост их удачи, «души рода», воплощавшейся в его главе и переходившей из поколения в поколение. Подвиги и добыча питали «душу рода», увеличивали его счастье и внутреннее благополучие; род удачливого викинга был богат счастьем. Для того чтобы обеспечить счастье рода и сохранить его в материализованном виде — в форме добытых драгоценностей, их подчас зарывали в землю. Археологи, обнаруживающие все новые клады, предлагают разные объяснения их большого количества. Например, шведский ученый С. Булин высказывал предположение о том, что скандинавы прятали серебро и монеты в периоды внутренних неурядиц, нападений врага (сопоставление датировки монет, найденных в кладах, с сообщениями хронистов и саг о политических событиях, по-видимому, свидетельствует о росте кладов во

времена смут и войн)^[96]. Другие ученые, указывая на то, что клады так и не были вырыты ни их владельцами, ни потомками, склонны объяснять это особой целью их сокрытия. Как гласила легенда, верховный бог скандинавов Один повелел, чтобы каждый воин, павший в битве, являлся к нему с богатством, которое было при нем на погребальном костре или спрятано им в земле.

Вероятно, в действительности имелись разные причины, по которым скандинавы зарывали свои богатства в землю. О том, что драгоценности прятали навечно, свидетельствуют саги. Отец скальда Эгиля Скаллаgrim утопил в болоте сундук с серебром, а сам Эгиль, получив два полных серебром сундука от английского короля Этельстана, незадолго до своей смерти спрятал их с помощью рабов, которых он убил затем, чтобы никто не знал о местонахождении клада. Буи Толстый, предводитель викингов из Йомсборга, смертельно раненный в морской битве, прыгнул за борт вместе с двумя ящиками, полными золота. Для этих людей благородные металлы и другие богатства представляли ценность прежде всего не как средства обмена, а сами по себе. Они упорно не желали упускать из своих рук захваченные драгоценности и видели в них воплощение личного и родового благополучия.

Не менее важными для обеспечения удачи и счастья семьи были слава, общественное уважение и память о подвигах и славных деяниях, совершенных ее представителями. Скандинавы очень заботились о своих родословных, передавали из поколения в поколение родовые саги, охотно шали рассказы о прошлом рода. Исландская историческая традиция, равно как и литература, основывалась преимущественно на родовых преданиях. «Добыча» и «слава» — два главных корня, питавших «душу рода» у древних скандинавов. Поэзия была одним из важных средств приумножения славы викингов.

Фактическое содержание песен скальдов довольно однообразно. Чаще всего — это воспевание подвигов конунгов и хавдингов, их щедрости, повествование о битвах и походах. Конкретной информации стихотворение скальда обычно содержит немного. Но его песнь имеет весьма сложное и строгое построение, с переплетающимися между собой фразами и насыщена своеобразными метафорическими оборотами — кеннингами. Упор в поэзии скальдов делается не на содержание, а на форму, которой стремились придать максимальную изысканность. Однако скальды не столько изобретали собственные образы, сколько пользовались традиционными условными обозначениями, подчас не связанными с содержанием стиха. Кеннинги вскоре приобрели стереотипный характер и крайнюю вычурность.

Искусство древнего скандинавского стихосложения в большой мере заключалось в умении умножать число кемпингов. Наиболее распространенными были кеннинги: битвы («вьюга копий», «встреча мечей», «звон оружия»), война («ясень битвы»), конунга («раздаватель колец», «правитель встречи мечей»), корабля («морской конь»), моря («дорога китов»), золота («огонь моря», «огонь воды», «пылающий голос жителей пещеры»), меча («змея битвы», «звнящая рыба кольчуги»), крови («волна битвы», «море меча», «пиво ворона», «напиток воина»), трупа («пища волка»), ворона («лебедь пота шипа ран»: «шип ран» — меч, а «пот меча» — кровь), огня («враг дома», «горе ветвей», «зло дерева»), неба («дом ветров», «корабельный сарай бури») и т. п. Нередко кеннинги были очень сложными. Таков, например, один из бесчисленных кеннингов человека: «расточитель янтаря холодной земли кабана великана», где «кабан великана» — это кит, «земля кита» — море, «янтарь моря» — золото. Человека можно было назвать «метателем огня вьюги ведьмы луны коня корабельных сараев», ибо «конь корабельных сараев» — корабль, «луна корабля» — щит, «ведьма щита» — секира, «вьюга секир» — битва, «огонь битвы» — меч.

При крайней вычурности и запутанности скальдические кеннинги вводят нас в мир звнящих мечей и обжженных кровью секир; кораблей, увешанных по бортам разноцветными щитами и мчащихся по бурным волнам под раздутыми северным ветром парусами; воинов, охваченных жаждой славы и богатства; конунгов, которые повелевают дружинами, раздают своим воинам оружие и кольца и устраивают для них пиры, — в мир викингов. Но в этом мире, неотъемлемыми аксессуарами которого были вороны и волки, пожирающие трупы, и обильно льющаяся кровь, вместе с тем высоко ценилась поэзия («напиток Одина», «мёд великанов») и слагались песни («прибой дрожжей людей костей фьорда»).

Часть кеннингов ныне непонятна. Но современникам их смысл был ясен; эти кеннинги, подчас связанные с мифологией и религиозными представлениями, порождали у древних скандинавов определенные ассоциации. Видимо, сложная структура песен скальдов и наличие в них условных оборотов объясняются магической ролью, которую выполняла эта поэзия. Стихотворение могло укрепить душу восплаваемого, но могло и повредить. Известно, например, что за песнь, сочиненную в честь исландцев скальдом Эйвиндом, каждый бонд внес монету, и из собранных денег была отлита серебряная пряжка для поэта. Существует предположение, что

особенности размеров скальдических стихов обусловлены языком магии. Не случайно Снорри считал творцом скальдического искусства Одина. В одной саге рассказывается, как от хулительного стихотворения, произнесенного скальдом, на ярла, против которого оно было направлено, напал ужасный зуд, в палате его стало совершенно темно, оружие, сорвавшись со стен, где оно было по обыкновению развешано, стало само убивать приближенных ярла. В поэзии скальдов очень сильны пережитки магической функции слова. Конунги старались держать при себе по несколько скальдов, и о редком из норвежских государей и ярлов той поры не сохранилось хотя бы одной панегирической песни. Вместе с тем существовали особые «хулительные песни», которые сочинялись с целью погубить тех, о ком они говорили. По исландским законам сочинителю и исполнителю хулительных стихов грозил штраф или даже объявление вне закона. Поэзия и магия, слово и действие представлялись неразрывно связанными. Здесь мы опять-таки сталкиваемся с верой в прямую, непосредственную действенность искусства, отражающей присущий скандинавам эпохи викингов дух активности и борьбы.

Исследователи поэзии скальдов отмечают, что в развитии размеров которыми пользовались скандинавские поэты, произошел скачок. Этот переход от архаических размеров к более сложным (к скальдическому «дротквету») совершился в связи с превращением безличного продолжателя поэтической традиции, не признававшего себя автором, в сознательного творца стихотворной формы, какими являлись уже древнейшие из скальдов^[97]. Такой скачок совершился к началу эпохи викингов. Возникает вопрос: не отражает ли этот переход к личному авторству в поэзии более широких сдвигов в сознании скандинавов кануна эпохи викингов, сдвигов в направлении известного развития индивидуальных черт человека, начавшегося освобождения его самосознания от господства коллективных, родовых представлений, в которых до того растворялось его мышление? В стихах скальдов постоянно подчеркивается личный характер их поэзии. Вспоминается одна черта изобразительного искусства начального периода эпохи викингов: изучая резьбу на деталях корабля, саней и других деревянных предметах из погребения в Усеберге, норвежский исследователь Х. Шетелиг пришел к выводу, что это произведение нескольких весьма различных между собою мастеров, работавших в разных стилях. Шетелиг называет этих мастеров «старым академиком», «барочным мастером», «импрессионистом», мастером, работавшим под влиянием каролингского искусства, и т. д.»^[98]. И хотя вопрос о мастерах Усеберга продолжает вызывать споры^[99], индивидуальность творчества этих резчиков по дереву стоит сомнения.

Таким образом, начало эпохи викингов характеризуется появлением скандинавских народов индивидуальных творцов как в поэзии, так и в области изобразительного искусства^[100]. Индивидуальное их творчество было ограничено формой: изобретательность резчиков проявлялась в орнаментации при воспроизведении традиционных фигур зверей и чудовищ; искусство скальда — в бесконечном варьировании трафаретными кеннингами безотносительно к смысловому содержанию стихотворения и в строгих, по сути дела неизменных рамках принятого размера. Тем не менее сама эта гипертрофия формы служила, по выражению М. И. Стеблин-Каменского, средством преодоления безличной традиции творческим самосознанием индивидуального автора^[101].

Сдвиги в сознании, которые нашли воплощение в художественных ценностях, созданных поэтами, художниками и резчиками, отражают духовную жизнь определенного слоя скандинавского общества эпохи викингов. Мастера и певцы были связаны прежде всего с конунгами и другими хавдингами, для них создавали свои произведения — украшали корабли, сочиняли хвалебные песни, вырезали изображения и надписи на поминальных камнях. Не нужно, однако, забывать, что искусство стихосложения и произведения скальдов были широко популярны. Точно так же и произведения резчиков и орнаменталистов, хотя и создавались нередко по заказу хавдингов, питались, несомненно, бытовавшими в народном прикладном искусстве мотивами, и одновременно служили художественными образцами, которые находили многочисленных продолжателей в среде бондов.

Перемены в материальном существовании скандинавских народов, вызвавшие настоящую потребность в новых землях, жажду добычи, необходимость в постоянном обмене и т. д. и подготовившие их экспансию V–XI вв., порождали у них вместе с тем новые жизненные установки, пробудили их к активности. Как это обычно присуще варварским народам, первым и нормальным выражением их активности были агрессивность и воинственность. Но одновременно их активность выливается в широкие переселения и в оживление торговли. Это своего рода пробуждение сил народа выявлялось в самых различных формах, во всех сферах жизни, в частности и в искусстве. Отсюда — многообразие стилей, живость восприятий, напряженность и сила художественных произведений.

Рост индивидуального самосознания скандинавов нашел свое выражение и в рунических надписях, проливающих свет на многие стороны жизни этой эпохи. Руны появились на Севере за много веков до эпохи викингов, однако с ее началом совпали важные изменения в письменности: на смену древнему алфавиту — «старшим рунам» пришел новый —

«младшие руны». Произошло упрощение письма: вместо прежних 24 знаков стало 16, причем, как полагают, эта перемена связана и со сдвигами в фонетике древнескандинавского языка. Не являются ли эти изменения еще одним показателем важных сдвигов в духовной жизни скандинавских народов, которыми ознаменовалось начало их экспансии? Именно к эпохе викингов относится большинство рунических надписей; наиболее богата ими Швеция. Но рунические письмена норманнов встречаются и далеко за пределами Скандинавии: в Англии, на острове Мэн, на территории нашей страны; неразборчивая руническая надпись оставлена варягами на плече статуи льва в Пирее. Рунические надписи немногословны и скупы, но в них скандинавы IX–XI вв. говорят с нами непосредственно.

Чаще всего надписи сообщают имена знатных людей и воинов, в память о которых они были высечены на камнях, и авторы их — обычно сородичи — подчеркивают благородство происхождения и славу этих людей, иногда и такие их качества, как щедрость, гостеприимство. Камни воздвигались детьми в память о родителях, отцами — в память о сыновьях. Многие надписи высечены от имени жен и дочерей — женщина занимала в этом обществе достойное положение. Среди умерших, упоминаемых в рунических надписях, очень велико число неженатых молодых людей: они погибли на чужбине в викингских походах или утонули в море. Но нередко имеются указания на торговые цели поездок в другие страны. Высокое общественное положение лиц, чьи имена встречаются в надписях, часто подчеркивается изображениями и орнаментом, которым украшены рунические камни. Здесь и звери, и птицы, и человеческие фигуры, и мифологические сцены, и корабли. По-видимому, изображения нередко раскрашивались, но краска не сохранилась. Больше всего надписей от языческой поры, во многих содержится обращение к богу Тору с призывом освятить руны. Упоминается и богатство, приобретенное воинами в походах, в том числе деньги, полученные от Кнуда в Англии, корабли, дружины, ими возглавлявшиеся, ополчения народа, которыми они командовали. Нередки надписи, сделанные дружинниками в память о хавдингах и конунгами — о своих верных сподвижниках. Некоторые камни с надписями служили как бы титулами собственности: в них упоминаются земли и усадьбы, принадлежащие отдельным лицам, имена тех, кто имел право их наследовать, причем среди наследников встречаются и женщины. Подобные камни ставились и на границах владений.

Руны часто употреблялись в магических целях. Знание их было привилегией сведущих людей, знати, и рунические надписи на богато орнаментированных и раскрашенных камнях утверждали в глазах современников и потомков авторитет, высокое социальное положение, славу

и богатство знатных родов викингов и могучих бондов. В отличие от поэзии скальдов, рисующей преимущественно дружинные и «придворные» круги общества, рунические надписи свидетельствуют о большом и возросшем к концу эпохи викингов общественном влиянии верхушки бондов — зажиточных владельцев усадеб, связанных с торговлей и войной^[102].

Пожалуй, особенно ярко духовную культуру скандинавов этой эпохи характеризуют погребения. В связанных с ними обычаях находили непосредственное выражение представления о смерти и загробном мире, т. е. центральные идеи религии. Вместе с тем погребения представляют массовый материал, относящийся к различным социальным слоям, ибо на территории скандинавских стран обнаружены и частично изучены многие десятки тысяч могил и захоронений. Бесспорно норманнских погребений за пределами Скандинавии известно сравнительно немного; вещи скандинавского происхождения, которые подчас встречаются в могилах в Англии, Ирландии, Франции или на территории СССР, — далеко не всегда доказательство норманнской принадлежности погребенных.

Изучение погребений дало возможность археологам сделать ряд важных наблюдений. В Норвегии в течение VII и VIII вв. происходило постепенное упрощение обрядов захоронений, которое, возможно, уже отражало христианское влияние. Можно было бы предположить, что после начала норманнских походов в другие страны, когда контакты скандинавов с христианским населением Европы неизмеримо усилились, эта тенденция в приближении языческих форм погребений к христианским должна была получить новые импульсы. Однако наблюдается прямо противоположное; начало эпохи викингов характеризовалось возвратом к чисто языческим формам погребений. Вместе с покойником в могилу или на погребальный костер старались положить как можно больше вещей, которые считались необходимыми в загробном мире. Мы уже рассказывали о кораблях из курганов в Гокстаде и Усеберге, готовых к «отплытию» в царство мертвых, о захоронениях хавдингов с их рабами, о необычайно богатом снаряжении, найденном во многих могилах викингов. Ни от одной эпохи не сохранилось такого обилия вещей, найденных в погребениях, как от эпохи викингов. Археологи отказываются объяснять это обстоятельство одним лишь ростом численности населения, не могут они удовольствоваться и ссылкой на богатства знати. Языческая реакция, ознаменовавшая начало эпохи викингов и нашедшая свое выражение, в частности, в погребальных обрядах, охватила все слои общества; среди находок в могилах того времени поражают даже не столько украшения и драгоценности, сколько количество простых вещей, находившихся в повседневном употреблении. Это сильное и всеобщее возрождение язычества и сопротивления религиозному влиянию,

шедшему из тех стран, на которые нападали норманны, отражает, по мнению норвежских ученых, рост самосознания норвежцев^[103]. Культ предков и заботы о загробном существовании заняли видное место в кругу их представлений и религиозной практики.

В Дании христианское влияние в тот период было сильнее и языческая реакция, видимо, не носила столь всеобщего характера, как в Норвегии. Тем не менее язычество сохраняло корни в Скандинавии до конца эпохи викингов. Адам Бременский в 70-е годы XI в. описывал языческие празднества, совершавшиеся каждый девятый год в главном святилище Швеции, Старой Уппсале, и сопровождавшиеся приношением в жертву людей и животных: по девяти голов от каждого рода живых существ мужского пола вешали на деревьях в священной роще. О подобных жертвоприношениях в Зеландии, в местности Лейре, рассказывает и немецкий хронист Титмар Мерзебургский (начало XI в.); здесь тоже через каждые девять лет, по его словам, убивали по 99 человек и столько же коней, собак и петухов для того, чтобы «примирить богов с теми бесчинствами, которые совершали». На остатках ковров, которые сохранились в погребении в Усеберге, видны стилизованные изображения людей, повешенных на деревьях. Имеются сообщения о принесении викингами пленных в жертву своим богам. Так, датский предводитель Рагнар Лодброк, атаковавший северное побережье Франции, приказал принести в жертву богам 111 захваченных воинов Карла Лысого. Когда же вскоре после этого датчанам стала грозить чума, их предводитель Хорик отпустил часть пленных, вернув им захваченную добычу, с тем чтобы задобрить бога франков.

Наиболее общее впечатление, создающееся при знакомстве с погребальными обрядами скандинавов того времени, — это необычайное многообразие их форм. Погребения в курганах и под небольшими насыпями встречаются бок о бок с погребениями без насыпей. Погребения в простых могилах перемежаются с погребениями в камерах, выложенных камнем. Наряду с погребениями в кораблях и лодках известны погребения, в которые клали часть ладьи, разрубленной на части; нередко погребения под камнями, выстроенными в форме контура корабля. В одних случаях покойника снабжали всей утварью, считавшейся необходимой для продолжения в загробном мире земной жизни, мужчин хоронили с оружием, орудиями труда, лошадьми, собаками и т. п., женщин — с их рукоделием и домашним скарбом; в других случаях погребали без каких-либо вещей; практиковались как погребение трупов, так и сожжение. Нередко встречаются погребения по христианским обрядам — в могилах находят нателные кресты, и вместе с тем есть погребения, в которых наряду с

крестом можно найти языческие символы (например, амулет, изображающий молот Тора). Частично различия в погребальных обрядах объясняются социальной принадлежностью погребенных: ясно, что захоронения в больших курганах, в ладьях или захоронения с богатой утварью могли практиковаться лишь в среде знати. Вместе с тем погребения вовсе без вещей могли быть могилами не бедных людей, а принявших крещение. Захоронения, в которых встречаются вместе предметы языческого и христианского культов, интересны в качестве свидетельства перехода от старой религии к новой, не совершавшегося внезапно и подчас дававшего своеобразный синкретизм верований. Многообразие погребальных обрядов обнаруживает отсутствие единства верований на территории всей Скандинавии: в разных странах и областях существовали свои религиозные представления, в том числе и представления о судьбе человека по окончании земного бытия. Из топонимики известно, что культ некоторых божеств не был распространен повсеместно. Многообразие форм захоронений, серьезные различия в погребальных обрядах не могут быть полностью упорядочены наукой при помощи установления их хронологии, географического размещения или атрибуции племенной принадлежности погребенных. В одно и то же время в одной местности население подчас практиковало разные формы захоронения своих покойников. Напрашивается предположение: общепринятых и единых представлений о потустороннем мире, о том, что происходит с человеком после смерти, и какой род существования будет он вести в царстве мертвых, — у скандинавов в эпоху викингов не существовало. Но поскольку идея загробной жизни — это одна из центральных идей религии, то возникает и другое предположение: языческие верования в ту эпоху, несмотря на временное их большое оживление, вообще находились в состоянии разброда. Религия предков, видимо, больше не давала непреложного ответа по крайней мере на некоторые самые существенные вопросы, возникавшие перед человеком.

Относительно стройная система мифологии и религиозных верований, которую выводят многие историки древнорманнской культуры на основе изучения песен «Старшей Эдды» и исландских саг, вряд ли может быть отнесена к эпохе викингов. Скорее, это продукт позднейшего переосмысления разрозненных и противоречивых представлений, причем переосмысления, совершавшегося уже в период господства христианства, наложившего свой отпечаток на скандинавский эпос. Язычество в этот период сохранялось преимущественно в эпосе, перестав быть живой религией. Судить по сагам и эддическим песням, сохранившимся в записи XIII в., о скандинавском язычестве было бы неосторожно. Эпоха викингов, начало которой ознаменовалось большим духовным подъемом,

напряженностью языческой религиозной жизни, вместе с тем характеризовалась разрушением традиционных верований и представлений, кризисом привычного мировоззрения скандинавов.

Разложение общинно-родовых отношений, получившее новые мощные толчки в период викингской экспансии, в конечном счете привело к краху язычества. Христианское влияние, шедшее в Данию и Швецию из Германии, в Норвегию из Англии, нашло поддержку в самой Скандинавии, его проводником стала укреплявшаяся и нуждавшаяся в идеологическом обосновании королевская власть. Тем не менее язычество медленно уступает свои позиции христианству, и даже в песнях о богах оно еще выступает в качестве духовной традиции, дающей мощные стимулы фантазии средневековых исландцев.

Как уже отмечалось, в отличие от поэзии скальдов, которая сохранилась в первоначальной форме, песни о богах и героях, — «Старшая Эдда» — не восходят непосредственно к эпохе викингов. В большинстве своем ко времени их записи в XIII в. эти песни уже бытовали в устной традиции на протяжении многих поколений, подвергаясь изменению, переработке и переосмыслению. Поэтому-то изучение духовной жизни скандинавов IX–XI вв. при помощи анализа эддических песен чревато ошибками и анахронизмами. Датировка эддических песен неясна и спорна, в любом случае они известны нам в позднейшей форме. Но вместе с тем есть все основания утверждать, что поэтический эпос скандинавов по своему содержанию восходит к героической поре их истории, к которой неизменно обращались исландцы последующих веков. Попытки некоторых археологов^[104] датировать песни «Старшей Эдды» при помощи упоминаемых в них вещей (оружия, украшений) неубедительны, но о том, что мифы, лежащие в основе многих песен, были распространены в Скандинавии уже в эпоху викингов, свидетельствуют как многочисленные изображения сцен из мифологии на камнях с руническими надписями, на дереве, оружии, тканях, относящихся к этой эпохе, так и стихотворениях скальдов, в которых нашли широкое отражение мотивы эддических сказаний.

Древняя религия скандинавов^[105], насколько о ней можно судить по наскальной живописи и данным археологии, основывалась на поклонении силам природы. Эта ее черта сохранилась в памяти о «старших» богах —

ванах. Ньёрд, Тир, Улль, Фрейр, Фрейя были богами плодородия и изобилия, неба, солнца, морской стихии. К началу эпохи викингов в религиозных представлениях скандинавов произошли некоторые сдвиги. Отдельные божества, прежде олицетворявшие силы природы, приобрели антропоморфные черты. Главное место в скандинавском пантеоне перешло от ванов к асам. Согласно легенде, между асами и ванами произошла война, закончившаяся соглашением и обменом заложниками. От ванов в качестве заложников асам были даны Ньёрд, Фрейр и его сестра Фрейя. Видимо, в этой легенде нашел отражение конфликт двух религий, а может быть, и какие-то столкновения между племенами^[106]. Так или иначе, ваны не потеряли своей популярности, и культ Фрейра в эпоху викингов был широко распространен в Скандинавии. Особенно важное место в этом культе занимали мотивы плодородия. Адам Бременский рассказывает, что в капище в Старой Уппсале стояли изображения Тора с молотом, Одина с оружием и Фрейра с фаллусом. Летописец воздерживается от описания культа этого бога. Но найдена статуэтка фаллического божества, возможно Фрейра. Фрейр давал людям мир и благоденствие, ему приносили жертву «для мира и урожая».

Постепенно складывается представление об асах, как о семье богов, живущих, подобно людям, в своей усадьбе Асгард. Они воюют с враждебными родами великанов и чудовищ, захватывают добычу и заложников, похищают женщин, пируют. Главой рода асов был Один. Он правит другими богами, как отец правит родом. Играл ли он эту роль в эпоху викингов, неясно. Однако черты хавдинга, инициатора битв и покровителя воинов, видимо, были присущи Одину уже в то время. По верованиям скандинавов, умершие попадали в Хель — мрачное царство мертвых, где царят холод, печаль, где все бездеятельны. Но воины, павшие в бою, считались избранниками Одина. Они одни получали доступ в Валхаллу — огромный чертог Одина. Туда плыли на кораблях или ехали на конях, и о наличии таких представлений, помимо погребений, свидетельствуют многие рисунки на камнях. На некоторых из них видна валькирия, которая встречает всадника, подъезжающего к Валхалле, в руке у нее кубок. Статуэтки, изображающие богато одетых женщин (предположительно валькирий) с кубками, и фигурки всадников были популярны: они найдены в Бирке, Хедебю и других местах. Викинги, принятые Одином в Валхаллу, пируют в украшенном золотом зале. Каждый день они покидают дворец и вступают в сражение между собой, но затем вновь возвращаются к пиршеству и возлияниям. Когда наступит конец света, Один пойдет в бой во главе своего воинства. По преданию, датский вождь Рагнар Лодброк носил перед своим отрядом знамя с вышитым на нем

изображением ворона Одина, который якобы крылом указывал воинам направление похода (отсюда прозвище Рагнара: brog — знамя, lod — судьба). В честь Одина совершались возлияния «за победу» на пирах.

Но Один в глазах скандинавов был не только военным вождем, зачинщиком битв и сеятелем раздоров. Он — и вечный странник, никогда не остающийся на одном месте, старец в надвинутой на глаза шляпе, в голубом плаще, склонный к перевоплощениям и мистификации. Верхов на восьминогом коне Слейпнире (конь почитался скандинавами как священное животное), в сопровождении волка и воронов, зовущихся «Память» и «Мысль», он постоянно охотится, как бы олицетворяя дух беспокойства и тяги к странствиям, овладевший скандинавами в эпоху викингов. Он же — покровитель торговли. Наконец, Один — воплощение высшей мудрости, он считался источником магии и поэзии («меда Одина»). Чтобы стать всеведущим и получить знание рун, Один принес самого себя в жертву, повесившись на мировом дереве, пронзив себя копьем, и отдал глаз в обмен на внутреннее зрение — мудрость.

Мнение некоторых ученых о том, что Один был божеством знати, военного класса, тогда как бог грома и молнии, рыжебородый силач Тор, являлся богом землевладельцев^[107], вряд ли верно. Языческий культ в Скандинавии оставался общим для всех приверженцев, независимо от их социального положения. Показательна необычайно широкая популярность Тора, имя которого родители охотно давали детям, надеясь на его покровительство. Такие имена, как Торольф, Торфинн, Торgrim, Торир, Тора, Торгейр и т. п. — их насчитывается много десятков, — носили равно и знатные, и бонды. Амулет, изображающий молот Тора, можно найти в самых богатых погребениях. Его изображение скандинавские правители чеканили на своих монетах. Нередко викинги шли в бой, призывая на помощь Тора, ибо он тоже был богом-воителем. Вооруженный своим молотом, Мьёлльниром, он сражался с великанами и чудовищами, защищая от них Мидгард — мир людей. Норвежские и вслед за ними ирландские конунги считали себя его потомками, викингов иногда называли «народом Тора». Имена Одина и Тора сохранились в скандинавских (а отсюда и в английских) названиях дней недели (швед. onsdag — день Одина, среда, torsdag — день Тора, четверг, fredag — день Фригг, жены Одина, пятница).

Но хотя Один и Тор равно были наиболее почитаемыми богами скандинавов, все же можно предположить, что в образе Одина викинги с большей полнотой находили воплощение своих идеалов, нежели в образе Тора. Один несравненно более противоречив, многогранен, сложен и аристократичен, чем простодушный молотобоец Тор. Если в последнем воплотился культ физической силы, то могущество Одина заключалось

скорее в мудрости, всеведении, хитрости. Качества, приписываемые Одину, — это качества, которыми в глазах тогдашних скандинавов должен был обладать удачливый вождь. В генезисе культа Одина остается много неясного (так, не выяснено его отношение с носителем злого начала в скандинавской мифологии — Локи)^[108], но существенно подчеркнуть одно обстоятельство. В эпоху викингов, как мы видели, наряду с разворачиванием военной активности скандинавов, их агрессивности, наблюдался большой духовный подъем, который выразился в расцвете поэзии и изобразительного искусства. В блине также можно видеть олицетворение обеих сторон жизни народов Севера: бог войны одновременно был и покровителем скальдов, источником вдохновения, колдуном.

Религия скандинавов не была проникнута моральным пафосом, нравственные понятия добра и зла в абстрактной форме были им чужды. Но вместе с тем эта религия придавала напряженность жизни. Все поведение человека подчинялось одному требованию, принципу; способствовать благу своего рода. Трусость, недостойные поступки могли повредить родовому счастью; неотмщенная обида, причиненная самому человеку или кому-либо из его близких, ложилась не только темным пятном на его честь, — она грозила разрушить душу рода, переходившую от предков к потомкам. И эта угроза была несравненно большей в глазах скандинава, чем страх смерти, которую он презирал. Поэтому каждый шаг, каждый поступок имел определенное значение. Человек был преисполнен чувства ответственности за будущее рода, частью которого он являлся, частица души которого жила в нем. Но по этой же причине он постоянно ощущал в себе присутствие силы рода и знал о поддержке, которую в случае необходимости он получит от него.

В плавании, в далекой стране скандинавы не могли рассчитывать на такую поддержку. Но, нуждаясь в ней, они создавали подобие родовой группы, делаясь побратимами друг друга, обмениваясь нерушимыми и скрепленными кровью клятвами верности, вступая в защитные гильдии и союзы воинов.

Разложение общинно-родового строя, ускорившееся в эпоху викингов, переселение в другие страны, разрушение прежней замкнутости и изолированности жизни, открытие новых миров — от Африки до Гренландии — неизбежно вели к подрыву и старой родовой идеологии, и синтеза ее — язычества. Войны, торговля, колонизация сопровождались установлением постоянных и тесных контактов с культурой народов, исповедовавших христианство. Для достижения успеха в чужой стране викинг, купец, переселенец должны были заручиться поддержкой господствующего в ней бога, ибо, по их представлению, божества, которые

правили у них на родине, вне Скандинавии силы не имели. Скандинавы принимали христианство в Ирландии, Англии, Франции, в других странах, но по возвращении домой вновь совершали возлияния и жертвоприношения в честь Одина, Тора, Фрейра. чтили предков, насыпали курганы и ставили камни в память об умерших. Христианское учение о грехе и искуплении оставалось чуждым их сознанию. Христа он и воспринимали как могучего вителя, правителя многих народов. Таким он и изображен на знаменитом еллингском камне. Христос представлен здесь в позе распятого, но мастер, который высек его фигуру, изобразил скорее воина с распростертыми руками, чем страдальца.

Часто скандинавы меняли религию, убедившись в могуществе Христа, в удачливости поклонявшихся ему людей»^[109]. Сага упоминают скандинавов, придерживающихся, как тогда говорили, «смешанной веры»: обращаясь за помощью к богу христиан, они не порывали с язычеством. Таков был исландский хавдинг Хельги Тоший: он верил в Христа, но на море прибегал к помощи Тора. Когда в 1000 г. альтинг принял закон о переходе всех исландцев в христианство, одновременно было оговорено, что допускается тайное отправление языческих обрядов и употребление конского мяса и крови, а также выбрасывание новорожденных. Языческие жрецы — годи — становились нередко священниками, но интересовались при этом, смогут ли они обеспечить место в раю для такого количества сородичей и друзей; сколько может вместить построенная ими церковь. Синкретизм скандинавов этого времени проявлялся и в том, что бок о бок с предметами языческого культа в могилы нередко клали кресты. Все это, равно как и упомянутый выше разноречивый в погребальных обрядах, — симптомы глубокого кризиса язычества.

Вместе с тем это был и социально-политический кризис: за сохранение старой веры в скандинавских странах обычно держалась родовая знать, которая издавна контролировала языческий культ и видела в нем гарантию своего могущества и независимости от конунга-объединителя, тогда как последний вместе с поддерживающими его слоями населения добивался установления своего единовластия, находившего оправдание в христианском монотеизме. Как раз в эпоху викингов разворачивается в странах Севера ожесточенная борьба между королями и родовой знатью, вылившаяся в конфликт между христианством и язычеством.

В песнях «Старшей Эдды» обитатели скандинавского Олимпа выступают не только вполне очеловеченными — в них подчас содержится насмешка над старыми богами и весьма низкая их оценка. В одной из песен о богах, известной под названием «Перебранка Локи», асам приписываются все низменные страсти, пороки и неблагоприятные поступки. Забияки, воры,

прелюбодеи, развратники, клятвопреступники, злословы — эти боги далеко не являлись в глазах своих почитателей образцами высокоморального поведения. Такова картина, отражающая влияние христианства, но она возникла не вдруг.

Дискредитация асов началась задолго до XIII в. Недаром скандинавские источники говорят об отдельных викингах, которые не верили в богов и полагались только на «собственную силу». Конечно, неверно видеть в них каких-то вольнодумцев и атеистов. Скорее то были люди, переживавшие духовный перелом вследствие распада традиционных общественных связей и освящавших их языческих представлений. Подобные сообщения, как и поэзия скальдов, свидетельствуют, видимо, о становлении человеческой индивидуальности. Люди, порывавшие с родиной и не принадлежавшие более к тесно сплоченным родовым коллективам, которые в значительной мере поглощали личность и растворяли ее в себе, нередко поставленные вне закона, не могли не столкнуться со сложными и подчас неразрешимыми проблемами»^[110]. Индивид в известной мере обособлялся от родовой группы, но в то же время не был способен достичь внутреннего самоопределения и утвердиться как личность. В условиях жизни, полной опасностей и превратностей, когда вслед за удачей и победой могло прийти жестокое поражение, а смерть подстерегала на каждом шагу, широкое распространение получили фаталистические взгляды. Возникла вера в безличную силу, правящую миром, в судьбу, которой подвластны и люди, и сами боги. Впоследствии, в «Прорицаниях вёльвы», эта вера в судьбу примет форму предсказания всеобщей гибели мира в результате космической битвы асов с чудовищами, которая приведет к гибели богов.

В творчестве скальдов нашли отражение смятение человека того времени, переоценка ценностей, утрата веры в прежних богов. Скальд Халльфред, приближенный норвежского конунга Олафа Трюггвасона, который принуждал его креститься, не хотел отказываться от приверженности блину, за что получил прозвище «Трудного скальда». В одной из его песен нашла выражение внутренняя борьба, вызванная сохранением привязанности к старой вере, с одной стороны, и необходимостью следовать увещаниям конунга — с другой. В конечном счете побеждает воля государя. Халльфред, как и многие дружинники скандинавских королей, переходили в христианство по требованию своих повелителей, ибо в них в большей мере, чем в богах, видели источник своего благополучия — и материального и духовного. Современники говорили, что нужно верить в того бога, которому поклоняется конунг Олаф Трюггвасон, ибо он был удачлив и обладал всеми доблестями хавдинга.

В религии всегда есть как бы два уровня: высший — учение о богах, то, что называется «богословием», и низший — культовые, обрядовые формы, действия, символика и ритуалы, священные предметы. Сила традиции в наибольшей мере присуща этому второму слою религиозных представлений и актов, которые играли значительную роль в общественной жизни скандинавов. Вера во всемогущество асов разрушалась, их место постепенно начали занимать Христос и дева Мария, наделяемые при этом некоторыми качествами старых богов, тогда как традиционные обряды проявляли еще огромную живучесть. Язычество сохранялось не как система взглядов и идеология, а как суеверие и комплекс ритуалов. Из сферы официальной жизни его вытеснило христианство, но в частной жизни людей оно оставалось важным элементом.

К началу эпохи викингов, как и по большей части на протяжении ее, скандинавские народы оставались варварами: они еще не перешли на стадию классового общества, хотя переход к нему, начинавшийся и до этой эпохи, ускорился под влиянием походов в другие страны. Но что такое варвар? Можно ли представлять себе скандинава только таким, каким его изображают западноевропейские хронисты: безжалостным убийцей и грабителем, охваченным лишь жадой добычи и лишенным каких-либо сдерживающих начал и моральных качеств? Несомненно, норманны были безжалостны к врагам и, тщательно защищая сородичей, не уважали и не ценили чужой жизни. Среди викингов был распространен обычай насаживать на копья младенцев в захваченных поселениях. Ненавистного противника, попавшего к ним в руки, викинги нередко подвергали особенно изощренным мучениям: рассекали ему спину, выворачивали ребра и вытаскивали легкие. Готовность пролить чужую кровь выражалась и в родовой мести, процветавшей у них на родине еще столетия спустя. Но каков был нравственный облик феодалов Запада, сражавшихся против северных варваров, намного ли они отличались по части милосердия, любви к ближнему, отношению к чужому имуществу и т. п.? В Англии с одного попавшего в плен норманна была содрана кожа и ее прибили к дверям церкви Христа, проповедовавшего милосердие. Известно, что осуждение викингов в западных хрониках объясняется главным образом их язычеством. О викингах говорили, что они «не оплакивают ни своих грехов, ни своих мертвых». Если бы они молились Христу, католические хронисты многое бы им простили.

Конечно, скандинавы того времени — это варвары со всеми присущими варварам внутренними качествами; жестокостью, мстительностью, диким нравом, неумеренностью, хитростью, вероломством, безудержным женолюбием и жадой грабежа. Но вместе с тем они более всего ценили в

людях мужество, презрение к опасности, чувство собственного достоинства, самодисциплину, верность другу и вождю, гостеприимство. Этими чертами они наделяли героев своей поэзии и мифологии.

Стремясь подчеркнуть дикость викингов, франкские и английские хронисты изображают их рослыми блондинами, великанами, обладающими недюжинной физической силой. И в сагах более позднего времени, идеализирующих прошлое исландцев, викинги обычно рисуются необыкновенными людьми. Об основателе Нормандии Роллоне рассказывали, что он всегда сражался пешим, потому что его тяжести не мог выдержать ни один конь. Когда герои саг гnevаются, то тело их раздувается и лопаются одежды. Среди викингов особенно выделялись так называемые берсерки — воины, которые в разгар битвы и при виде врага впадали в такое неистовство, что издавали нечленораздельное рычание, кусали щит и сбрасывали с себя кольчуги и верхнюю одежду, сражаясь обнаженными до пояса; берсерк считался воином, находившимся под покровительством Одина, и был неуязвим и силен, как волк, медведь или бык. Хавдинги стремились привлечь в свои дружины таких кровожадных и опьянявшихся битвой людей^[111]. Но и сообщения саг, и рассказы западных летописцев, несомненно, преувеличивают силу и варварский облик викингов. Изучение найденных в погребениях скелетов свидетельствует о том, что в среднем в ту эпоху люди обычно были несколько ниже ростом, чем теперь. Многие страдали от ревматизма и туберкулеза, а зубы их были поражены кариозом.

Неточны и показания иностранцев об одежде скандинавов, ходивших, по их словам, чуть ли не в шкурах. Жители Севера, по справедливому замечанию одного историка, считались лучшими скорняками своего времени^[112]. Домотканое сукно даже играло у них роль денег. Остатки одежды из шерсти, льна и шелка, а также изображения и статуэтки людей свидетельствуют о том, что и мужчины, и женщины одевались — при наличии средств — со вкусом и строго следовали тогдашним модам. Особенно велик был спрос на иностранные одежды, фризские платья, франкские и английские плащи; проникли на Север и византийские и славянские моды. Женщины носили длинные, до пят, платья, обычно без рукавов и с вырезом на груди. Мужчины одевались в блузы и длинные или короткие брюки типа гольфов. Верхней одеждой служил плащ. Известна любовь скандинавов к украшениям, пряжкам, подвескам, брошкам, кольцам. Судя по немногочисленным изображениям людей, сохранившимся от эпохи викингов, воины носили длинные волосы, заплетали бороды

(вспомним прозвище датского конунга Свейна — Вилобородый). Женские прически были неодинаковы для незамужних и замужних: девушки носили волосы, свободно лежавшие на спине и плечах; после выхода замуж волосы связывали в пучок. Арабский хронист рассказывал, что в Хедебю ресницы красили все — и женщины и мужчины и, по его словам, это очень им шло. Тщеславие воинов находило особое удовлетворение в обладании богато украшенным и дорогим оружием и кольцами из золота и серебра.

Говоря о варварстве викингов, не следует представлять их бескультурными грабителями, способными лишь на разрушение. Действительность была неизмеримо сложнее и противоречивее. Бесспорно, что в IX–XI вв. скандинавами двигала жажда добычи. Однако они не только воевали и занимались пиратством, но и торговали, заселяли и возделывали новые земли, открывали неизвестные до них страны. Вместе с серебром и рабами, тканями и оружием они привозили на родину новые идеи и представления, новые впечатления о дальних странах Востока и Юга, Запада и Севера и новые художественные и технические навыки. Подъем изобразительного искусства и скальдической поэзии, начавшийся еще до походов викингов, свидетельствует о напряженной духовной жизни скандинавских народов. В эпоху викингов были заложены основы того нового расцвета скандинавской культуры, который произошел в XII и XIII вв. прежде всего в Исландии и нашел свое выражение в песнях о богах и героях, в многочисленных сагах об исландцах, о королях, о дальних странствиях. Вклад Исландии того времени в европейскую и в мировую культуру огромен. Велико своеобразие творчества скандинавов, народного по своим истокам и духу. Но важно еще раз подчеркнуть, что содержание и комплекс представлений, которые воплотятся в произведениях исландской культуры средневековья, — прямое наследство духовной традиции времен викингов.

Заключение

Походы норманнов — последний этап исторической драмы, вызванной столкновением в Европе двух миров — варварства и цивилизации. Как и варвары, завоевывавшие Римскую империю, норманны подчиняли себе отдельные области в странах Запада, заселяли их, оказывали свое воздействие на их общественный и политический строй. Но в конечном счете не норманны вышли победителями в этом конфликте. Захваченные и колонизованные ими области со временем были включены в состав феодальных государств, на которые они нападали. Страдавшие от норманнских набегов народы после долгой борьбы нашли в себе силы для того, чтобы их отразить. Более того, это столкновение двух миров положило конец северному варварству. Северная Европа и в дальнейшем продолжала отличаться от передовых стран средневековья и несколько отставать от них в своем развитии, тем не менее это развитие было отныне частью общеевропейской эволюции. Когда эпоха викингов закончилась, в Дании, Швеции и Норвегии уже возникали крупное землевладение и зависимое крестьянство, торжествовали королевская власть и католическая церковь. Вследствие усилившегося экономического общения с другими странами, под влиянием социальных институтов, материальной и духовной культуры, религии более развитых европейских народов скандинавы скорее перешли к новому строю жизни, включились в орбиту европейской цивилизации.

Вопрос о роли походов викингов в процессе ломки доклассового общества и формирования феодализма в скандинавских странах сложен и мало изучен. Очевидно, внешняя экспансия имела противоречивые последствия для внутренней истории Швеции, Норвегии и Дании. Приток в эти страны богатств, вымененных и награбленных на Востоке и Западе, несомненно, способствовал укреплению высших слоев общества и углублению социальной и имущественной дифференциации его. В эпоху викингов резко возросло количество рабов, которыми обладали богатые и могущественные люди, а отчасти и многие бонды. Все это, казалось бы, должно было способствовать скорейшему отмиранию родового строя. Но вместе с тем часть населения Скандинавии покидала родину, что не могло не замедлять шедших здесь социальных процессов. Было бы неосторожно видеть класс феодалов в скандинавской знати, усилившейся в IX–XI вв. вследствие пиратства, торговли и захвата рабов. Основой богатства этих хавдингов и стурманов оставалось движимое имущество, а не земля, не доходы от эксплуатации зависимых крестьян. Часть рабов наделялась

участками. В их положении действительно можно найти некоторые черты сходства с положением феодально-эксплуатируемых крестьян, но неверно и игнорировать существенное различие между ними. Наоборот, как можно предполагать, распространение рабства, которое долгое время сохранялось в Скандинавии и после окончания походов викингов, явилось одной из причин того, что процесс феодального подчинения свободных бондов начался здесь относительно поздно и шел весьма медленно.

Знать, разбогатевшая и усилившаяся в походах в другие страны, в значительной своей части так и не превратилась в феодальных землевладельцев. Многие наиболее видные ее представители, пытавшиеся сохранить свою независимость, погибли в борьбе против королевской власти, которая проводила политику объединения страны. В состав сложившегося в конце концов класса феодалов наряду с потомками уцелевших старых стурманов вошли новые люди, связанные с королем, выходцы из незнатных родов, разбогатевшие бонды, высшее духовенство. К концу эпохи викингов на Севере Европы сохранялась многоукладность общественных форм, пестрота социального строя и существовали лишь зачатки феодализма. Проблема генезиса феодальных отношений в скандинавских странах еще далека от своего решения.

Нет достаточной ясности и в вопросе о времени складывания скандинавских государств. Хотя некоторые историки (в особенности шведские) относят это время чуть ли не к эпохе «Великих переселений», есть основание предполагать, что переход от стадии племенных союзов к раннефеодальному государству продолжался в Скандинавии еще в XI в. Социально-политические процессы, о которых идет речь, начались ранее эпохи викингов и закончились уже после ее завершения. Походы норманнов, оказавшие огромное, хотя и противоречивое воздействие на эти процессы, не определили их всецело.

notes

Примечания

В Византии «варанги» — это скандинавы в составе императорской гвардии и воины-наемники в составе союзнического корпуса, в древнерусской летописи «варяги» — это собирательное обозначение скандинавов, независимо от рода их деятельности: Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Скандинавы на Руси и Византии в X–XI веках: к истории названия «варяг» // Славяноведение. 1994. № 2. Попытка отождествить варягов с кельтами или «кельтизированными славянами» (см. Кузьмин А. Г. Об этнической природе варягов // Вопр. истории. 1974. № 11) не выдерживает критики.

Действительно, нам неизвестны записи хроник, законов или саг вплоть до XIII в. — руническое письмо долгое время использовалось северогерманскими племенами, и скандинавами в том числе, преимущественно в магических целях, однако в X в. в Скандинавии распространяется обычай устанавливать памятные камни, рунические тексты которых сообщали о причине установки камня, заказчике, а иногда и об имени резчика рун; к XI в. относятся археологические находки разнообразных бытовых текстов (Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. М.: Наука, 2001. С. 21 и далее).

Вопросу о «мифологизации» периода викингов уже в эпоху средневековья посвящена недавно появившаяся в переводе на русский язык статья немецкого ученого Р. Зимека «Викинги: миф и эпоха. Средневековая концепция эпохи викингов», опубликованная в сборнике «Древнейшие государства Восточной Европы: 1999 г. Восточная и Северная Европа в средневековье / Под ред. Г. В. Глазыриной. М.: Наука, 2001. Автор заключает, что «большая часть эпохи викингов предшествовала христианизации Скандинавии и, таким образом, представляла собой чистое поле для идеализации и героизации предков-викингов» (с. 25).

Рыдзевская Е. А. Некоторые данные из истории земледелия в Норвегии и в Исландии в IX–XIII вв. // Исторический архив, т. III, М.-Л., 1940. С. 14.

На русском языке имеются несколько переводных работ: переиздана книга Андерса Стрингольма «Походы викингов», впервые переведенная на русский язык и изданная еще в 1861 г. См.: Стрингольм А. Походы викингов / Пер. с нем. А. Шемякина. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. В этой книге говорится не только о походах викингов и их завоеваниях, но и о повседневной жизни скандинавов той эпохи, их обычаях, религии; Ингстад Х. По следам Лейва Счастливого / Пер. с норв. Л.: Гидрометеиздат, 1969; Роэсдадь Эльсе. Мир викингов: Викинги дома и за рубежом / Пер. с дат. Ф. Х. Залоторевской; Ред. Е. Н. Носов. СПб., 2001. В русском издании (вслед за оригинальным) в конце дан богатый список литературы на европейских языках как общего, так и специального характера; Джонс Гвин. Викинги. Потомки Одина и Тора / Пер. с англ. М.: Центрполграф, 2003; Джонс Гвин. Норманны. Покорители Северной Атлантики / Пер. с англ. Н. Б. Лебедевой. М.: Центрполиграф, 2003. На рус. языке: Петрухин В. Мифы древней Скандинавии. М.: АСТ, 2001. Детские книжки П. Деполовича «Витязи севера», СПб., 1896 (последнее издание 1904 г.), и Ж. Оливье «Поход викингов», М., 1963 (посвящена открытию норманнами Америки).

Hagen A. Studier i jernalderens gårdssamfunn // Universitetets oldsaksamlings skrifter. Bd. IV. Oslo, 1953; Petersen J., Gamle gårdsanlegg i Rogaland, Bd. I–II. Oslo, 1933, 1936; Hatt G. Oldtidsagre // Det kongelige Danske Videnskabernes Selskab. Arkeologisk-Kunsthistoriske Skrifter. Bd. II. Nr. 1. København, 1949; Hatt G. Nørre Fjand. An Early Iron-Age Village Site in West Jutland // Arkeologisk-kunsthistoriske Skrifter utgivet af Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab. Bd. 2. № 2. København, 1957; Viking — Age settlements in Western and Central Jutland. Recent excavations // Acta Archaeologica. V. 50. 1979. Copenhagen, 1980.

Гуревич А. Я. Большая семья в Северо-Западной Норвегии в раннее средневековье // Сб. «Средние века». Вып. VIII. М., 1956.

Lindqvist S. Uppsala högar och Ottarshogen. Stockholm, 1936; Åberg N. Vendelgravarna och Uppsala högar i deras historiska miljö // Fornvännen, 1949, S. 193–204.

Vårt folks historie. Bd. I. Oslo, 1962, S. 242–244.

Steinnes A. Husebyar. Oslo, 1955; Гуревич А. Я. Древненорвежская
вейцла // Научные доклады высшей школы: Исторические науки. 1958. № 3.

Piekarczyk S. O społeczeństwie i religii w Skandynawii VIII–XI w.
Warszawa, 1963.

Martens I. Vikingetogene i arkeologisk belysning // Viking. Bd. XXIV. 1960.
S. 112–113.

Brøndsted J. *Vikingerne*. København, 1960. S. 23; Roesdahl E. *The Vikings*. L., 1991. P. 189–191.

Almgren O. Nordische Felszeichnungen als religiöse Urkuriden. Frankfurt am Main, 1934; Kjellén T. Något om Enköpingstraktens hällristningar. // Tor. V. VI. Stockholm, 1960. S. 5–18.

Shetelig H. Das Nydamschiff // Acta Archaeologica. V. I. København, 1930.
S. 1–30.

Тацит. Германия, гл. 44.

Судя по изображениям на поминальных камнях Готланда (VII–X вв.) прямоугольный парус мог быть сплетен из длинных полос ткани (кожи?): см. Lindqvist S. *Gotlands Bildsteine*. I–II. Stockholm, 1941–1942.

Osebergfundet. Udg. av. A. W. Brøgger, Hj. Falk, H. Shetelig. Bd. I–III. Oslo. 1917–1920; Brøgger O. W. og H. Shetelig. Vikingskipene. Oslo, 1950; Osebergdronningen — hvem var hun? // Viking. XLV. Oslo, 1982; Christensen A., Ingstad A., Myhre B. Oseberg dronningens grav. Oslo, 1992.

На территории Скандинавии, Исландии и Британских островов известно несколько десятков погребений в ладьях, относящихся к периоду викингов и совершенных как по обряду ингумации, так и кремации, т. е. когда покойник сжигался вместе с лодкой. Это могут быть погребения и мужчин, и женщин, причем не обязательно богатого и знатного рода, особенно если длина лодки не превышает 10 м (см. Müller-Wille M. *Bestattung im Boot. Studien zu einer nordeuropäischen Grabsitte*. Offa 25/26. 1968/69. Neumünster. 1969). В некоторых местностях на территории Средней Швеции, например, в лодках хоронили только женщин (могильник Туны в приходе Баделунд) или только мужчин (могильник Венделя) (см.: Nylén E., Schönback B. *Tuna i Badelunda. Guld kvinnor båtar. I–II*. Västarås, 1994; Stolpe H., Arne T. *Graffältet vid Vendel*. Stockholm, 1912).

В зависимости от размеров и особенностей конструкции, известных по археологическим раскопкам, ладьи определяются специалистами как военные (или боевые), торговые и обычные лодки, имевшиеся, вероятно, на каждом хуторе (тем более в прибрежных районах). Таким образом, скорее размер и снаряжение ладьи указывали на социальный статус погребенного или сожженного в ней человека, а не простой факт присутствия ладьи. В ряде случаев, как оказалось, ладьи (шведский могильник Вальстерде) или корабли («королевские» курганы Норвегии Гокстад, Усеберг, Туна), обнаруженные в погребениях, довольно долго до того использовались — 10–15 лет (см.: Larsen G. *Betarna fren Valsgärdes betgravar. Ett försök till tolkning* // Tor. V. 25. Uppsala. 1993; Bonde N. *De norske vikineskisgraver alder. Ett vellyket norsk-dansk forkninsprojekt* // Nationalmuseets arbejdsmeddelelse 1994. København. 1994. S. 129–148).

Конструкции кораблей и ладей изучены в основном по материалам около 30 погребений, раскопанных в прибрежных областях Норвегии и Средней Швеции (см.: Crumlim-Pedersen O. Ship types and sizes AD 800–1400. Aspects of Maritime Scandinavia AD 200–1200. Roskilde, 1991; на рус. языке: Фон Фиркс И. Суда викингов / Пер. с нем. А. А. Чабана. Л.: Судостроение, 1982). Копии викингских судов строились неоднократно: в 1949 г. в Дании был сооружен и спущен на воду корабль ходивший под парусом и на веслах, в 1950-м — в Швеции, в 1987 г. — в Норвегии воссоздали усебергский корабль.

Andersen M. Vikingefaerden. Kristiania, 1895. S. 190–195.

Sølver C. V. The Ladby Ship Anchor // *Acta Archaeologica*. V. XVII, 1947. S. 117–126; Brøndsted J. *Danmarks Oldtid*. Bd. III. København, 1960. S. 333–335.

Корабль из Ладбю почти не сохранился, его реставрировали по фрагментам и отпечаткам, оставленным его формами. Длина корабля более 21 м, ширина в средней части без малого 3 м. Он был уже норвежских кораблей и не так глубоко сидел в воде. Нос его украшала голова дракона из железной спирали. Найден железный якорь с цепью, находившийся на борту: ладья была готова к «отплытию» в загробный мир, нос ее указывал на юг. Судя по вещам и костям дюжины лошадей, найденным вместе с кораблем, в нем около середины X в. был погребен богатый датчанин. Но и этот курган оказался разграбленным.

Норвежский археолог Ш. Блиндхейм недавно поставила под сомнение эти выводы: исходя из того, что найденная в усебергском захоронении обувь была высокого качества и принадлежала, как полагает Блиндхейм, погребенной здесь старухе, она заключает, что эта женщина не могла быть рабыней. Вероятно, она-то и была «королевой» Асой. (Blindheim Ch. Osebergskoene på ny // Viking, Bd. XXIII. Oslo, 1959. S. 71–85).

Oxenstierna E. Die Nordgermanen. Zürich, 1957. S. 124.

Norges innskrifter med de yngre runer. Bd. II. Oslo, 1951. S. 37.

Jones G. The Norse Atlantic Saga. L., 1964. P. 187.

Petersen J. De norske vikingesverd // Skrifter utgit av Videnskabselskapet i Kristiania, 1919. II. Historisk-filosofisk klasse. Kristiania, 1920; Arbman H. Schweden und das Karolingische Reich. Stockholm, 1937. S. 215–235.

На территории Скандинавии найдено огромное количество мечей (только в Норвегии более 2200), более 200 клинков несут на себе клейма рейнских мастерских (франкских мастеров). Но оружие производилось, конечно, и в самой Скандинавии. Среди археологических находок последних лет особый интерес представляет обнаруженная в Норвегии могила кузнеца середины X в. В ней наряду с орудиями ремесла найдена и его продукция, в том числе мечи, наконечники копий, боевые топоры. (Blindheim Ch. Smedgraven fra Bygland i Morgedal // Viking, Bd. XXVI, 1963. S. 25–61).

Wadstein E. Norden och Västeuropa i gammal tid. Stockholm, 1925.

Jankuhn H. Haithabu. Ein Handelsplatz der Wikingerzeit. Neumunster, 1956; Jankuhn H. Die Ausgrabungen in Haithabu 1937–1939. Berlin, 1943.

На дне Роскилле-фьорда на острове Зеландия найдены остатки пяти кораблей, нагруженных камнями и затопленных для того, чтобы блокировать вход во фьорд. Их длина от 15 до 20 м. Радиоактивный анализ подтвердил предположение, что эти суда относятся к IX–XI вв. Olsen O. and Pedersen O. C. *The Skuldelev Ships* // *Acta Archaeologica*. V. XXIX. København, 1958. S. 161–175; Olsen O. *Vikingskibene i Roskilde Fjord* // *Nationalmuseets arbejdsmark*. København, 1962. S. 18.

Город возник на месте торгово-ремесленной фактории фризов VIII в., остатки которой в виде небольшого неукрепленного поселения и грунтового могильника обнаружены южнее городского вала Хедебю. См.: Jankuhn H. Haithabu, ein Handelsplatz der Wikingerzeit. Neumünster, 1963. S. 126–128.

Датский вал использовался не только в Средние века. Он оказался нужным во время войны Дании против Пруссии и Австрии в 1864 г., хотя датчане и не смогли его удержать. Весной 1945 г. немецко-фашистские оккупанты использовали древний вал, пытаясь задержать английские танки.

Jankuhn K Die frühmittelalterlichen Seehandelsplätze im Nord- und Ostseeraum (Vorträge und Forschungen, IV). Lindau und Konstanz, 1958. S. 477.

Snorri Sturluson. Heimskringla. III. Reykjavík, 1951. S. 146–147.

Arbman H. Birka, Sveriges äldsta handelsstad. Stockholm, 1939; Arbman H. Birka. I. Die Gräber. Uppsala, 1943. М. Дрейер утверждает, что упоминаемая в исторических источниках Бирка — это не Бирка на Меларене, а Бирка на Аландских островах. Dreijer M. Häuptlinge, Kaufleute und Missionare im Norden vor Tausend Jahren. Mariehamn, 1960. S. 53–92. Ambrosiani B. Excavations in the Black Earth Harbour 1960–1971 // Birka Studies. 1. Stockholm, 1992.

Около 10% среди исследованных погребений Бирки содержали оружие, редко полный набор: меч, копье, топор, щит, стрелы, чаще всего отмечены мечи или копья в сочетании со щитом. Интересно, что гирьки в большинстве происходят из женских и детских погребений. На основании археологических находок трудно определить принадлежность погребенного к профессиональным купцам, тем более, что в ту эпоху функции купца и воина слишком часто переплетались. Вероятно, можно говорить лишь о том, что люди, погребенные с весами, гирьками или монетами, были теснее остальных связаны с торговлей. См.: Gräslund A.-S. The Burial Customs. A study of the graves on Björko. Birka IV. Stockholm, 1980. P. 79–80.

Kivikoski E. Studien zu Birkas Handel im östlichen Ostseegebiet // *Acta Archaeologica*. V. VIII. København, 1937. S. 229–250.

Holmqvist W. Die eisenzeitlichen Funde aus Lillön, Kirchspiel Ekerö, Uppland // *Acta Archaeologica*. V. XXV. København, 1954. S. 260–271; Holmqvist W. Excavations at Helgö // *Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien*. 1961.

Holmqvist W. The Dancing Gods // Acta Archaeologica. V. XXXI. København, 1960. P. 101–127.

Богатство и значение Бирки как торгового центра подчеркивают не только монеты из погребений и найденные на поселении, но и клады: серебряных монет и украшений, спрятанный в начале 70-х гг. X в., и второй — всего из 4 золотых колец (см.: Zachrisson T. Silver and gold hoards from Black Earth // Birka Studies. 1. Stockholm, 1992). Однако кроме торговли большую роль в жизни Бирки играло ремесло. При археологических раскопках поселения найдены несомненные свидетельства существования мастерских, в которых работали кузнецы, ювелиры, косторезы и др. (см.: Ambrosiani B., Arrhenius B., Danielsson K., Kyhlberg Ola, Werner G. Birka. Svarta Jordens Hamnområde arkeologisk undersökning, 1970–1971. Stockholm, 1973).

Oxenstierna E. Så levde vikingarna. Stockholm, 1959. S. 102.

Stenberger M. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. I–II. Stockholm-Lund, 1947, 1958.

Skovmand R. De danske Skattefund fra Vikingetiden og den ældste Middelalder indtil omkring 1150 // Aarbøger for Nordisk Oldkyndighed og Historic. 1942.

Клады на Готланде находят постоянно: при ремонте дорог, вспашке поля, уборке картофеля. В XVIII в. клад, содержащий 4 кг серебра, был выкопан собакой, старавшейся спрятать кость, а крупнейший готландский клад с более чем 2600 арабскими монетами весом без малого 8 кг был случайно найден в 30-е гг. XX в. детьми, игравшими в каменоломне.

Blindheim Ch. The Market Place in Skiringssal // *Acta Archaeologica*. V. XXXI. København, 1960. P. 83 ff; Blindheim Ch. Kaupangundersøkelsen avsluttet // *Viking*. 1969. Oslo. s. 5–38; Blindheim Ch., Heyerdahl-Lansen B., Talnes R. L. Kaupang-funnene. Bd. I. Oslo, 1981 // *Norske Oldfunn*. XI.

Floderus F. Sigtuna // *Acta Archaeologica*. V. I. København, 1930. S. 97–110; Ambrosiani B. Birka—Sigtuna—Stockholm // *Tor*. V. III. Uppsala, 1957. S. 148–158.

Jankuhn H. Die frühmittelalterlichen Seehandelsplätze im Nord- und Ostseeraum. S. 453 ff., 495 f; Херрман Й. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы / Пер. с нем. Г. С. Лебедева. Л., 1986. С. 76–89.

Ramskou Th. Lindholm // *Acta Archaeologica*. V. XXIV. København, 1953. S. 186–196; Ramskou Th. Londholm Høje // *Acta Archaeologica*. V. XXVI. 1955, S. 177–185; V. XXVIII. 1957. S. 193–201.

Lewis A. R. *The Northern Seas. Shipping and Commerce in Northern Europe AD 300–1100*. Princeton, 1958. P. 250.

Первые торговые центры Скандинавии, такие как известные уже читателю Хедебю, Скирингссаль-Каупанг, Хельгё, Бирка, становились и ремесленными центрами, участвовавшими в ближней и дальней внутрискандинавской торговле. Торговали льняными и шерстяными тканями, смолой, дегтем, воском, различными кузнечными изделиями, роговыми гребнями, стеклянными бусами. Из Северной Норвегии, а в конце эпохи викингов из Гренландии вывозили в Европу моржовый клык. С территории Норвегии в германские земли, Исландию, на Фарерские и, вероятно, Британские острова ввозился мыльный камень (тальк) и различные бытовые изделия из него: котлы, светильники и др. В Исландию приходилось везти муку, слолод, лес в обмен на грубые виды шерстяной ткани и некоторые виды одежды, сшитые из нее. См.: Foote P., Wilson D. *The Viking Achievement*. L., 1970. P. 191–203.

Jomsvikinga saga / Ed. by N. F. Blake. L., 1962. 15–16.

Weibull L. Kritiska undersökningar i Nordens historia omkring år 1000.
Lund. 1911. S. 178–195.

Bremen Adam von. Hamburgische Kirchengeschichte / Hrsg. von B. Schmeidler, 1917. II. 22.

Nørlund P. Trelleborg. København, 1948.

Schultz C. G. Aggersborg, vikingelejren ved Limfjorden. (Fra Nationalmuseets arbejdsarkiv, 1949). København, 1949. S. 91–108.

Olsen O. Fyrkat (Nationalmussets blå bøger). København, 1959. Olsen L., Schmidt H., Roesdahl E., Fyrkat. En jusk vikingeborg. I–II. København, 1977.

Исходя из количества одновременно существовавших жилых построек — длинных домов, предполагается, что военное население Фюрката могло составлять 400 человек. Раскопками выявлен могильник, насчитывающий всего 30 погребений (авторы раскопок не исключают, что какая-то незначительная часть могил осталась за границами исследованной территории) — это соответствует крохотному поселку с населением всего в 20–30 человек. Количество погребений могильника Треллеборга указывает на незначительное число его постоянного «мирного» населения — от 80 до 120 человек (см.: Bødtker Petersen S., Woller T. Trelleborggravpladsen til revision // Simblegård — Trelleborg. Arkeologiske Skrifter. 3. 1989. København, 1989. S. 284). Все это подчеркивает военный характер поселений.

По мнению Б. Альмгрена, в лагерях типа Треллеборга подготавливалась к отправке в Англию конница викингов, значение которой возросло в X — начале XI в. Almgren B. Vikingatågens höjdpunkt och slut. Skepp, hästar och befästningar // Tor. V. IX, 1963. S. 215–250.

Grieg S. Trelleborg // Norsk militaert tidsskrift. 111. Bd, 1952. S. 427–429.

Olsen O. Trelleborg-problemer // Scandia. 28. Bd, 1962. S. 101.

L'Orange H. The illustrious Ancestry of the newly excavated Viking Castles Trelleborg and Aggersborg // Studies presented to D. M. Robibson, V. I. St. Lois, Missouri, 1951. P. 509 ff.

Lauring P. Danelagen. Danmark i England. København, 1957. S. 195 ff.

Weibull L. Fornborgen Trelleborg // Scandia. 20. Bd, 1950. S. 287 f.

Olsen O. Trelleborg-problemer. S. 104.

Olsen M. Valhall med de mange dører // *Acta philologica scandinavica*. VI. 1931. S. 151 ff.

При этом М. Ульсен подчеркивал обилие дверей в Валхалле. Сходство с Колизеем усугубляется, по его мнению, тем, что в нем сражались гладиаторы, а по древнескандинавским представлениям воины в Валхалле тоже бились между собой.

Шведский ученый С. Линдквист, в отличие от М. Ульсена, полагает, что прообразом Валгаллы послужил языческий храм в Старой Уппсале (Швеция). Lindqvist S. Valhall-Collosseum eller Uppsalatemplet? // Tor. 1949–1951. Uppsala, 1952. S. 61–101.

Askeberg F. Norden och Kontinenten i gammal tid. Studier i forngermansk kulturhistoria. Uppsala, 1944. S. 121 ff, 140 ff, 182–183.

Hamilton J. R. C. Excavations at Jarlshof, Shetland. Edinburgh, 1956, p. 114, 121, Plate XXI.

Annals of Ulster, ed. W. M. Hennessy and B. MacCarthy. I. Dublin, 1887.

Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder. Bd. VIII. København, 1963, s. 374.

Nerman B. Grobin-Seeburg. Stockholm, 1958.

Lowmianski H. Zagadnienie roli normanów w genezie państw słowiańskich. Warszawa, 1957; Греков Б. Д. О роли варягов в истории Руси. — «Новое время», 1947, № 30; Шаскольский И. П. Норманнская теория в современной буржуазной науке. М.-Л., 1965.

Тихомиров М. Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». — «Советская этнография», т. 6–7, М., 1947; ср., Минорский В. Ф. Куда ездили древние русы? — В сб. «Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы». М., 1964; Melvinger A. Lès premieres incursions des Vikings en Occident d'après des sources arabes. Uppsala, 1955.

Авдусин Д. А. Варяжский вопрос по археологическим данным. — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры», 1949, вып. 30.

Однако массовые обследования, произведенные на русском Севере, обнаружили антропологическую близость приильменьского населения (так называемого ильменьско-беломорского типа) с жителями Скандинавии. М. В. Витов, руководивший антропологической экспедицией, склонен объяснять это сходство «весьма вероятной варяжско-скандинавской примесью у русских северо-запада». Витов М. В. Антропологические данные как источник по истории колонизации русского Севера. — «История СССР», 1964, № 6, с. 97. Остается неясным вопрос о поселении в Старой Ладогe. Наиболее ранними ее жителями, по-видимому, были финны. См.: Корзухина Г. Ф. Этнический состав населения древнейшей Ладоги. — «Тезисы докладов второй научной конференции по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии». М., 1965, с. 12–14. В слое IX–X вв. найдены вещи из Скандинавии и палочка с рунической надписью. См.: Равдоникас В. И., Лаушкин К. Д. Об открытии в Старой Ладогe рунической надписи на дереве в 1950 году. — «Скандинавский сборник», IV. Таллин, 1959.

Шаскольский И. П. Проблемы периодизации истории скандинавских стран. — «Скандинавский сборник», VIII. Таллин, 1964, с. 354–355, 357.

Ioranson E. The Danegeld in France. Rock Island, 1924.

MelvingerA. Les premières incursions des Vikings en Occident d'après des sources arabes, p. 44–45.

Там же.

Ingstad H. Landet under leidarstjernen. En ferd til Grønlands norrøne bygder. Oslo, 1959.

Радиоактивный анализ древесного угля позволил наметить следующие даты: около 860 г. (плюс — минус 90 лет) и около 1000 г. (плюс — минус 70 лет). Возможно, что сожженные обитателями поселка деревья погибли намного раньше того времени, когда их бросили в очаг. Из вещей найдена лишь одна: пряслице — ролик веретена, аналогичный норвежским. Ingstad H. Vinland Ruins Prove Vikings Found the New World. — «National Geographic», v. 126, № 5, November 1964. Нужно, однако, сказать, что остаются сомнения в правильности идентификации Винланда с Ньюфаундлендом и нет определенности относительно времени, когда существовало это поселение. См. Коган М. А. Виндланд найден? Новые данные о норманнах в Америке. — «Известия всесоюзного географического общества», т. 97, 1965, с. 472. Хотелось бы, частности, отметить одно обстоятельство, которого Х. Ингстад не учел. В идентификации им Ньюфаундленда с Винландом немалую роль играет то соображение, что название Винланд надо расшифровывать якобы не как «страна винограда», а как «страна лугов» (vin от древнейшего winja, «пастбище»). Местность на Ньюфаундленде, в которой открыты дома норманнов, носит название мыса Медоу (англ. Луговой), и в этом склонны видеть «многовековую традицию», восходящую к Лейфу и его спутникам. Но термин vin (win) утратил указанное значение в древнорвежском языке задолго до 1000 г., и все населенные пункты в Скандинавии, имеющие в своих названиях этот корень (их известно около тысячи), возникли в первой половине I тысячелетия н. э. Следовательно, Винланд исландских саг, несомненно, «страна винограда», а не «страна лугов». Ингстад в этом отношении заблуждается.

Осенью 1965 г. в Йельском университете (Нью Хейвен, США) была опубликована географическая карта XV в., подлинность которой удостоверяют несколько исследовавших ее специалистов (нам о ней известно лишь из периодической печати). Как сообщают, карта датируется 1440 г. и была составлена в Базеле. Она представляет собой копию более древней карты. Широкое внимание, привлеченное к этой публикации (см., например, «Кто же открыл Америку?» — «За рубежом», № 46, 1965, с. 24–26), объясняется тем, что на карте, составленной за полвека до экспедиции Колумба, обозначен, наряду с Гренландией, Винланд, а также имеется надпись, сообщающая о посещении Винланда епископом Гренландии Эриком Гнупссоном. Об Эрике до сих пор было известно, что он в 1121 г. отплыл на поиски западных островов, но ничего не говорилось о достижении им Винланда и вообще о его дальнейшей судьбе. Однако относительно подлинности новонайденной карты в науке высказываются серьезные сомнения. В любом случае эта карта, представляющая интерес для оценки предыстории экспедиции Колумба, не произведет переворота в наших знаниях о скандинавских открытиях в Америке на рубеже X и XI вв.

Viking Antiquities in Great Britain and Ireland. Pt. III. Oslo, 1940.

Dyggve E. Gorm's Temple and Harald's Stave-Church at Jelling. — «Acta Archaeologica», v. XXV. København, 1954, s. 221–239.

Stenton P. M. The Danes in England. — «Proceedings of the British Academy». London, 1927.

Lauring P. Danelagen. Danmark i England. København, 1957.

The Northern Isles. Ed. by F. T. Wainwright. Edinburgh, 1962, p. 117–118.

Haskins Ch. H. The Normans in European History. Boston and New York, 1915, p. 82.

Этот огромный гобелен длиной в 70 м при ширине в 0,5 м содержит более 70 сцен. Он был выткан английскими мастерами во второй половине XI в. Stenton F. (ed.). *The Bayeux Tapestry. A Comprehensive Survey*. London, 1957.

Kendrick T. D. *A History of the Vikings*. London, 1930, p. 22; Sheielig H. *Viking Antiquities in Great Britain and Ireland*, pt. I. Oslo, 1940, p. 10.

Sawyer P. M. The Age of the Vikings. London, 1962, p. 194.

Brøndsted J. Vikingerne, s. 21–23; Lauring P. Vikingerne. København, 1956; E. Oxenstierna. Så levde vikingarna, s. 17; Arbman H. Vikingarna. Stockholm, 1962, s. 46.

Shetelig H. Classical Impulses in Scandinavian Art from the Migration period to the Viking Age. Oslo, 1949; p. 104; Holmqvist W. Germanic Art during the First Millenium A. D. — «Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar». Del 90. Stockholm, 1955, p. 58, ff.

Holmqvist W. Viking Art in the Eleventh Century. «Acta Archaeologica», v. XXII. København, 1951, p. 1, ff.

Grönbech V. The Culture of the Teutons, v. I–II. London — Copenhagen, 1931.

Bolin S. Ur penningens historia. Stockholm, 1962, s. 51, ff.

Стеблин-Каменский М. И. Происхождение поэзии скальдов. «Скандинавский сборник», III. Таллин, 1958, с. 181, сл.; Lie H. Skaldestilstudier. — «Maal og minne». Oslo, 1952.

Shetelig H. Classical Impulses in Scandinavian Art, p. 105, ff.

Lindqvist S. Osebergmästarna. «Tor». Uppsala, 1948, s. 9–27.

Стеблин-Каменский М. И. О некоторых особенностях стиля древнеисландских скальдов. — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1957, т. XVI, вып. 2, с. 151.

Стеблин-Каменский М. И. Происхождение поэзии скальдов, с. 184, сл.

Ruprecht A. Die ausgehende Wikingerzeit im Lichte der Runeninschriften. Göttingen, 1958 (Palaestra, Bd. 224), S. 113–122.

Shetelig H. Prehistoire de la Norvège. Oslo, 1926, p. 216–217.

Nerman B. Rígsþula 16:8 dvergar a oxlum, arkeologiskt belyst. — «Arkiv för nordisk filologi», 69, 1954; Nerman B. Volospá 61:3 gullnar toflor; Två unga Eddadikter. Arkeologisk belysning av þrymskviða och Atlamál. — «Arkiv för nordisk filologi», 78, 1963.

Vries J. de. Altgermanische Religionsgeschichte. Bd. I–II. Berlin, 1956–1957.

Briem Olafur. Vanir og æsir. Reykjavík, 1963.

Vårt folks historic, I. Oslo, 1962, s. 373, 374.

Ström F. Loki. Ein mythologisches Problem. Göteborg, 1956.

Bay S. A. Bonde og viking, Tønder, 1954, s. 185–186.

Turville-Petre E. O. G. *Myth and Religion of the North*. London, 1964, p. 263, ff.

Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder. Bd. I. København, 1956 s. 501–502.

Oxenstierna E. Så levde vikingarna, s. 7.